

Научный компонент

Научно-практический журнал Сибирского юридического института МВД России

№ 3(11)
2021

ISSN 2686-939X

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель

Сибирский юридический институт МВД России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации Эл № ФС77-74498 от 07 декабря 2018 г.).

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов, точность цитат несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Воспроизведение материалов, полная или частичная перепечатка без письменного разрешения редакции преследуются по закону.

Редакционный совет (редакционная коллегия):

главный редактор, он же председатель редакционного совета – Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

заместитель председателя, он же ответственный за выпуск – Цуканов Николай Николаевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе) Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

ответственный секретарь – Василевская Елена Владимировна, редактор редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск);

члены редакционного совета:

Безруков Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва);

Евтихов Олег Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Железняк Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России;

Калугин Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника (по учебной работе) Сибирского юридического института МВД России;

Коновалова Ольга Викторовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Куприянич Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков Сибирского юридического института МВД России;

Мальков Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России;

Мельников Евгений Борисович – кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России;

Молоков Вячеслав Витальевич – кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России;

Панов Евгений Валентинович – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры физической подготовки Сибирского юридического института МВД России;

Пономарева Валерия Владимировна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Судницын Алексей Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России;

Шинкевич Владимир Ефимович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России;

Юсупова Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Сибирского юридического института МВД России.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОУГРОЗЕ

Вольнкин Е.Н. Использование информации о внешности сбытчиков наркотиков в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий	6-14
--	------

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Калугин А.Г. Особенности предмета доказывания при расследовании организации экстремистского сообщества	15-25
Тепляшин П.В., Данченко А.В., Данилова А.А. Киберпроституция как негативное и развивающееся явление современности	26-31
Алешкина С.А. Криминологическая характеристика и профилактика проявлений виктимности несовершеннолетних в семейно-бытовой сфере	32-38
Галимова М.А., Астахова А.О. Проблемные вопросы реализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	39-49

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

Свинов Д.В. О правовом статусе руководителя территориального органа внутренних дел как организатора оперативно-розыскной деятельности	50-58
Павлова С.А., Толстикова Л.А. Формирование толерантности в профессиональной этике как профилактика проявления ксенофобии	59-66
Сергиенко А.С. Об интерпретации преступного поведения в контексте аналитической психологии	67-74
Торгерсен А.С. О некоторых актуальных проблемах нормативно-правового регулирования оборота гражданского оружия в контексте принятия Федерального закона от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»	75-78

АЛГОРИТМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Пунтус С.А. Право на образование сотрудников органов внутренних дел: к пониманию сущности через классификацию прав и свобод	79-86
Васильева Т.Б. Использование дистанционных образовательных технологий в процессе обучения огневой подготовке в образовательных организациях МВД России	87-92

Мещеряков В.С. Построение процесса физической подготовки юных дзюдоистов на основе современных направлений силовых тренировок	93-100
Филиппович В.А. Планирование учебно-тренировочного процесса членов сборных команд образовательных организаций МВД России по лыжным гонкам	101-106

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА

Мамай Е.А. Актуальные вопросы раскрытия преступлений и расследования уголовных дел: по итогам международного семинара	107-115
Карлов А.А. Соотношение института досудебного соглашения о сотрудничестве с общей формой деятельного раскаяния	116-122
Латышов В.С. Размышления о процессуальном институте содействия правосудию в расследовании уголовных дел	123-127
Макогон И.В. О некоторых аспектах обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства при использовании оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании	128-134
Алескеров В.И., Малыгина О.В. Некоторые новации преступлений, совершаемых в сфере телекоммуникации и компьютерной информации	135-143
Мальков С.М. Понятие и общественная опасность коррупционной преступности в органах внутренних дел	144-149
Самойлов А.Ю. Закономерности слеодообразования как основа криминалистической деятельности следователя	150-154
Трифорова К.А. Особенности деятельности прокурора по изучению материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением	155-161
Трубчанинов А.В. Особенности организации расследования мошенничества в сфере страхования	162-169
Шавкарова Е.Е. Особенности использования специальных средств при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 239 Уголовного кодекса Российской Федерации	170-177
Шампина О.С. Признание недопустимыми доказательств как гарантия реализации принципа законности на досудебной стадии уголовного судопроизводства	178-183

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF COUNTERACTING THE DRUG THREAT

Volynkin E.N. The use of information about the appearance of drug traffickers in the process of carrying out operational search activities	6-14
---	------

TOPICAL ISSUES OF LEGAL SCIENCE

Kalugin A.G. Features of the subject of proof in the investigation of the organization of an extremist community	15-25
Teplyashin P.V., Danchenko A.V., Danilova A.A. Cyberprostitution as a negative and developing phenomenon of our time	26-31
Aleshkina S.A. Criminological characteristics and prevention of juvenile victimization in the family and household sphere	32-38
Galimova M.A., Astakhova A.O. Problematic issues of the implementation of administrative supervision of persons released from prison	39-49

SCIENTIFIC DISCUSSION

Svinov D.V. About the legal status of the head of the territorial body of internal affairs as the organizer of operational investigative activities	50-58
Pavlova S.A., Tolstikova L.A. The formation of tolerance in professional ethics as a prevention of xenophobia	59-66
Sergienko A.S. On the interpretation of criminal behavior in the context of analytical psychology	67-74
Torgersen A.S. On some topical issues of Regulatory Regulation of the Circulation of civilian weapons in the context of the Adoption of Federal Law No. 231-FZ dated June 28, 2021 «On Amendments to the Federal Law «On Weapons» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»	75-78

ALGORITHMS OF HIGHER SCHOOL

Puntus S.A. The right to education of employees of internal affairs bodies: towards understanding the essence through the classification of rights and freedoms	79-86
Vasilyeva T.B. The use of distance learning technologies in the process of fire training in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	87-92

Meshcheryakov V.S. Building the process of physical training of young judoists on the basis of modern directions of strength training	93-100
Filippovich V.A. Planning of the training process of members of the national teams of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in cross-country skiing	101-106

RESULTS OF THE INTERNATIONAL SEMINAR

Mamai E.A. Topical issues of crime detection and investigation of criminal cases: based on the results of the international seminar	107-115
Karlov A.L. Correlation of the institution of a pre-trial cooperation agreement with the general form of active repentance	116-122
Latypov V.S. Reflections on the Procedural Institute for the Promotion of Justice in the Investigation of Criminal Cases	123-127
Makogon I.V. On some aspects of ensuring the rights and freedoms of participants in criminal proceedings when using operational investigative information in criminal procedural evidence	128-134
Aleskerov V.I., Malygina O.V. Some innovations of crimes committed in the field of telecommunications and computer information	135-143
Malkov S.M. The concept and public danger of corruption crime in the internal affairs bodies	144-149
Samoilov A.Yu. The regularities of trace formation as the basis of the forensic activity of the investigator	150-154
Trifonova K.A. Features of the prosecutor's activity in studying the materials of the criminal case received with the indictment	155-161
Trubchaninov A.V. Features of the organization of fraud investigation in the insurance industry	162-169
Shavkarova E.E. Features of the use of special means in the investigation of crimes provided for in Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation	170-177
Shamshina O.S. The recognition of inadmissible evidence as a guarantee of the implementation of the principle of legality at the pre-trial stage of criminal proceedings	178-183

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ВНЕШНОСТИ СБЫТЧИКОВ
НАРКОТИКОВ В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

**USE OF DISTRIBUTOR APPEARANCE INFORMATION DRUGS
IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION
OF OPERATIONAL SEARCH MEASURES**

Волынкин Евгений Николаевич,
*доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент*

volynkinen@yandex.ru

Ключевые слова:

опознание, наблюдение, отождествление, аппаратно-программные системы безопасности, информационно-поисковые системы, свидетели, несовершеннолетние, информация о внешности, сбыт наркотиков, закладчики наркотиков.

В статье рассматриваются вопросы квалифицированного сбора и использования информации о внешности сбытчиков наркотиков в противодействии их противоправной деятельности. Автор приходит к выводу, что быстрое и качественное документирование противоправной деятельности сбытчиков наркотиков из числа несовершеннолетних во многом зависит от квалифицированного сбора и использования информации о внешности предполагаемого преступника, ее отождествления, использования современных технологий в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Keywords:

identification, surveillance, hardware and software security systems, information and search engines, witnesses, minors, appearance information, drug sales, couriers - «bookmarks» of drugs.

The article deals with the issues of qualified collection and use of information about the appearance of drug traffickers in countering their illegal activities. The author comes to the conclusion that the rapid and high-quality documentation of the illegal activities of drug traffickers from among minors largely depends on the qualified collection and use of information about the appearance of the alleged criminal, its identification, the use of modern technologies in the process of carrying out operational search activities.

Быстрое и полное раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков является одной из наиболее важных составных частей комплексной деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступностью. Правильная организация, совершенная тактика и высокая эффективность этой деятельности имеют исключительно важное профилактическое значение, надежно обеспечивают соблюдение принципа неотвратимости ответственности сбытчиков наркотических средств за каждое совершенное ими преступление, создают предпосылки для принятия к ним своевременных мер по недопущению дальнейшего распространения наркотических средств.

Практика показывает, что выявление и документирование противоправной деятельности сбытчиков наркотиков посредством осуществления ими закладок представляет определенные трудности. Сотрудники по контролю за оборотом наркотиков, получив первоначальные сообщения о фактах сбыта наркотиков неустановленными лицами, приступая к их выявлению, как правило, порой не знают о том, кем сбываются наркотики (например, взрослыми лицами или несовершеннолетними), поскольку сначала наиболее ярко вырисовываются общие особенности организации и тактики выявления и раскрытия преступлений, применяемые ко всем категориям преступников.

Для своевременного выявления и документирования противоправной деятельности курьеров-закладчиков наркотиков решающее значение приобретают показания свидетелей и очевидцев, иных осведомленных лиц, которые могут охарактеризовать приметы преступников, примерный возраст, особенности поведения и речи. В то же время представление (мысленный образ) о сбытчике наркотиков, формируемый в сознании (памяти) очевидцев, в ряде случаев не в полной мере соответствует действительности. Достоверное и точное описание наружности преступника, некоторых внешних функций его организма, а также одежды, которую он носит, и других используемых предметов представляет определенную сложность, поскольку воспроизводятся достаточно хорошо и уверенно лишь те элементы и признаки, которые прочно удерживаются в памяти свидетелей и иных осведомленных лиц, а остальные признаки являются случайными, не связанными со зрительным образом, и отражаются в памяти только лишь для создания целостности образа. К примеру, если очевидец хорошо запомнил прическу, форму глаз и носа, то они уверенно воспроизводятся в процессе отождествления личности курьера-закладчика наркотиков.

Следует подчеркнуть, что эффективность раскрытия многих преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков, прямо зависит от квалифицированного сбора и использования в проведении оперативно-розыскных мероприятий информации о внешности сбытчика наркотиков. Негласное опознание по приметам может быть осуществлено, например, путем производ-

ства поиска в местах вероятного появления лиц, представляющих оперативный интерес [7, с. 54].

Так, при осуществлении личного сыска в местах наиболее вероятного появления курьеров-закладчиков наркотических средств хорошие результаты дают обращение к оперативно-розыскным учетам (информационно-поисковым системам) с целью установления лиц, схожих по внешности с закладчиками наркотиков, ориентирование других органов, специализированных конфидентов, представителей общественных формирований правоохранительной направленности.

В.А. Жбанков отмечает, что с появлением новых видов объектов регистрации появляются новые виды учета. При этом к одному и тому же источнику информации могут относиться разные по виду объекты-носители, каждый из которых дает начало самостоятельному виду криминалистического учета [3, с. 45-46].

В настоящее время важное значение в выявлении и документировании противоправной деятельности участников незаконного оборота наркотиков имеют системы видеонаблюдения, в том числе комплексные системы безопасности, оснащенные IP-камерами, коммуницируемыми с сетью Интернет, поскольку эти системы позволяют использовать в режиме реального времени такие разнообразные функции обработки, как детекторы движения, улучшение изображения, позволяющие распознать сбытчиков наркотиков.

Анализ показывает, что за последние годы видеокамеры зарекомендовали себя в качестве эффективного средства для правоохранительных органов при раскрытии и расследовании преступлений и, по нашему мнению, могут стать хорошим средством профилактики преступных деяний [6, с. 139-144].

В качестве наглядного примера можно представить автоматизированную информационную систему «Синергет Розыск», положительно зарекомендовавшую себя в г. Рязани, используемую для отождествления лица по его фотоизображению. Данная система распознает лицо в видеопотоке, используя при этом записи камер, установленных в местах проведения массовых мероприятий. Структурно входящий в систему аппаратно-программный комплекс «Коридор безопасности» в режиме реального времени анализирует записи камер наблюдения и передает оператору сообщения об обнаружении заподозренных лиц¹ [9].

Существует множество и других аппаратно-программных систем безопасности, с помощью которых осуществляются вышеуказанные функции в режиме реального времени, позволяющих хранить большой объем информации, а также восстанавливать картину происшедшего события².

1 URL: <http://secuteck.ru> (дата обращения: 22 апреля 2021 г.).

2 URL: <http://www.daily.sec.ru> (дата обращения: 22 апреля 2021 г.).

Вместе с тем анализ судебной практики свидетельствует, что полученная информация в виде копий видеозаписей с камер видеонаблюдения, устанавливаемых юридическими и физическими лицами для организации видеонаблюдения за объектами, а также автомобильных видеорегистраторов принимается многими судами в качестве доказательств, свидетельствующих об отождествлении внешности участников незаконного оборота наркотиков и их противоправной деятельности.

Указанная позиция подтверждается кассационным определением Верховного Суда РФ от 26 февраля 2013 г. № 67-О13-14, в котором разъяснено, что «не являются обоснованными и приведенные в кассационных жалобах доводы о том, что видеозапись является недопустимым доказательством по делу в связи с отсутствием точных сведений о модели видеорегистратора и копией этой записи, поскольку видеозапись произведена в соответствии с требованиями закона и объективность ее содержания сомнений не вызывает».

К тому же согласно абз. 3 п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума) не требуется согласия на обнародование и использование изображения гражданина, если оно необходимо в целях защиты правопорядка и государственной безопасности (например, в связи с розыском граждан, в том числе пропавших без вести либо являющихся участниками или очевидцами правонарушения).

В частности, изображения, размещенные в сети Интернет гражданами, также обеспечивают возможность проведения выборки по ряду характерных признаков внешности для дальнейшего отождествления с неустановленными сбытчиками наркотиков. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения А.М. Зинина, который указывает, что «с внедрением современных компьютерных технологий и накоплением опыта автоматизации информационно-поисковых систем стало реальным создание полностью автоматизированных систем оперативной идентификации человека по признакам внешности» [4, с. 52].

Надо отметить, что согласно пп. 2 п. 1 ст. 1521 ГК РФ не требуется согласия гражданина для обнародования и дальнейшего использования изображения, полученного при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, в том числе на публичных мероприятиях (например, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования. В то же время изображение гражданина на фотографии, сделанной в публичном месте, не будет являться основным объектом использования, если в целом фотоснимок отображает информацию о прове-

денном публичном мероприятии, на котором он был сделан (п. 45 постановления Пленума).

За последние годы произошло значительное омоложение личного состава оперативных подразделений. Порой молодые сотрудники не имеют необходимой подготовки по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, в том числе в области использования признаков внешности в установлении сбытчиков наркотиков, поскольку подавляющее большинство из них дают описание внешности преступника произвольно, не имея четкого представления о приметах и описании, используемых в системе «Розыск» и в оперативно-розыскных документах, предусмотренных нормативными правовыми актами.

Как в поручениях конфидентам, так и в сообщениях, полученных от них, внешность сбытчиков наркотиков, представляющих оперативный интерес, описывается неполно, используется произвольная терминология, подчас исключающая однозначное понимание признака.

При сборе и использовании информации о внешности сбытчика наркотиков часто отрицательно сказываются дефицит времени (например, при получении такой информации конфидент обязан как можно быстрее передать ее заинтересованному сотруднику оперативного подразделения, а это не всегда возможно из-за трудности ее передачи в условиях соблюдения конспирации), а также субъективность восприятия очевидцами преступления и ее воспроизведения, в частности при опросе. Дело в том, что в подобных случаях требуется документальная фиксация этой информации для последующего ее использования. Чтобы полно и объективно собрать информацию, сэкономить время при составлении описания, необходимо наличие формализованных документов сбора и фиксации информации о внешности человека, тем более несовершеннолетнего.

Для правильного описания внешности любого человека, при этом чтобы составленная характеристика являлась объективной, систематической и охватывала совокупность признаков, достаточных для отождествления несовершеннолетнего, сотруднику оперативного подразделения важно:

- знать наименование отдельных частей лица и тела человека, а также одежды;
- изучить классификацию внешних признаков, правила и последовательность их описания, для характеристики этих признаков применять установленную терминологию;
- уметь отбирать среди всей массы особенностей, присущих наружности несовершеннолетнего, наиболее характерные, индивидуальные признаки.

На наш взгляд, применение в оперативно-розыскной деятельности формализованных бланков описания внешности человека по внешним анатомическим, функциональным признакам и характеристики одежды и других вещей

имеет свои сложности. Специфика конспирации и быстротечность событий требуют максимального ограничения объема описания при наибольшей розыскной значимости фиксируемой информации. Эти жесткие, но необходимые рамки предопределили ряд дополнительных исследований, в результате которых установлено следующее. Во-первых, быстрота задержания сбытчиков наркотиков по признакам внешности далеко не равнозначна в различные моменты совершения преступления; во-вторых, при установлении преступников, в том числе несовершеннолетних, используются далеко не все признаки внешности (одни – чаще, другие – реже).

К примеру, можно отобрать такие наиболее «работающие» признаки внешности подростков, имеющие наибольшую вероятность точного воспроизведения и наиболее часто используемые сотрудниками оперативных подразделений, специализирующихся по линии борьбы с преступностью несовершеннолетних, при отождествлении личности несовершеннолетних преступников, как рост, телосложение, цвет и форма волос (прическа), форма лица, а также общение на молодежном специфическом сленге, в том числе среди распространителей и потребителей наркотиков.

Полагаем, что большое розыскное значение имеют признаки одежды несовершеннолетних. Во-первых, одежда подростка относится к наиболее крупным компонентам его внешности, поэтому воспринимается в первую очередь. Во-вторых, несовершеннолетние в первые часы после совершения преступления, как правило, не меняют одежды. Это позволяет сотрудникам оперативных подразделений эффективно использовать признаки одежды в установлении и задержании несовершеннолетних преступников по горячим следам. Так, признаки одежды использовались в 82% случаев задержания подростков сотрудниками подразделений уголовного розыска.

Однако определение группы наиболее «работающих» признаков само по себе еще не гарантирует отождествление личности несовершеннолетнего преступника. Необходимы дополнительные признаки, в частности поведенческие, позволяющие отнести конкретного подростка, в том числе и вовлекателя, к категории лиц, представляющих оперативный интерес. Отождествлению служат и особенности внешности. Такое сочетание «работающих» признаков с особенностями внешности и поведения, на наш взгляд, не является информационной основой отождествления личности преступника из числа несовершеннолетних закладчиков наркотиков. Полагаем, что сведения о внешности несовершеннолетнего являются сравнительно небольшим, но характерным для данного подростка комплексом признаков. Они должны легко восприниматься на расстоянии и играть роль основных идентифицирующих признаков, служащих целям выборки из определенного числа лиц, интересующих оператив-

ные подразделения, несовершеннолетних на улицах, в транспорте, на вокзалах и в иных местах их концентрации.

В этом случае повышенный уровень шума снижает зрительную чувствительность, например, в условиях воздействия очень сильного шума световая чувствительность сумеречного зрения может падать до 20% прежнего уровня [2, с. 72]. Поэтому с учетом возникающих помех важной практической задачей является умение запомнить внешность сбытчика наркотиков. В памяти необходимо удерживать, а затем описать важнейшие признаки, характеризующие его наружность. Большое значение при этом имеют условия наблюдения, его продолжительность и др.

Надо отметить, что в абсолютном большинстве случаев при непроизвольном запоминании в условиях наблюдения фиксируется то, что вызывает вопросы, недоумение, удивление, что представляет препятствие, задержку, указывает на наличие задачи, которую нужно осмыслить, решить. Лучше запоминается все странное, необычное, непонятное, что не укладывается в рамки машинально протекающего восприятия. То, что протекает автоматически и схематично, в порядке фиксированных установок воспринимается, запечатлевается и воспроизводится значительно хуже [1, с. 26].

По мнению П.И. Зинченко, возможно и продуктивное непроизвольное запоминание, поскольку вся полученная информация фиксируется в памяти субъекта, надо лишь сотрудникам оперативных подразделений уметь применять психологические приемы по извлечению ее из его памяти [5, с. 46].

Поэтому для конструктивного решения задачи, на наш взгляд, целесообразно запрограммировать наиболее значимые для установления сбытчиков наркотиков, в том числе несовершеннолетних, признаки в виде формализованной памятки по описанию внешности и кратких рекомендаций по «отысканию» в облике людей характерных черт преступника с целью правильного запоминания его внешности (особенно «на ходу») для практического использования в деятельности оперативных подразделений. Кроме того, в процессе проведения занятий с практическими сотрудниками органов внутренних дел следует активно применять методику обучения навыкам использования признаков внешности при выявлении закладчиков, в том числе несовершеннолетних. Это позволит сэкономить время для их отождествления и блокировать наиболее вероятные пути их сокрытия (пример, с места закладки наркотиков), тем самым повысив эффективность документирования противоправной деятельности в условиях экстренного реагирования при совершении преступлений.

В то же время оперативное ориентирование, на наш взгляд, предполагает не только использование наиболее мобильных сил и средств, но и всех заинтересованных общественных формирований, участвующих в охране общест-

венного порядка. Полагаем, что не менее значимым является вопрос о своевременном информировании конфиденентов, сотрудников других оперативных подразделений. Суть этой информации – сжатое формализованное описание внешности преступника. Вот почему насущной необходимостью является использование сотрудниками органов внутренних дел формализованных документов как на несовершеннолетних, так и взрослых лиц, содержащих оптимальный объем информации для каждой неконкретной стадии (ориентирование, сбор и передача данных и т.д.). Как уже говорилось, в этих документах следует предусмотреть краткое описание внешности лица. Этой цели в наибольшей степени, на наш взгляд, отвечала бы используемая в розыскной работе схема-силуэт преступника. Считаем, что это будет способствовать привитию сотрудникам определенных навыков в сборе и передаче информации о внешности преступников, в том числе несовершеннолетних. Обязательность фиксации информации в формализованных документах (памятках), по нашему мнению, позволит устранить ее потери.

Резюмируя, можно сказать, что быстрое и качественное документирование противоправной деятельности сбытчиков наркотиков из числа несовершеннолетних во многом зависит от квалифицированного сбора и использования информации о внешности предполагаемого преступника, ее отождествления, использования современных технологий в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

Библиографический список

1. Алексеев, А.М. Психологические особенности показаний очевидцев / А.М. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 104 с.
2. Грегори, Р.Л. Глаза и мозг. Психология зрительного восприятия / Р.Л. Грегори ; предисл. и общ. ред. А.Р. Лурия и В.П. Зинченко. – М. : Прогресс, 1970. – 269 с.
3. Жбанков, В.А. О некоторых проблемах криминалистической регистрации / В.А. Жбанков // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики. – М. : Академия СК РФ, 2014. – С. 43-49.
4. Зинин, А.М. Теоретические и практические проблемы криминалистического установления личности по признакам внешности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.М. Зинин. – М., 1997. – 69 с.
5. Зинченко, П.И. Непроизвольное запоминание / П.И. Зинченко. – М. : Акад. пед. наук РСФСР, 1961. – 562 с.

6. Ильин, Н.Н. Использование видеозаписи в деятельности правоохранительных органов при раскрытии, пресечении и предупреждении преступлений / Н.Н. Ильин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2016. – № 3(13). – С. 139-144.

7. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / М.С. Десятов [и др.] ; под ред. М.С. Десятова. – Омск : ОМА МВД России, 2017. – 88 с.

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА**

**FEATURES OF THE SUBJECT OF PROOF IN THE INVESTIGATION
OF THE ORGANIZATION OF AN EXTREMIST COMMUNITY**

Калугин Алексей Геннадьевич,

*заместитель начальника Сибирского юридического
института МВД России (по учебной работе)
(г. Красноярск), кандидат юридических наук,
доцент*

alexei_kalugin@mail.ru

Ключевые слова:

предмет доказывания, организация экстремистского сообщества, экстремизм.

В статье рассматривается содержание наиболее характерных особенностей предмета доказывания при расследовании организации экстремистского сообщества, к числу которых автор относит присущие только этому составу преступления способы совершения в совокупности со специальными целью и мотивами, в основе которых лежат расовая, идеологическая, социальная, национальная или религиозная ненависть или вражда, угрожающие основам конституционного строя и безопасности личности, общества, государства.

Keywords:

the subject of proof, the organization of an extremist community, extremism.

The article examines the content of the most characteristic features of the subject of proof in the investigation of the organization of an extremist community, among which the author refers to the methods of committing crimes inherent only in this composition, together with special goals and motives based on racial, ideological, social, national or religious hatred or enmity that threaten the foundations of the constitutional system and the security of the individual, society, and the state.

Одной из негативных тенденций, характеризующих состояние преступности в современной России, является постоянный рост количества регистрируемых преступлений экстремистской направленности. Проявления расовой, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды, угрожающие основам конституционного строя и безопасности личности, общества, государства, приняли весьма распространенный характер, причем не только в России, но и во всем мире, и стали печальной реальностью первой четверти XXI века.

В 2020 г. общее количество зарегистрированных преступлений экстремистского характера в Российской Федерации достигло 833 (+42,4% по отношению к 2019 г.); в том числе поставлены на учет 21 выявленное преступление, предусмотренное ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» (+16,7% по отношению к 2019 г.) [3, с. 38].

Существенным фактором, определяющим современные особенности противодействия организации экстремистских сообществ, является высокая степень латентности указанного вида преступлений, что объясняется, во-первых, формированием состава экстремистских сообществ на добровольной основе из числа либо знакомых и друзей, либо, наоборот, фактически не знакомых друг с другом членов интернет-сообществ; во-вторых, организацией подобных сообществ исходя из общности интересов, на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; в-третьих, целями создания таких сообществ, в качестве которых выступают: подготовка и совершение преступлений экстремистской направленности, распространение в обществе своеобразных идей, как правило, без извлечения материальной выгоды; в-четвертых, активным применением мер конспирации (использование вымышленных имен, инструктаж по поведению членов сообщества в случае задержания, деятельность под прикрытием легально существующих организаций или объединений, использование информационных технологий, обеспечивающих анонимизацию распространителей противоправного контента, и др.) [1, с. 4].

С учетом указанных обстоятельств следует отметить, что успешность деятельности правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 282.1 УК РФ, во многом определяется правильной постановкой целей и задач оперативного поиска и грамотно выстроенной методикой расследования, а в основе того и другого лежит предмет доказывания, служащий информационно-правовой моделью расследуемого преступления.

Анализируя стандартную структуру предмета доказывания, заданную ст. 73 УПК РФ, в системной взаимосвязи с особенностями конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, можно сделать вывод о

том, что наибольший интерес представляют признаки, охватываемые п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, характеризующие объективную и субъективную стороны данного состава. По мнению Н.А. Селиванова, эти признаки состава преступления могут выступать в качестве общего логического основания выделения элементов криминалистической характеристики преступления [5, с. 54-56].

Рассмотрение признаков, относящихся к объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 282.1. УК РФ, логично начать с анализа ключевого понятия «экстремистское сообщество» и его отграничения от понятия «экстремистская организация», используемого в ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации».

В отличие от ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ, где понятия «сообщество» и «организация» хотя и не отождествляются, но перечисляются через запятую, то есть уравниваются с точки зрения степени их общественной опасности и криминологической обусловленности соответствующего уголовно-правового запрета, позиция законодателя применительно к составам, связанным с экстремистской деятельностью, совершенно иная.

Пунктом 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – постановление Пленума от 28 июня 2011 г. № 11) экстремистское сообщество определяется как «устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующаяся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений».

При этом следует отметить, что для признания такой группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности, в отличие от ст. 282.2 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за организацию деятельности общественной организации или религиозного объединения либо иной организации или объединения, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или о запрете их деятельности по признакам ее экстремистской направленности.

Таким образом, ключевое отличие экстремистского сообщества, о котором идет речь в ст. 282.1. УК РФ, от экстремистской организации, которая упоминается в ст. 282.2 УК РФ, заключается в том, что экстремистское сообщество изначально создается как преступное, его деятельность от начала и до конца является однозначно незаконной, тогда как преступная организация, о которой говорится в ст. 282.2 УК РФ, первоначально может быть создана на вполне ле-

гальной основе, существовать официально до вынесения в отношении нее судебного решения о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности и вступления этого решения в законную силу.

Диспозиция ч. 1 ст. 282.1. УК РФ предусматривает три альтернативных способа совершения преступления:

- создание экстремистского сообщества;
- руководство таким сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями;
- создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества наступает с момента фактического образования указанного сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, вне зависимости от того, успели ли эти лица фактически совершить запланированные деяния. Соответственно, доказыванию подлежат:

- а) факт объединения двух или более лиц в устойчивую группу;
- б) цель объединения – подготовка и (или) совершение преступлений экстремистской направленности.

На наличие такой цели может указывать, в частности, осуществление ими умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистского сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники такого сообщества запланированное преступление экстремистской направленности. О готовности экстремистского сообщества к совершению указанных преступлений может свидетельствовать, например, достижение договоренности о применении насилия в общественных местах в отношении лиц по признакам принадлежности (или непринадлежности) к определенным полу, расе, национальности, языковой, социальной группе, в зависимости от происхождения, отношения к религии.

Под руководством экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями следует понимать осуществление управленческих функций в отношении экстремистского сообщества, его части или структурных подразделений, а также отдельных его участников как при совершении конкретных преступлений экстремистской

направленности, так и при обеспечении деятельности экстремистского сообщества.

Таким образом, в предмет доказывания признака «руководство экстремистским сообществом» входят конкретные действия по разработке общих планов деятельности сообщества, по подготовке к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности, иные действия, направленные на достижение целей, поставленных экстремистским сообществом или входящими в его структуру подразделениями при их создании (например, распределение ролей между членами сообщества, организация материально-технического обеспечения, разработка способов совершения преступлений, принятие мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества)¹.

Структурным подразделением (частью) экстремистского сообщества является функционально и (или) территориально обособленная группа, состоящая из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая осуществляет преступную деятельность в рамках и в соответствии с целями экстремистского сообщества. Такие структурные подразделения (части) могут не только совершать отдельные преступления экстремистской направленности, но и выполнять иные задачи по обеспечению функционирования экстремистского сообщества (например, обеспечение сообщества оружием, иными предметами, используемыми в качестве оружия, производство листовок, литературы и других материалов экстремистского характера). Такого рода фактические обстоятельства и будут входить в предмет доказывания по уголовному делу.

Объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества создается в целях разработки планов и (или) создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности².

Часть 1.1. ст. 282.1 УК РФ предусматривает ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, под которыми понимаются, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в такую деятельность, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации следует считать окончен-

1 Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11.

2 Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11.

ным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, приняло ли вовлекаемое лицо участие в деятельности соответствующего экстремистского объединения³.

Такого рода действия могут совершать как руководители (организаторы) экстремистского сообщества, так и его рядовые участники. В структуре сообщества могут специально выделяться лица, для которых вовлечение в деятельность экстремистского сообщества новых адептов (участников) может быть основной функцией.

В качестве наглядного примера, отражающего установленные судом обстоятельства, указывающие на типичные признаки организации экстремистского сообщества, рассмотрим деятельность одного из таких сообществ, созданного в г. Сергиев Посад Московской области⁴.

Несколько граждан, знакомых между собой, будучи лицами без определенного рода занятий, источников дохода и устойчивых социальных связей, позиционируя себя в качестве оппозиционно настроенных лиц к действующим органам государственной власти Российской Федерации, к деятельности Президента Российской Федерации и негативно относящиеся ко всем без исключения представителям правоохранительных органов, возлагая ответственность за свое материальное и социальное положение, неблагополучие в обществе исключительно на данные органы государственной власти Российской Федерации, являясь последователями и приверженцами идеологии незарегистрированного межрегионального общественного движения <...>, целью которого являлось насильственное свержение действующей власти Российской Федерации, дезорганизация деятельности ее основных силовых ведомств и структур, а также проведение антиконституционного переворота и захвата власти с последующим изменением конституционного строя Российской Федерации, создали закрытый чат, где стали высказывать и обсуждать идеи по созданию экстремистского сообщества, основной целью которого являлось бы массовое распространение материалов, содержащих идею, обосновывающую и призывающую массы населения к осуществлению экстремистской деятельности, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя, отстранение от власти избранного всенародным голосованием Президента Российской Федерации и назначенного им в соответствии с Конституцией Российской Федерации Председателя Правительства Российской Федерации, а также возбуждение социальной розни, связанной с насилием и призывами к данному насилию в отношении представителей всей правоохранительной системы Российской Федерации.

3 Пункт 15.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11.

4 Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области по уголовному делу № 1-182/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>.

В дальнейшем от обсуждения своих замыслов в чате участники группы перешли к систематическому проведению собраний, на которых разрабатывались конкретные планы действий; был арендован офис, принято решение о начале еженедельного сбора в данном офисе участников сообщества, о создании внутри сообщества структурных подразделений, получивших названия: административный отдел, информационный отдел, финансовый отдел и др., выбран руководитель сообщества и руководители структурных подразделений; определены основные задачи каждого из отделов, а именно: административного отдела – вербовка, проверка и учет принятых в созданное сообщество новых участников; информационного отдела – разработка и распространение планируемых к созданию агитационных материалов сообщества; отдела <...> – осуществление физической защиты распространителей агитационных материалов, провоцирование, участие и проведение столкновений насильственного характера с сотрудниками правоохранительных органов с использованием холодного, огнестрельного и легко воспламеняющегося кустарно изготовленного оружия в случае задержаний участников сообщества при распространении агитационных материалов, организация и проведение с участниками сообщества тренировок по изготовлению и метанию «коктейля Молотова», тренировок по отработке приемов стрельбы из огнестрельного оружия по сотрудникам правоохранительных органов, тренировок по отработке тактики и методов ведения рукопашных боев с сотрудниками правоохранительных органов; финансового отдела – организация сбора денежных средств, необходимых для нормального функционирования созданного сообщества, а также для финансирования совершаемых участниками сообщества преступлений экстремистского характера.

Были разработаны устав сообщества, девиз и эмблема, утверждена политическая программа, создан открытый сайт в сети Интернет, на котором была размещена информация о созданном сообществе, о его основных целях и задачах, развернута пропаганда идеологии применения насилия в целях смены существующей в Российской Федерации власти и конституционного строя, а также оправдания неизбежности применения данного насилия. На собранные взносы сообществом было приобретено многофункциональное печатающее устройство для изготовления листовок экстремистского содержания, которые были впоследствии распространены на митингах среди граждан. Под руководством специально приглашенного инструктора были организованы тренировки по стрельбе из огнестрельного оружия и применению бутылок с зажигательной смесью.

Часть 2 ст. 282.1 УК РФ устанавливает ответственность за участие в экстремистском сообществе. Участниками признаются лица, входящие в состав сообщества и принявшие на себя обязанности его члена вне зависимости от их

фактического участия в конкретных преступлениях. С учетом разъяснений, содержащихся в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11, в предмет доказывания участия в экстремистском сообществе входят сведения о фактическом вхождении конкретного лица в состав такого сообщества, об участии его в подготовке к совершению одного или нескольких преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственном совершении указанных преступлений, а также о выполнении лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации и т.п.).

Часть 3 ст. 282.1 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 и 2 этой статьи, при наличии квалифицирующего признака – совершения их лицом с использованием своего служебного положения. К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ.

Использование служебного положения выражается не только в умышленном использовании указанными выше лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности, на других лиц в целях совершения ими действий, направленных, в частности, на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе⁵.

Следовательно, в предмет доказывания при установлении данного квалифицирующего признака следует включать:

а) наличие у лица признаков, предусмотренных примечанием 1 к ст. 285 и примечанием 1 к ст. 201 УК РФ;

б) сведения, указывающие на фактическое использование конкретным лицом служебного положения при совершении конкретных преступлений экстремистской направленности в составе сообщества либо непосредственно в процессе организации деятельности экстремистского сообщества, либо для обеспечения его функционирования;

в) сведения, указывающие на фактическое оказание фигурантом уголовного дела вследствие значимости и авторитета занимаемой им должности влияния на других лиц в целях совершения ими действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхож-

⁵ Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11.

дения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

В предмет доказывания при расследовании деятельности экстремистского сообщества входят также обстоятельства, предусмотренные п. 1 примечания к ст. 282.1 УК РФ, согласно которому лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное указанной статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистского сообщества, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Согласно п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 под добровольным прекращением участия в деятельности экстремистского сообщества понимается прекращение лицом преступной деятельности при осознании им возможности ее продолжения. Оно может выражаться, например, в выходе из состава экстремистского сообщества, невыполнении распоряжений его руководителей, отказе от совершения иных действий, поддерживающих существование сообщества, отказе от совершения преступлений.

Соответственно, доказыванию подлежат:

- а) факт выхода из состава экстремистского сообщества либо факт полного бездействия при нахождении в его составе;
- б) мотивы выхода из сообщества либо бездействия в его составе;
- в) фактическое осознание лицом имеющейся возможности продолжать свою преступную деятельность в составе сообщества.

К признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, характеризующим его субъективную сторону, следует отнести прямой умысел, специальные мотивы и цели совершения преступления.

Применительно к структуре предмета доказывания данные признаки следует конкретизировать.

Так, для установления направленности умысла необходимо выявить и зафиксировать в материалах уголовного дела ее внешние проявления, выражающиеся в:

- конклюдентных действиях, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности, организацию и обеспечение деятельности экстремистского сообщества;
- содержании информационно-пропагандистских материалов, размещаемых участниками экстремистского сообщества на интернет-сайтах, в социальных сетях, в виде полиграфической продукции и т.п.;
- содержании выступлений организаторов и участников на митингах, собраниях и иных массовых акциях.

Эти же обстоятельства, как правило, свидетельствуют и о наличии специальной цели создания экстремистского сообщества и (или) участия в нем – разра-

ботки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Мотив преступления – идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы. В качестве побуждающих мотивов психологи выделяют мотивы трех порядков [4]:

- целевые (когда преступление совершается с целью вытеснения, унижения или уничтожения представителей определенных рас, национальностей, религий);

- ориентирующие (направлены против конкретной группы лиц, по субъективному мнению преступников, виновных в чем-либо);

- технические (конкретизируются с учетом сложившейся ситуации).

Как правило, в конкретных ситуациях встречается сочетание нескольких мотивов. Исходя из этого, для установления роли лица в преступном сообществе важно выявить все три уровня мотивации. При установлении субъективной стороны организации экстремистского сообщества либо участия в нем, особенно на почве религиозной ненависти, установления одного лишь мотива недостаточно. Важно определить еще и мотивационно-ролевую типологию, в рамках которой В.В. Горохова предлагает выделить следующие типы экстремистского поведения:

- экстремист-лидер (идеолог);

- экстремист-исполнитель;

- экстремист-мститель;

- экстремист-альтруист.

Причем поведение лица в определенный момент времени обуславливается доминирующими в данной ситуации мотивами, возникающими, как правило, не в процессе осуществления конкретной деятельности, а еще до ее начала. Это необходимо учитывать как при изучении события преступления в целом, так и действий конкретного участника экстремистского сообщества в процессе его совершения [2, с. 74-75].

Подводя итог, еще раз оговоримся, что в рамках настоящей статьи не ставилась цель рассмотреть все элементы структуры предмета доказывания при расследовании организации экстремистского сообщества. Выделены лишь ключевые признаки, отражающие специфику объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, а также его субъективную сторону. Обратим внимание на то, что именно эти обстоятельства весьма сложны в доказывании, вместе с тем их учет при планировании расследования уже на его начальном этапе позволит следователю своевременно и целенаправленно осуществить собирание доказательств.

Библиографический список

1. Алехин, Е.В. Расследование организации экстремистских сообществ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Алехин. – Краснодар, 2015.
2. Горохова, В.В. Основы противодействия религиозному экстремизму : учебное пособие / В.В. Горохова. – М. : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018.
3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции их развития : аналитический обзор. – М. : ВНИИ МВД России, 2021.
4. Потапова, Н.Л. Отдельные вопросы борьбы с экстремизмом : учебно-практическое пособие / Н.Л. Потапова, Е.В. Ионова, А.Б. Смушкин // СПС Гарант.
5. Селиванов, Н.А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования / Н.А. Селиванов // Социалистическая законность. – 1977. – № 2.

**КИБЕРПРОСТИТУЦИЯ КАК НЕГАТИВНОЕ И РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ
ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

**CYBERPROSTITUTION AS A NEGATIVE AND DEVELOPING
PHENOMENON OF OUR TIME**

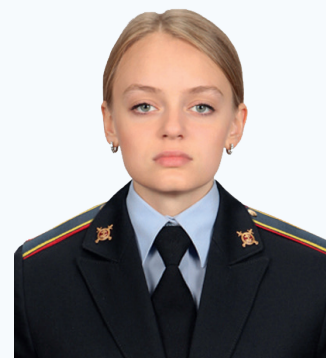
Тепляшин Павел Владимирович,
*профессор кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
доктор юридических наук, доцент*

pavlushat@mail.ru

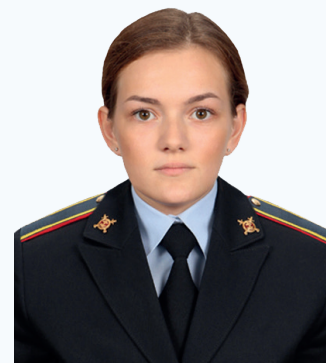
Данченко Арина Витальевна,
*слушатель Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

arishunka1999@mail.ru

Данилова Анна Александровна,
*слушатель Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

an.dano@mail.ru

Ключевые слова:

киберпреступность, проституция, Интернет, вебкаминг.

В статье рассмотрены актуальные вопросы уголовно-правового и криминологического характера, связанные с распространением проституции в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также даны рекомендации по совершенствованию противодействия развитию вебкаминга (киберпроституции).

Keywords:

cybercrime, prostitution, the Internet, webcaming.

The article deals with topical issues of criminal law and criminological nature related to the spread of prostitution in the information and telecommunications network of the Internet, as well as recommendations for improving the counteraction to the development of webcaming (cyberprostitutions).

В современной России такое явление, как проституирование набирает обороты и становится очень масштабным явлением. Рассматривая правовую сторону такого явления, как проституция, уголовное законодательство России содержит следующие основные составы преступлений. Во-первых, ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией», к которой относятся деяния, направленные на организацию, а равно содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией. Во-вторых, ст. 242 УК РФ, которая предусматривает незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов.

В связи с развитием и совершенствованием информационно-телекоммуникационных технологий жизнь современного общества меняется изо дня в день. Рассмотрим статистические данные. Так, в январе 2021 г. в мире зафиксированы 4,66 млрд пользователей сети Интернет. Численность населения всего мира составляет 7,83 млрд, следовательно, около 60% населения активно пользуются возможностями современных виртуальных технологий¹, поскольку все сферы жизни изменились с момента появления возможностей сети Интернет, это коснулось и феномена проституции.

В данный момент вопрос киберпроституции (или вебкаминга) является достаточно актуальным, это связано с тем, что действующее законодательство не имеет должной правовой оценки такого феномена. Вебкаминг (от англ. webcam – веб-камера) – это общение сексуального характера модели по веб-камере в формате прямого эфира с участником общего или приватного чатов, в ходе которого модель выполняет просьбы сексуального характера (например, стриптиз, демонстрация половых органов, использование секс-игрушек).

¹ URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>.

Рассмотрим некоторые проблемы уголовно-правового и криминологического характера, пронизывающие феномен вебкаминга.

Во-первых, проблема юридической квалификации такого явления, как киберпроституция, или вебкаминг, до сих пор не решена с точки зрения противодействия со стороны уголовного законодательства. Уголовный закон должным образом не регулирует деяния, связанные с оказанием виртуальных сексуальных услуг. Возникает вопрос об отнесении деятельности вебкам-моделей к проституции, так как непосредственный сексуальный контакт между заказчиком и моделью отсутствует. Имеющаяся норма ст. 241 УК РФ не решает вышеуказанную проблему, так как понятие «проституция» нигде не уточняется в законодательстве.

Во-вторых, рассматривая ст. 242 УК РФ «Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», можно отметить, что квалификация киберпроституции по данной норме носит неоднозначный характер. И.С. Алихаджиева пишет: «Выставление обнаженного тела напоказ, имитация натурщицами сексуальных действий в так называемом «стриме» для удовлетворения потребностей клиента без физического полового контакта по согласию обеих сторон есть суррогат стриптиза, сайта знакомств, секса по видеосвязи, перформанса» [2]. Сохраненную запись действий модели можно отнести к порнографическим материалам после проведения экспертизы. Так, А.В. Наумов в комментарии к статье дает следующее определение порнографическим материалам: «Материал или предмет является порнографическим, если он, взятый как целое, направлен на возбуждение похоти (грубо чувственного полового влечения) и если в явной, очевидно циничной, непристойной форме изображает половое влечение человека и при этом не имеет существенной литературной, художественной или научной ценности» [3]. Возникает проблема отнесения трансляции, которая происходит в режиме прямого эфира, к посягательству, предусмотренному ст. 242 УК РФ, в том случае, если не производилась запись этой трансляции.

Рассмотрим более подробно, что представляет собой киберпроституция, или так называемый «вебкам». Организатор такой формы досуга создает вебкам-студии, которых может быть несколько в одном городе. Студии находятся в квартирах, квартира разделена на небольшие комнаты или площадки, предназначенные для отдельной девушки, чтобы в процесс работы девушки никто не вмешивался, рабочее место оборудовано техническими средствами: профессиональная видеокамера, световое оборудование и компьютер, который предоставляет возможность выхода на интернет-платформу и осуществление эфира в режиме реального времени. Доступ к данному сайту имеют только мемберы из англоговорящих стран, так как сайт полностью запрещает доступ для муж-

чин из России и стран ближайшего зарубежья. Это связано с обеспечением конфиденциальности девушки, которая выходит в прямой эфир.

Работники, обеспечивающие функционирование студии, обладают отдельными функциями. Например, менеджер по поиску «вебкам-моделей», функции которого заключаются в том, чтобы завлечь девушку для работы в качестве «вебкам-модели». Обычно такими менеджерами работают девушки, которые ранее работали вебкам-моделями, такие менеджеры описывают все возможные плюсы такой работы – начиная с высокого заработка (от 500 тысяч в месяц), удобного графика и заканчивая демонстрацией своей «обычной» жизни до занятия киберпроституцией и после, рассказывая о возможностях покупки материальных ценностей, путешествиях и т.д. Также менеджеры полностью отрицают антиморальный и незаконный характер работы. Менеджеры по поиску кадров умышленно скрывают главную особенность работы, связанную с обнажением девушки, применением секс-игрушек и т.д.

Далее каждая вебкам-студия имеет тренера, который выполняет функции по обучению девушек той деятельности, которой им предстоит заниматься. Тренер обучает девушек всевозможным хитростям и манипуляциям, с помощью которых девушка может заработать. Как правило, имеются продюсеры, которые продумывают различные образы для девушек в зависимости от сексуальных желаний иностранных мемберов.

Изучая социальный портрет девушек, приходящих работать в такие студии, можно отметить, что возрастной сегмент данных моделей варьируется от 15 до 27 лет, и это несмотря на то, что многие студии строго соблюдают возрастной ценз при принятии модели на работу. Все же не исключается участие в подобных студиях несовершеннолетних девушек, которые желают заработать. В случае если были привлечены несовершеннолетние, деяние может быть квалифицировано по ст. 242.2 УК РФ.

При изучении такого современного понятия, как киберпроституция, необходимо выделить несколько криминогенных факторов, детерминирующих преступность в сфере общественной нравственности, а точнее, в сфере оказания виртуальных секс-услуг:

1) интернет-проституция подрывает здоровое психологическое воспитание подрастающих поколений. Множество девушек-подростков, которые достигают определенного этапа в жизни, на котором им приходится делать выбор профессии или социально одобряемой деятельности, сталкиваются с альтернативой легкого и большого заработка. При этом девушка понимает, что ей не надо будет проходить определенные трудности, связанные с продолжительным обучением, поиском работы по профессии, оплатой обучения в высшем учебном заведении и т.д. Ведь порой современные возможности информационно-телекоммуникационной сети Интернет ставят в сознании не только под-

растающего поколения, а всего населения материальные ценности выше традиционных;

2) лица, оказывающие интим-услуги в сети Интернет, после прекращения деятельности не могут найти себя в рамках дозволенных и имеющихся способов заработка и самореализации. В связи с этим повышается риск суицидального синдрома. Так, И.С. Алихаджиева пишет: «Во всяком случае о возникновении мыслей об уходе из жизни заявили 8% лиц, подвизавшихся в проституцию. У лиц, длительное время пребывающих в проституции, наблюдаются глубинные эмоциональные проблемы, отсутствие контроля за собственными аффектами» [1];

3) деятельность вебкам-студий пронизана криминальной «аурой», так как она сопряжена не только непосредственно с преступлениями, связанными с распространением порнографических материалов, но и с такими общественно опасными деяниями, как незаконный оборот наркотических средств, незаконное предпринимательство и т.д. В специальных исследованиях отмечается: «Мобильность, анонимность и высокая доходность бизнеса по продаже элитных и любого другого вида сексуальных услуг при помощи Интернета обуславливают повсеместное распространение онлайн-проституции» [2];

4) решение девушки прекратить деятельность в вебкам-студии не всегда может реализоваться на добровольной основе. Организаторы рассматриваемой деятельности могут применять различные манипуляции, связанные с шантажом, применением насилия в отношении девушки и ее близких. Первые исследования этого рынка в России подтверждают, что 19,1% организаторов студий препятствовали выходу моделей из вебкама, а 12,4% – принуждали к работе, применяя насилие²;

5) «вебкаминг» сопряжен с психологическим насилием над девушкой. Некоторые участники чатов сохраняют снимки и видео девушек, идентифицируют их личности с помощью специальных сервисов, затем находят их в социальных сетях, начинают «травлю», шантаж и буллинг девушек.

Обозначенные криминогенные факторы демонстрируют необходимость соответствующих изменений отечественного законодательства. Причем допустимо предварительно использовать криминологический эксперимент, который «необходимо относить к одному из основных средств повышения результативности правоохранительной деятельности, который обеспечивает минимизацию правотворческих и организационно-правовых ошибок, способных привести к существенным и крайне нежелательным социально-экономическим и репутационным для уголовной политики последствиям, а также избрать максимально перспективный вариант дальнейшего криминологического обоснования избранной модели воздействия на преступность» [4].

2 URL: <https://crisiscenter.ru/stali-izvestny-rezultaty-oprosa-o-vebkam-modelinge/>.

Таким образом, криминальное явление виртуальных секс-преступлений в отечественном законодательстве на данный момент не имеет четкой регламентации. Приостановить деятельность какой-либо компании с веб-моделями, которая, по сути, является притоном с сутенерами, достаточно сложно. Поэтому законодателю необходимо внести изменения в соответствующие юридические акты, в том числе уточнить понятия «проституция», «порнографические материалы и предметы», что будет способствовать отнесению «вебкаминга» к противоправным явлениям.

Библиографический список

1. Алихаджиева, И.С. О криминогенных факторах, детерминирующих преступность в сфере общественной нравственности / И.С. Алихаджиева // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 211-215.
2. Алихаджиева, И.С. Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет / И.С. Алихаджиева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2018. – Т. 8. – № 4(29). – С. 179-185.
3. Комментарий к УК РФ / под ред. А.В. Наумова. – М.: Инфра-Норма, 1996.
4. Тепляшин, П.В. Криминологический эксперимент: понятие, признаки, функции, классификация / П.В. Тепляшин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVII международной научно-практической конференции / под ред. С.К. Бурякова. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2019. – Ч. 2. – С. 31.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ПРОФИЛАКТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ ВИКТИМНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ**

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION
OF JUVENILE VICTIMISATION IN THE FAMILY AND DOMESTIC SPHERE**

Алешкина Софья Александровна,
*магистрант Юридического института
Сибирского федерального университета
(г. Красноярск)*

Aleshkina123@gmail.com

Ключевые слова:

виктимность, виктимное поведение, виктимологическая профилактика, жертва, виктимизация.

В статье рассматривается проблема виктимности несовершеннолетних граждан Российской Федерации, дается ее определение, отмечаются основные особенности, определяются уровни и меры виктимологической профилактики.

Keywords:

victimhood, victim behaviour, victimology prevention, victim, victimisation.

The article examines the problem of juvenile victimhood in the Russian Federation, giving its definition, main features and defining the levels and measures of victimological prevention.

Проблема виктимности личности – одна из самых актуальных на сегодняшний день. С каждым днем число молодых людей, проявляющих виктимность поведения, возрастает. Выявление факторов, которые влияют на проявление такого поведения, его профилактика – основные проблемы современной психологии и педагогики. Виктимная личность включает систему различных психологических свойств, таких как беспечность, конформность, чувство низкой самооценки и униженности, которые очень часто встречаются сейчас среди молодежи.

Виктимное поведение в криминологии определяется как поведение жертвы, способствующее совершению в отношении нее преступления благодаря совокупности благоприятных субъективных и объективных условий. В качестве ключевого признака виктимности отмечается совершение жертвой определенного набора действий или бездействий, которые способствуют совершению в отношении нее преступных действий.

В настоящий момент на территории Российской Федерации отмечается достаточно высокий уровень виктимности несовершеннолетних, увеличивающийся из года в год, обусловленный наличием неблагоприятной тенденции увеличения детской смертности в структуре общей криминальной смертности [2, с. 162]. Для снижения уровня виктимности несовершеннолетних и предотвращения дальнейшего роста детской смертности необходимо повсеместное внедрение комплекса профилактических мероприятий, включающего не только борьбу с преступностью, но и работу по устранению внешних и внутренних негативных факторов, влияющих на виктимное поведение несовершеннолетних граждан Российской Федерации.

Все чаще несовершеннолетние становятся жертвами именно в семейно-бытовой сфере. При изучении семейно-бытовых преступлений, и прежде всего их насильственной формы особое внимание следует уделить виктимологической характеристике жертв.

Весьма существенным и имеющим большое значение для криминологической профилактики является фактор, отражающий особенности взаимодействия между жертвой посягательства и лицом, его осуществившим, специфику их социально-бытовых взаимоотношений до, во время и после совершения насильственного общественно опасного деяния. Кроме того, отмечено, что чем ближе связь (интенсивность развития, продолжительность, степень родства и т.п.) между преступником и потерпевшим, тем выше вероятность стать жертвой семейно-бытового насилия.

Можно отметить, что семейно-бытовое насилие в отношении несовершеннолетнего включает в себя физическое, психологическое, сексуальное, а также пренебрежение их потребностями и нуждами (насильственная изоляция от общества, экономическое насилие и др.). Как правило, оно носит характер определенной периодичности и неоднократности, поэтому его уместно рассматривать в контексте поливиктимизации, которая подразумевает, что несовершеннолетний может стать жертвой насилия разных видов (например, физического и психологического или сексуального).

Один из пионеров советской виктимологии Д.В. Ривман выделял следующие типы виктимного поведения, рассматривая особенности поведения несовершеннолетних в условиях семейно-бытового насилия:

1) агрессивный. В данном случае можно говорить о повышенной конфликтности, которая зависит от качеств личности (например, низкие умственные способности, низкий интеллект, сочетание агрессивности и неспособности осознания виктимности своего поведения, состояние наркотического или алкогольного опьянения, влияние конкретной ситуации). Но, скорее, такой тип практически не характерен для преступлений, совершаемых в семейно-бытовых условиях, так как это связано с психической и физической слабостью несовершеннолетнего, выражающейся в психологической и финансовой зависимости от родителей, братьев и других членов семьи;

2) активный. При таком типе несовершеннолетний не ведет себя агрессивно, но при этом его поведение создает конфликтную ситуацию. В основном такое поведение характерно для ребенка, который в силу возрастных особенностей интеллектуального и психологического развития не может или не способен оценивать последствия своих действий;

3) инициативный. Поведение жертвы тоже неконфликтно, но своей активностью (например, желанием советовать, быть полезным и нужным, разговорчивостью) она способна вызывать агрессию со стороны преступника;

4) пассивный. Жертвы такого типа не оказывают сопротивления, причиной чему могут являться физическая слабость, беспомощность и страх;

5) некритический. В этом случае можно говорить о неосмотрительности жертвы и неспособности правильно оценивать ситуацию. Очень часто именно несовершеннолетние жертвы характеризуются таким типом. Степень их некритичности обратно пропорциональна возрасту, а если речь идет о несовершеннолетнем с дефектами психического развития, то ситуация обостряется еще сильнее;

6) нейтральный. Когда поведение не вызывает преступного деяния. Этот тип хорошо подходит для описания поведения несовершеннолетних в ситуации семейно-бытовых преступлений. Нейтральность здесь напрямую связана со способностью осмысленно воспринимать происходящее вокруг и реагировать на это [4, с. 304].

Часто на развитие рассматриваемой преступности существенное влияние оказывают типология поведения жертвы и фоновые явления. К фоновым явлениям можно отнести такие негативные, антисоциальные явления, как алкоголизм, наркомания, проституция, социальный паразитизм, безнадзорность, правовой нигилизм и др. Следует подчеркнуть, что они влияют на виктимность не только жертвы, но и преступника. У последнего развиваются неуверенность в себе и желание ее компенсировать, неконтролируемость эмоций и действий, деформация правового сознания, что, как следствие, приводит к насилию. А жертва, в психологическом и поведенческом статусе которой усматривается влияние асоциальных явлений, сознательно или бессознательно провоци-

рует обидчика или же, находясь в пассивном состоянии, не осознает и не может адекватно оценить характер примененного к ней насилия. Н.В. Багуцкий и Ю.В. Дадаева определили следующие факторы, влияющие на семейно-бытовое насилие в отношении несовершеннолетних, поделив их на микро-, мезо- и макроуровневые.

Макроуровневые факторы:

– гендерные стереотипы, социальные и культурные нормы, одобряющие применение телесных наказаний или принижающие статус ребенка во взаимоотношениях между родителями и детьми, существующие в определенном обществе;

– социально-экономическое неблагополучие и нестабильность, высокий уровень безработицы, приводящие к низкому уровню качества жизни;

– доступность алкоголя и наркотических веществ.

Мезоуровневые факторы:

– психосоциальная деформация семьи;

– отсутствие поддержки и помощи со стороны родственников и близких;

– нахождение семьи в сложном финансовом положении;

– изолированность в местном сообществе.

Микроуровневые факторы сосредоточены на индивидуальных особенностях несовершеннолетнего, и чаще всего насилие в семье происходит в отношении:

– ребенка, имеющего особые потребности или имеющего патологические физические особенности (в том числе когнитивные недостатки и коммуникативные сложности);

– нежеланного или не оправдывающего ожиданий родителей ребенка;

– ребенка с асоциальным и девиантным поведением [1, с. 127].

Одной из эффективных составляющих комплекса мер по предупреждению преступлений на территории нашей страны является виктимологическая профилактика, направленная на уменьшение числа возможных жертв преступлений.

Выделяют три уровня виктимологической профилактики: общесоциальный, специальный и индивидуальный, они представлены на рисунке.

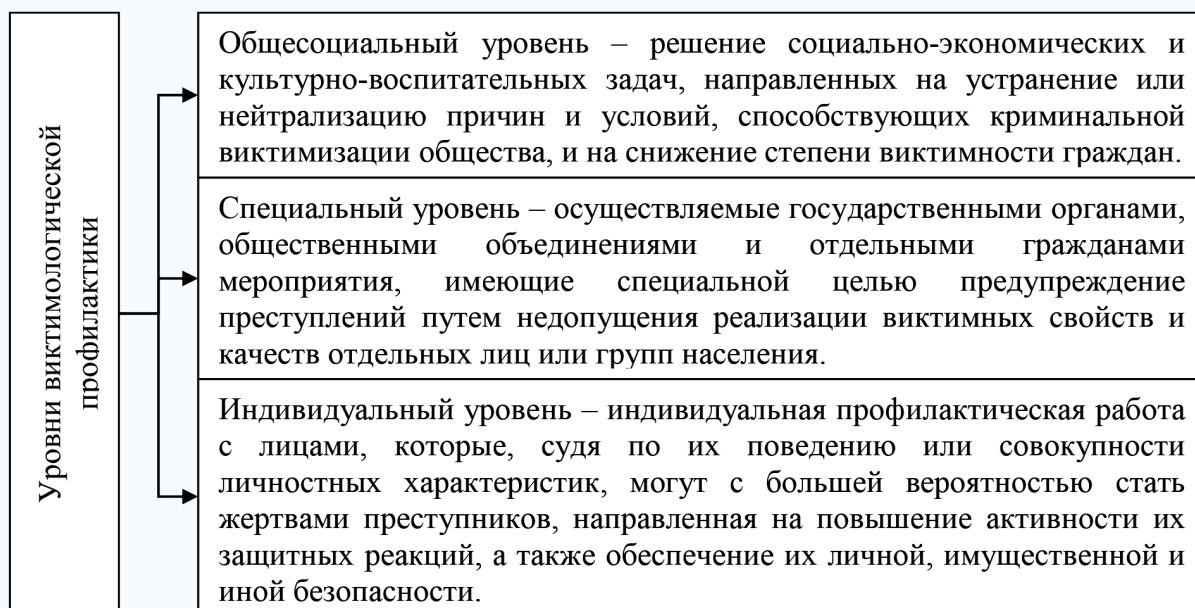

Рис. Уровни виктимологической профилактики

Рассматривая объект виктимологической профилактики на общесоциальном уровне, необходимо учитывать факт того, что жертвой противоправных посягательств может стать абсолютно любой человек. Таким образом, основными задачами виктимологической профилактики являются создание и укрепление в обществе виктимологической безопасности и защиты граждан от возможной виктимизации, а также повышение уровня работы в оказании помощи гражданам, которые уже стали жертвами преступлений. Для достижения данных задач и эффективной организации деятельности необходимо усовершенствовать законодательную базу, а также создать специализированные центры для защиты жертв преступлений.

В отличие от общесоциального уровня виктимологическая профилактика на специальном уровне выделяет своим объектом не все группы населения, а более узкий круг объектов (например, лица несовершеннолетнего возраста).

Все меры, которые должны осуществляться на перечисленных уровнях профилактики, необходимо разделить на три группы.

К первой группе необходимо отнести следующие меры: правовоспитательная работа педагогов в школах и с родителями. Данная профилактика будет направлена на разъяснение несовершеннолетним правовой сущности противоправных действий, а также их последствий. Сюда же можно отнести проведение школьных конференций и лекций с привлечением специалистов, представителей правоохранительных органов, а также родителей.

Ко второй группе необходимо отнести меры личной безопасности несовершеннолетних при возникновении опасных ситуаций. Такие меры будут направлены на снижение виктимности личности, а также формирование у них

навыков защиты. Здесь можно считать основным направлением виктимологическое просвещение молодых людей: практическая отработка алгоритма действий в сложившейся ситуации, т.е. определенный план действий, а также проведение в школах и начальных профессиональных училищах инструктажей по технике безопасности.

Третья группа мер виктимологической профилактики положительно влияет на несовершеннолетних, уже ставших жертвами противоправных деяний. Такая профилактика может быть индивидуальной или включать восстановительную программу с участием в группах детей, также ставших жертвами (такая программа скорее направлена на сплочение и поддержку друг друга). Эта группа мер заключается в оказании систематической психологической помощи несовершеннолетним лицам, их дальнейшей ресоциализации и возвращении к нормальной жизни. Реальному внедрению конкретных организационных механизмов может предшествовать проведение криминологического эксперимента, который, как справедливо отмечает П.В. Тепляшин, «необходимо относить к одному из основных средств повышения результативности правоохранительной деятельности, который обеспечивает минимизацию правонаруческих и организационно-правовых ошибок, способных привести к существенным и крайне нежелательным социально-экономическим и репутационным для уголовной политики последствиям, а также избрать максимально перспективный вариант дальнейшего криминологического обоснования избранной модели воздействия на преступность» [5, с. 31].

Говоря о деятельности в сфере профилактики преступлений и правонарушений, необходимо отметить один из нормативных правовых актов, определяющих молодежную политику в данной сфере, – Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон), в котором в ст. 17 определены формы профилактического воздействия: правовое информирование, просвещение, профилактическая беседа, профилактический учет и др. На наш взгляд, необходимо расширить данный список и внести корректировки по поводу профилактического воздействия, касающиеся именно семейно-бытовой сферы. Так, обращаясь к статистическим данным о состоянии преступности за 2020 г., мы выявили, что в сфере семейно-бытовых отношений отмечается снижение на 9,5% числа совершенных преступлений (28 892), в том числе тяжких и особо тяжких – на 12,9% (2 807). О стабильности показателей насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений свидетельствуют результаты опроса экспертов из числа ученых, специализирующихся на исследованиях в области семейного насилия, а также руководителей крупных российских общественных организаций и движений, оказывающих помощь семьям, а также женщинам и детям,

пострадавшим от насилия [3, с. 25]. Такие данные свидетельствуют о результативности профилактической деятельности органов внутренних дел, но в любом случае необходимо активизировать и повышать профилактику преступности, особенно в сфере семейно-бытового насилия.

Немалую роль в системе профилактики играют образовательные организации, а также различные структуры, осуществляющие профилактику преступности. Но семья остается основным звеном данной системы. Семьи бывают разные, к сожалению, бывают неблагополучные, где чаще происходит насилие в отношении несовершеннолетних.

Мы хотим предложить внести изменения в Закон путем включения в ст. 17 такой формы профилактического воздействия, как «мониторинг семей, находящихся в социально опасном положении, и раннее выявление таких семей», которая сможет явиться одной из основных форм профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних. Однако помочь в предотвращении преступных посягательств на несовершеннолетних и понизить уровень виктимности может лишь сочетание всех мер по виктимологической профилактики.

Библиографический список

1. Багуцкий, Н.В. К вопросу о виктимологической характеристике несовершеннолетних жертв семейно-бытового насилия / Н.В. Багуцкий, Ю.В. Дадаева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8-2. – С. 124-128.
2. Быковская, В.А. Меры предупреждения виктимности несовершеннолетних / В.А. Быковская // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза : Наука и Просвещение, 2020. – С. 162-165.
3. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор. – М. : ВНИИ МВД России, 2021.
4. Ривман, Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.
5. Тепляшин, П.В. Криминологический эксперимент: понятие, признаки, функции, классификация / П.В. Тепляшин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVII международной научно-практической конференции / под ред. С.К. Бурякова. – Барнаул : БЮИ МВД России, 2019. – Ч. 2. – С. 31-32.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ,
ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**PROBLEMATIC ISSUES OF THE IMPLEMENTATION
OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OVER PERSONS RELEASED
FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY**

Галимова Марина Александровна,

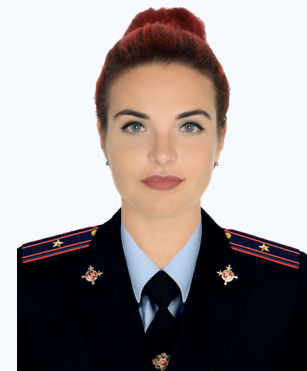
*начальник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела,
доцент кафедры уголовного процесса
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук*

marina_bestujeva@mail.ru

Астахова Алина Олеговна,

*преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала Санкт-Петербургского
университета МВД России,
кандидат юридических наук*

kalistho@mail.ru

Ключевые слова:

административный надзор, административные ограничения, административные обязанности, поднадзорное лицо, профилактическая работа.

В статье рассматриваются актуальные вопросы реализации административного надзора органами внутренних дел, в частности, касающиеся определения порядка действия сотрудников, осуществляющих административный надзор, при выявлении лица, уклоняющегося от административного надзора, состоящего на профилактическом учете в другом территориальном органе внутренних дел; получения и оформления разрешений на выезд за пределы территории обслуживания органом вну-

тренних дел поднадзорных лиц; получения органом внутренних дел информации о лицах, состоящих на учете (проходящих лечение) в наркологическом и (или) психоневрологическом диспансерах, в рамках осуществления индивидуально-профилактической работы.

Keywords:

administrative supervision, administrative restrictions, administrative duties, supervised person, preventive work.

The article deals with topical issues of the implementation of administrative supervision by internal affairs bodies. In particular, concerning the determination of the procedure for the actions of employees exercising administrative supervision when identifying a person who evades administrative supervision, who is on preventive registration with another territorial body of internal affairs; obtaining and issuing permits to leave the territory of the service of supervised persons by the internal affairs body; receipt by the internal affairs body of information about persons registered (undergoing treatment) in narcological and (or) psychoneurological dispensaries, as part of the implementation of individual preventive work.

Институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, оправдан и необходим. Его нормативной основой является Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон об административном надзоре). Указанный институт имеет превентивную ценность, его значение состоит в предупреждении преступлений путем установления для определенной категории лиц (освободившихся из мест лишения свободы) контроля и системы временных ограничений прав и свобод, которые непосредственно направлены на ослабление и устранение причин и условий совершения рецидивных преступлений [подр.: 2, с. 55].

Количество лиц, в отношении которых судом установлен административный надзор, неуклонно растет. Так, в 2016 г. из мест заключения были освобождены 155 206 лиц, подпадающих под действие данного института, и в отношении 64,6% из них (100 270 лиц) был установлен административный надзор; в 2017 г. – 142 712 лиц, из них в отношении 74,3% (106 106 лиц) был установлен административный надзор; в 2018 г. – 134 405 лиц, из них в отношении 82,2% (110 547 лиц) был установлен административный надзор; в 2019 г. – 127 883 лица, из них в отношении 88,5% (113 172 лица) был установлен административный над-

зор; в 2020 г. – 123 317 лиц, из них в отношении 94,2% (116 120 лиц) был установлен административный надзор¹.

В реализации надзорных полномочий непосредственно участвуют органы внутренних дел, для которых эта деятельность является одним из приоритетных направлений. Она заключается в контроле за соблюдением поднадзорными лицами установленных судом ограничений и выполнении обязанностей, предусмотренных федеральным законодательством, выявлении и пресечении совершения ими преступлений и административных правонарушений. При этом задача контроля за лицами данной категории возлагается не только на сотрудников, курирующих данное направление. Так или иначе функции по осуществлению административного надзора в разной степени осуществляют представители практически всех подразделений территориальных органов внутренних дел.

Порядок осуществления органами внутренних дел административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержден приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 (далее – Порядок осуществления административного надзора). Казалось бы, такой многосоставной подход и наделение полномочиями по осуществлению надзора сотрудников различных служб и подразделений должны способствовать повышению эффективности применения рассматриваемого института на практике, однако зачастую мы можем наблюдать обратный эффект.

Несмотря на достаточно подробную регламентацию полномочий отдельных подразделений и должностных лиц, в ходе непосредственной реализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, достаточно часто возникают проблемы разного характера. Такие вопросы могут быть связаны как с недостаточной согласованностью между различными подразделениями в рамках реализации своих полномочий, так и с определенным несовершенством самого института административного надзора.

Бесспорным является то, что деятельность органов внутренних дел имеет первостепенное значение как в рамках реализации самого института административного надзора, так и в рамках применения мер ответственности в рассматриваемой сфере. Для надлежащего функционирования института административного надзора и реализации его превентивного потенциала, чему также будет способствовать надлежащее применение норм об ответственности за нарушение правил такого надзора, необходима поступательная работа, связанная с устранением проблемных моментов реализации административного надзора органами внутренних дел. Рассмотрим некоторые из них.

¹ Статистические данные представлены по материалам официальной отчетности ГИАЦ МВД России.

Определение порядка действий сотрудников, осуществляющих административный надзор, при выявлении лица, уклоняющегося от административного надзора, состоящего на профилактическом учете в другом территориальном органе внутренних дел.

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» на сотрудников полиции возложены обязанности по розыску лиц, в отношении которых установлен административный надзор, не прибывших к месту его осуществления после освобождения либо самовольно оставивших его (п. 12 ч. 1 ст. 12). Ведомственными нормативными актами регламентирован режим такого розыска, определен комплекс первоначальных проверочных мероприятий, способствующих установлению местонахождения поднадзорных лиц. Сотрудники полиции при обнаружении поднадзорных лиц, уклоняющихся от административного надзора, обеспечивают их задержание², при этом незамедлительно информируют территориальные органы, осуществляющие административный надзор, либо территориальные органы, на территорию которых должен был прибыть поднадзорный для проживания (пребывания), и доставление в территориальные органы МВД России на районном уровне.

В случае доставления поднадзорного в территориальный орган, инициировавший его розыск, вопросов не возникает. Однако при отсутствии возможности такой транспортировки при значительной удаленности территориального органа, выявившего лицо, уклоняющееся от административного надзора, а также при избрании поднадзорным лицом местом своего проживания (пребывания) либо фактического нахождения муниципальное образование территориального органа, в котором он был задержан, алгоритм действий сотрудников данного ОВД, осуществляющих административный надзор, законодательством не определен.

В таких случаях сотруднику подразделения по осуществлению надзора при выявлении на обслуживаемой территории поднадзорного лица без разрешения ОВД, оказавшегося вне заявленного места проживания (пребывания), в том числе в связи с изменением семейных обстоятельств и по иным причинам (в случае, когда поднадзорное лицо по объективным причинам не имеет возможности проживать на заявленной территории), необходимо:

- 1) установить личность поднадзорного;
- 2) выяснить обстоятельства нахождения поднадзорного лица на территории, обслуживаемой органом внутренних дел (получить от поднадзорного подробное письменное объяснение по факту установления причин самовольного оставления места жительства или пребывания);

² Согласно ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О полиции» срок задержания не может превышать 48 часов.

3) рассмотреть в установленном порядке вопрос о наличии в действиях поднадзорного признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ или административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ;

4) направить в течение одного дня посредством сервиса электронного документооборота ИСОД МВД России информацию в территориальный орган МВД России (в которое поднадзорное лицо обязано было прибыть) о том, что данное лицо находится на территории обслуживания конкретного органа внутренних дел (дополнительно уведомить по телефону, по факсу, по электронной почте и т.д.);

5) запросить копию решения суда об установлении административного надзора и иные материалы, поступившие из исправительного учреждения (дополнительно факсом, электронной почтой и т.д.), при наличии – дело надзора с целью постановки поднадзорного на учет.

В случаях, когда информация об установлении административного надзора из исправительного учреждения не поступила, а лицо фактически прибыло для постановки на профилактический учет в орган внутренних дел, сотруднику подразделения по осуществлению надзора рекомендуется: установить из какого конкретно исправительного учреждения прибыл поднадзорный (изучить справку об освобождении), откуда запросить заверенную копию решения суда об установлении административного надзора и предписание, предварительно истребовав любым доступным способом (факсограммой, электронной почтой и т.п.).

Получение и оформление разрешений на выезд за пределы территории обслуживания ОВД поднадзорными лицами.

Часть 3 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре регламентирует возможность ОВД давать разрешение поднадзорному лицу, в отношении которого установлены административные ограничения, предусмотренные п.п. 3, 4 и 5 ч. 1 ст. 4 указанного закона, на пребывание вне жилого или иного установленного помещения, являющегося местом жительства или пребывания этого лица, и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с определенными исключительными личными обстоятельствами. Перечень таких обстоятельств определен рассматриваемой статьей и является исчерпывающим.

Вместе с тем исчерпывающий перечень обстоятельств не может лишать права обращения поднадзорного лица в ОВД с заявлением о разрешении на пребывание вне помещения или выезд за установленные пределы территории по иным обстоятельствам, не перечисленным в ч. 3 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре, которые могут быть признаны исключительными.

ми. Отказ в разрешении может быть обжалован в судебном и (или) административном порядке.

Правом давать разрешение на выезд лицам, в отношении которых установлены запреты, ранее обладал только начальник ОВД. В настоящий момент эта процедура изменена. С 5 июня 2021 г. вступили в действие изменения в Порядок осуществления административного надзора (приказ МВД России от 9 февраля 2021 г. № 54), в соответствии с которыми начальник территориального органа осуществляет лишь общий контроль и несет персональную ответственность за соблюдение порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (п. 5.1 Порядка осуществления административного надзора).

Непосредственная организация мероприятий по осуществлению административного надзора возлагается на заместителя начальника территориального органа МВД России, ответственного за деятельность подразделения по административному надзору, или иных должностных лиц (п. 6 Порядка осуществления административного надзора).

К полномочиям заместителя начальника территориального органа МВД России, ответственного за деятельность подразделения по административному надзору, в числе других отнесена дача разрешения при поступлении уведомления от поднадзорного лица на его пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом его жительства (пребывания), на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами, установленными ч. 3 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре (п. 6.6 Порядка установления административного надзора).

Процедура оформления выезда осуществляется в соответствии с Федеральным законом об административном надзоре и Порядком осуществления административного надзора и состоит из нескольких этапов:

- 1) подача уведомления (заявления) поднадзорным лицом с указанием мотивированных оснований и сроков выезда;
- 2) получение разрешения заместителя начальника соответствующего ОВД на выезд;
- 3) выдача маршрутного листа;
- 4) письменное информирование территориального органа по месту прибытия;
- 5) проставление отметок в маршрутном листе об убытии-прибытии поднадзорного лица.

Обязанность не оставлять без разрешения органа внутренних дел место, по которому осуществляется административный надзор, возлагается на лицо, в отношении которого судебным решением установлены административные ог-

раничения, предусмотренные п.п. 3-5 ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре (запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; запрещение выезда за установленные судом пределы территории; обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации).

Если поднадзорному лицу в установленном порядке (ч. 3 ст. 12 Федерального закона об административном надзоре) органом внутренних дел дано разрешение на пребывание вне определенного судом жилого или иного помещения или на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории в связи с исключительными личными обстоятельствами, то у данного лица возникает обязанность прибыть к месту временного пребывания и встать на учет в органе внутренних дел по этому месту пребывания.

В случае установления в отношении поднадзорного лица административных ограничений, предусмотренных п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре (запрещение пребывания в определенных местах; запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях), для данного лица нет запрета на оставление места жительства или пребывания. Однако при перемене места жительства или пребывания на него возлагаются обязанности в течение трех рабочих дней уведомить об этом орган внутренних дел по старому месту жительства или пребывания и явиться для постановки на учет в орган внутренних дел в течение трех рабочих дней со дня прибытия к новому месту жительства или пребывания (п.п. 2, 5 ч. 1 ст. 11 Федерального закона об административном надзоре) [1, с. 5].

Возникают определенные трудности при рассмотрении заявления на выезд лица, состоящего под надзором, в отношении которого решением суда установлены административные ограничения в виде запрещения выезда за пределы территории с дополнительными формулировками «кроме случаев, связанных с исполнением трудовых обязанностей», «за исключением выездов, связанных с трудовой деятельностью» и т.д.

Законодатель четко определил в п. 4 ч. 1 ст. 4 Федерального закона об административном надзоре ограничение в виде «запрещения выезда за установленные судом пределы территории», тем самым не предусматривая каких-либо условий и исключений. В то же время суды наделены только правом устанавливать ограничение на выезд и определять границы территории, которые нельзя покидать поднадзорному лицу с учетом соотношения государственных, общественных интересов, а также частных интересов поднадзорного лица. При этом пределы территории не должны чрезмерно ограничивать его права, закрепленные в Конституции Российской Федерации, на труд, образование, меди-

цинскую помощь и т.д.³, и в то же время быть слишком протяженными, такими как субъект Российской Федерации или несколько муниципальных образований, что фактически исключает контроль за поведением поднадзорного лица.

Нередки случаи, когда судьи в судебном заседании в ходе принятия решения об установлении ограничения на передвижение неверно разъясняют административному ответчику механизм его исполнения, говоря о том, что тот носит только контролирующий, а не запрещающий характер – предоставив в полицию документы, подтверждающие трудовую деятельность за пределами определяемой территории, поднадзорный может беспрепятственно получить соответствующее разрешение и тем самым реализовать свое право на труд.

Такое расширительное толкование обуславливает определенные трудности для сотрудников, осуществляющих административный надзор, поскольку возникают сложности в обоснованности выдачи маршрутного листа для выезда, связанного с осуществлением трудовой деятельности, а также проблемные ситуации по этому поводу с поднадзорными лицами. Кроме того, оно противоречит смыслу Федерального закона об административном надзоре.

Установленные запреты, предусмотренные Федеральным законом об административном надзоре, ограничивают права и свободы ранее судимых в тех пределах, которые определил суд, что согласуется с положением ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а также, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, являются обоснованными и соразмерными тем целям, ради защиты которых надзор введен⁴.

Между тем в Федеральном законе об административном надзоре все же есть возможность для поднадзорных лиц в виде исчерпывающего перечня оснований, дающих право на выезд, в том числе и для решения некоторых (конкретных) вопросов, связанных с трудоустройством, таких как: посещение службы занятости населения; прохождение предварительного собеседования; заключение трудового договора, договора на выполнение работ и (или) оказания услуг; прохождение медицинского осмотра, необходимого для трудоустройства; государственная регистрация в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя; получение лицензии на осуществление определенного вида деятельности. Указанное тем самым полностью не лишает их права на передвижение.

3 О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 // СПС КонсультантПлюс.

4 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чередниченко А.С. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1740-О // СПС КонсультантПлюс.

Алгоритм реализации принципа свободы передвижения (с определенными ограничениями) следующий: поднадзорный, которому установлено ограничение на выезд, может осуществлять трудовую деятельность в рамках территории, установленной решением суда, и покидать ее с разрешения контролирующего органа только по исключительным личным обстоятельствам, в которые трудовая деятельность не включена. Для того чтобы трудиться за пределами «территории запрета», поднадзорному лицу необходимо обратиться в суд с заявлением об изменении границ ограничения либо его отмене.

Получение территориальным органом внутренних дел информации на лиц, состоящих на учете (проходящих лечение) в наркологическом и (или) психоневрологических диспансерах, в рамках осуществления индивидуально-профилактической работы.

В соответствии с приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» участковые уполномоченные полиции обязаны проводить индивидуальную профилактическую работу с особыми категориями граждан, одними из которых являются больные алкоголизмом, состоящие на учете в медицинской организации, которые в течение года два и более раза привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения, а также по ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, а также больные наркоманией, состоящие на учете в медицинской организации, которым в течение года два и более раза назначено административное наказание за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, 6.9, 6.9.1, ч. 2 и 3 ст. 20.20 КоАП РФ.

Основанием для проведения индивидуальной профилактической работы в отношении этих лиц является информация подразделения по исполнению административного законодательства после подтверждения медицинской организацией нахождения данной категории лиц на учете в наркологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма или наркомании. Основанием для прекращения работы является снятие лица, больного алкоголизмом или наркоманией, с учета в медицинской организации (при поступлении информации).

Особой категорией являются лица, состоящие под административным надзором, которые могут, помимо этого, состоять на профилактическом учете как «алкоголики» и (или) «наркоманы». Многие из них страдают алкоголизмом и (или) наркоманией, в связи с чем периодически проходят стационарное лечение в наркологическом диспансере, в том числе и анонимно, при этом вынуждены пропускать явки в территориальный орган внутренних дел, утвержденные графиком прибытия на регистрацию, а также нарушать ограничение в виде запрещения пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося

ся местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток (если такое ограничение установлено им судом).

В целях своевременного установления факта нахождения поднадзорного лица на лечении необходимо подтверждение медицинского учреждения. При отсутствии соответствующей информации поднадзорное лицо необоснованно может быть привлечено к ответственности за несоблюдение административных ограничений, а также объявлено в розыск как лицо, уклоняющееся от административного надзора.

На основании ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну, которая может быть раскрыта без согласия гражданина или его законного представителя органам внутренних дел только по запросу органов дознания и следствия в связи проведением расследования, в целях осуществления контроля за исполнением лицами, признанными больными наркоманией либо потребляющими наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психотропные вещества, возложенной на них при назначении административного наказания судом обязанности пройти лечение от наркомании, диагностику, профилактические мероприятия и (или) медицинскую реабилитацию, а также по инициативе самого медицинского учреждения в целях информирования органов внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий.

В связи с этим получить необходимую информацию в отношении лиц, состоящих на учете в наркологическом диспансере, а также проходящих там лечение, в рамках индивидуально-профилактической работы не представляется возможным.

Концептуально для решения данной проблемы необходимо внесение соответствующих дополнений в ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» либо разработка совместного приказа МВД России и Минздрава России, регламентирующего порядок взаимодействия органов здравоохранения и территориальных органов МВД России по обмену информацией о лицах, больных алкоголизмом и наркоманией, состоящих на учете в медицинской организации.

Кроме того, при проведении проверки по фактам несоблюдения лицом установленных ограничений для решения вопроса о привлечении поднадзорного к административной (ст. 19.24 КоАП РФ) либо уголовной ответственности (ст. 314.1 УК РФ) необходимо получить от поднадзорного лица объяснение по

данному факту, в ходе которого возможно разъяснить лицу необходимость представления им справки из соответствующего медицинского учреждения либо получить от поднадзорного письменное согласие на предоставление органам внутренних дел информации о факте обращения гражданина (поднадзорного лица) за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иных сведений, полученных при его медицинском обследовании и лечении. Эти меры помогут избежать необоснованного привлечения поднадзорного лица к административной либо уголовной ответственности за несоблюдение им административных ограничений либо невыполнение административных обязанностей. Но и такие способы получения информации могут быть недоступны органу внутренних дел в случае, если поднадзорное лицо скрылось либо его место нахождения не известно.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотрение проблемных вопросов реализации административного надзора на теоретическом уровне способствует формированию единства практики его применения и в конечном итоге повышению эффективности рассматриваемого института в целом.

Библиографический список

1. Артамонов, А.Н. Производство предварительной проверки и дознания по фактам уклонения от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) / А.Н. Артамонов // Законодательство и практика. – 2017. – № 1. – С. 3-7.
2. Астахова, А.О. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения : монография / А.О. Астахова. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. – 195 с.

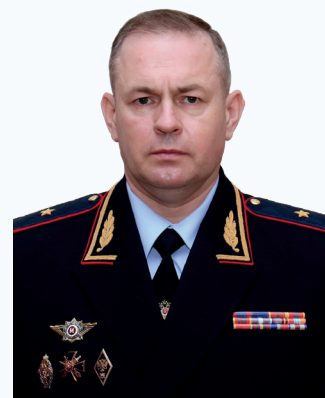
**О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РУКОВОДИТЕЛЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КАК ОРГАНИЗАТОРА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**ABOUT THE LEGAL STATUS OF THE LEADER
OF THE TERRITORIAL BODY OF INTERNAL AFFAIRS
AS THE ORGANIZER OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES**

Свинов Дмитрий Вячеславович,

*начальник Управления МВД России
по Курганской области*

dsvinov@mvd.ru

Ключевые слова:

руководитель, организатор, правовой статус, органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность.

В статье на основе анализа известных полномочий руководителя территориального органа внутренних дел в сфере оперативной-розыскной деятельности делается попытка определения правового статуса руководителя территориального органа внутренних дел как организатора данной деятельности. Автор акцентируется внимание на необходимость нормативного установления стройной системы прав и обязанностей руководителя территориального органа внутренних дел как организатора оперативно-розыскной деятельности, которая позволит сформировать объективное представление о сущности и содержании его полномочий.

Keywords:

leader, organizer, legal status, internal affairs bodies, operational-search activity.

The article, based on the analysis of the known powers of the head of the territorial body of internal affairs in the field of operational investigative activities, attempts to determine the legal status of the head of the territorial body of internal affairs as the organizer of this activity. The author focuses on the need for a normative establishment of a coherent system of rights and

obligations of the head of the territorial body of internal affairs as an organizer of operational investigative activities, which will allow forming an objective idea of the essence and content of his powers.

Теоретическое осмысление правового статуса руководителя территориального органа внутренних дел (далее – ОВД) как организатора оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), рассмотрение его проблемных аспектов позволяют выработать предложения по совершенствованию указанной деятельности.

Актуальность рассматриваемого вопроса несомненна, учитывая множественность отношений между участниками ОРД и отсутствие нормативного закрепления правового статуса руководителя территориального ОВД как участника ОРД.

Принимая во внимание, что руководитель территориального ОВД, являясь должностным лицом, нормативно наделенным правами и обязанностями, выступает субъектом права, полагаем, что он выступает участником общественных отношений в данной сфере.

В то же время в оперативно-розыском праве, как и в оперативно-розыскной науке, не уделено должного внимания юридическому статусу руководителя территориального ОВД как субъекта права и правоотношений. При этом субъектами данных отношений выступают как оперативные подразделения органов, уполномоченных осуществлять ОРД, так и их должностные лица (в том числе и руководитель территориального ОВД) с одной стороны и другие участники данного процесса (свидетели и очевидцы, объекты оперативного интереса) – с другой.

Исходя из норм законодательства¹ и учитывая мнения многих исследователей, которые считают, что руководитель организации любой организационно-правовой формы, выполняя исполнительно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, наделен необходимыми для их реализации правомочиями, позволяющими считать его организатором деятельности [напр.: 1, 4-8], полагаем, что руководитель территориального органа внутренних дел не является исключением.

Вопрос о правовом статусе руководителя территориального ОВД как организатора ОРД в оперативно-розыскной науке является достаточно дискуссионным. Связано это с существующей полемикой о том, является или не является руководитель территориального ОВД субъектом либо участником оперативно-розыскной деятельности.

¹ Статья 273 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ.

Не вдаваясь в детали данной полемики, обозначим свою позицию, которая согласуется с мнением ряда известных ученых (например, К.К. Горяйнова, В.Ф. Луговика, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова) и заключается в том, что руководитель территориального ОВД, учитывая наличие у него специфических оперативно-розыскных функций и имеющихся полномочий на санкционирование ряда оперативно-розыскных мероприятий, является полноценным участником оперативно-розыскной деятельности.

Соответственно, учитывая, что одной из его функций как руководителя территориального ОВД, уполномоченного осуществлять ОРД², является организаторская функция, полагаем, что руководитель территориального ОВД является организатором ОРД в данном органе.

При этом, опираясь на постулаты теории управления, под организатором (так же, как и руководителем) мы понимаем конкретное должностное лицо, управляющее определенной деятельностью, принимающее решение, что и как делать, и объединяющее людей для конкретного дела, а деятельность данного лица по управлению людьми является организаторской деятельностью.

Таким образом, приходим к пониманию, что организаторская деятельность есть не что иное, как работа непосредственно самого организатора (то есть руководителя территориального органа внутренних дел), которая заключается, прежде всего, в объединении подчиненных для достижения целей (миссии) организации (территориального органа внутренних дел). Реализуется данная работа, как мы понимаем, через функции руководителя территориального ОВД, которые, как правило, соответствуют стадиям управления.

Исходя из того, что в теории управления финишным элементом системы управления людьми принято считать организаторскую деятельность, можно заключить, что субъектом такого элемента в системе управления ОРД в территориальном ОВД выступает его руководитель.

Данный вывод согласуется с положениями п. 16 Указа Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» и приказа МВД России от 28 июля 2017 г. № 545 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Курганской области», которые обозначили, что руководитель территориального органа внутренних дел (начальник УМВД России по Курганской области) осуществляет руководство территориальным органом внутренних дел на основе единоначалия и несет персональную ответственность за выполнение возложенных на УМВД России

² Статья 13 Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

по Курганской области задач. При этом руководитель территориального органа внутренних дел в целом «организует деятельность территориального органа внутренних дел»³ и в частности «организует и осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность»⁴.

Не вдаваясь в детали существующих в науке различий между понятиями «организатор», «руководитель», «организаторская деятельность», отметим, что общим для них все же является деятельность по объединению сотрудников организации для достижения целей (миссии) организации. Отметим только, что если основой организаторской (как и управленческой) деятельности является достижение конечной цели организации, то в основе руководства находится организация работы подчиненных по достижению этой цели.

Таким образом, в организации деятельности территориального ОВД ключевой фигурой является его руководитель, наделенный соответствующими полномочиями или, иными словами, правовым статусом.

В юридической науке общеизвестно, что права и обязанности кого-либо (человека, личности, должностного лица и т.д.) как составляющие полномочий являются основой их правового статуса [2, 9].

Соответственно, представляется, что права и обязанности, которыми наделяется руководитель территориального ОВД, являются стержневой основой его правового статуса. Иными словами, правовой статус руководителя территориального ОВД как участника ОРД определяется объемом и совокупностью его полномочий в сфере организации данной деятельности.

Права руководителя по общему пониманию в науке трактуются как «нормативно обозначенная возможность что-либо делать и поступать определенным образом» [10]. Соответственно, права руководителя территориального ОВД представляют собой нормативно закрепленную возможность поступать определенным образом в процессе решения возложенных на него задач.

В процессе исследования мы обратили внимание, что единого нормативного правового акта, который бы содержал исчерпывающий перечень прав руководителя территориального ОВД в сфере организации ОРД в природе не существ-

3 Пункт 19 пп. 6 Указа Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»; п.18 пп. 6 приказа МВД России от 28 июля 2017 г. № 545 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Курганской области».

4 Пункт 13 п.п.7 Указа Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации»; приказ МВД России от 28 июля 2017 г. № 545 «Об утверждении Положения об Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Курганской области».

вует. Ни в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), ни в других нормативных и правовых актах, в том числе ведомственных, регламентирующих ОРД, такой комплекс прав и обязанностей не обозначен.

Следовательно, при проведении исследования мы руководствовались известным постулатом о том, что права (как и обязанности) находятся в прямой зависимости от организационно-правовой формы организации. В таком случае можем предположить, что права и обязанности руководителя территориального ОВД при осуществлении ОРД органично вытекают из организационно-правового статуса самого территориального ОВД, обозначенного в нормативных правовых актах.

Следовательно, можно предположить, что, определяя правовой статус руководителя территориального ОВД путем исследования его прав и обязанностей при осуществлении ОРД, мы обязаны связать их с правами органа, осуществляющего ОРД, обозначенными в ст. 15 Закона об ОРД.

Так, в ст. 15 Закона об ОРД органу, осуществляющему ОРД, а значит, и руководителю ОВД как организатору ОРД предоставлено право:

- организовывать проведение ОРМ, перечисленных в ст. 6 того же закона, производить при их проведении изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, а также прерывать предоставление услуг связи в установленных случаях;

- документально закреплять от имени ОВД отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе;

- санкционировать использование ОВД в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по договору или устному соглашению имущество юридических и физических лиц;

- разрешать использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств ОВД, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе;

- инициировать создание предприятий, учреждений, организаций и подразделений, необходимых для решения задач, предусмотренных законом.

В то же время, учитывая, что полномочия территориального ОВД содержатся в Типовом положении о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699, можно определить, что права его руководителя сконцентрированы в данном нормативном правовом акте. В частности, пункт 7 напрямую предоставляет руково-

дителю территориального ОВД право на организацию и осуществление ОРД, а также определяет другие его полномочия, непосредственно имеющие отношение к организации данной деятельности (например, п. 8 – организация розыска лиц и похищенного имущества, а также деятельность по установлению имущества, подлежащего конфискации, п. 10 – реализация мер, направленных на выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности).

Кроме того, п. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» руководителю ОВД как сотруднику полиции для выполнения возложенных на него обязанностей предоставлены иные права, также закрепленные в ведомственных приказах МВД России, например: проводить ОРМ; использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие сведения о сотрудниках ОВД, ведомственной принадлежности их подразделений, организаций и служб, помещений и транспортных средств, и обрабатывать сведения о сотрудниках ОВД, содержащиеся в государственных информационных системах и (или) базах данных государственных органов и государственных внебюджетных фондов; производить при осуществлении ОРД изъятие документов, предметов, материалов и сообщений; объявлять розыск и принимать меры по розыску лиц, совершивших преступления или подозреваемых и обвиняемых в их совершении, лиц, пропавших без вести, иных лиц, розыск которых возложен на полицию, а также объявлять розыск и принимать меры по розыску похищенных или угнанных транспортных средств, похищенного имущества, имущества, подлежащего конфискации.

Дополнительным примером предоставления ведомственным нормативным правовым актом системы МВД России прав начальнику территориального ОВД при осуществлении ОРД могут выступать пп. 3 и 4 приказа МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности», предоставляющие начальнику ОВД право контролировать ОРД и расходовать в пределах своих полномочий денежные средства, выделяемые на ее осуществление.

Выводы, к которым мы пришли в ходе проведения нашего исследования, подтверждают, что права руководителя ОВД в сфере ОРД даже в открытых, гласных и доступных источниках закреплены в различных нормативных правовых источниках. Вместе с тем большая часть прав изучаемого субъекта регламентирована «закрытыми» ведомственными нормативными источниками.

Изучение правового статуса руководителя территориального ОВД при осуществлении ОРД, объема его прав и обязанностей, вытекающих из содержания данных нормативных правовых актов, позволило установить, что в целом их объем позволяет решать стоящие перед ОВД задачи в данной сфере. В то же время удалось выявить, что данные права и обязанности рассредоточены во множестве различных нормативных правовых актов. Данное обстоятельство

указывает на отсутствие четко выстроенной системы полномочий руководителя территориального ОВД при осуществлении ОРД, что не позволяет сформировать объективное представление об их сущности и содержании, что, в свою очередь, вызывает необходимость их прямой правовой регламентации и систематизации. Данный вывод согласуется с выводами известных ученых в области ОРД. В частности, В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров, исследуя роль субъектов ОРД, пришли к выводу о необходимости закрепления прав и обязанностей руководителей территориальных органов в Законе об ОРД [3].

Соответственно, формированию четкого правового статуса руководителя территориального ОВД как организатора ОРД способствовало бы внесение соответствующих изменений (дополнений) в Закон об ОРД и в другие нормативные правовые акты, в том числе ведомственные, регламентирующие ОРД, путем определения в них его правового статуса в данной области.

Таким образом, можно констатировать, что отсутствие определенно выстроенной системы полномочий руководителя территориального ОВД в сфере ОРД не в полной мере способствует совершенствованию процесса организации отдельных узких направлений данной деятельности. При этом, по нашему мнению, юридическое закрепление правового статуса руководителя территориального ОВД как организатора ОРД, отражающего его компетенцию при проведении ОРМ, будет способствовать оперативности и маневренности вырабатываемых управленческих решений.

Рассмотрев вопрос о правовом статусе руководителя территориального ОВД как организатора ОРД, мы сделаем следующие выводы.

1. Руководитель территориального ОВД является организатором ОРД в данном органе. При этом его организаторская деятельность приобретает особую модель профессиональной деятельности, оригинальность которой заключается в координации совместных действий всех структурных элементов территориального ОВД в целях раскрытия преступления с опорой на принципы единоначалия и иерархии.

2. Правовой статус руководителя ОВД как организатора ОРД представляет собой установленные нормами права положение и совокупность полномочий в сфере организации данной деятельности.

3. Существующая модель системы прав и обязанностей руководителя территориального ОВД в сфере ОРД не имеет стройной системы и не позволяет сформировать объективное представление о сущности и содержании его полномочий.

4. Руководитель территориального ОВД должен быть наделен теми правами и обязанностями в сфере организации ОРД, которые выделяли бы его среди других субъектов ОРД, таких как руководитель оперативного подразделения,

оперативное подразделение, руководитель, уполномоченный на осуществление ОРД.

5. В целях оптимизации правового регулирования ОРД и правового статуса руководителя необходимо:

– в Закон об ОРД включить дополнительно статьи, содержащие перечень прав и обязанностей руководителя территориального ОВД в сфере организации ОРД;

– в нормативных и правовых актах, в том числе ведомственных, регламентирующих ОРД, закрепить правовой статус руководителя территориального ОВД как организатора ОРД, отражающий его компетенцию при проведении ОРМ.

Библиографический список

1. Алехин, А.П. Административное право России : учебник / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий. – М. : Зерцало, 2007.
2. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : курс лекций / Г.В. Атаманчук. – М. : Омега-Л, 2004.
3. Аتماжитов, В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности ОВД / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Труды Академии управления МВД России. – М., 2001. – С. 16-18.
4. Бойченко, Т.А. Правовой статус работодателя / Т.А. Бойченко. – М., 2003. – 184 с.
5. Болдырев, В.А. Статус руководителя организации: корпоративные и трудовые споры / В.А. Болдырев // Адвокат. – 2015. – № 5. – С. 34-47.
6. Зайцева, О.Б. Дифференциация правового регулирования труда руководителя в связи с принятием нового Трудового кодекса РФ / О.Б. Зайцева // Управление персоналом. – 2003. – № 3. – С. 22-24.
7. Замордуев, Д.Г. Руководитель организации как специальный субъект трудового права : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Д.Г. Замордуев. – М., 2005. – С. 178.
8. Лютов, Н.Л. Правовой статус руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа с точки зрения трудового права / Н.Л. Лютов // Трудовое право. – 2003. – № 2. – С. 19-26.
9. Микаилов, С.М. Краткий курс административного права Российской Федерации для бакалавриата (в схемах и таблицах) : учебное пособие / С.М. Михайлов. – Курган, 2017.

10. Ревина, С.Н. Разграничение понятий «права человека» и «права гражданина» / С.Н. Ревина, И.Л. Скорнякова // Российская наука: актуальные исследования и разработки : сборник научных статей I Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Самара, 2016. – С. 252-255.

**ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ КАК ПРОФИЛАКТИКА
ПРОЯВЛЕНИЯ КСЕНОФОБИИ**

**FORMATION OF TOLERANCE
IN PROFESSIONAL ETHICS AS A PREVENTION
OF THE MANIFESTATION OF XENOPHOBIA**

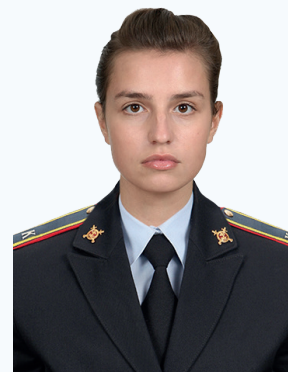
Павлова Светлана Алексеевна,
*доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат технических наук, доцент*

pavlova.rfatlhf@yandex.ru

Толстикова Людмила Александровна,
*курсант Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

lyudochka.tolsta13@mail.ru

Ключевые слова:

национальное согласие, общественный
интерес, личный интерес, толерант-
ность, ксенофобия.

В статье рассматриваются особенности воспитательной по-
литики в рамках социального заказа. Авторы акцентируют вни-
мание на проблеме формирования толерантности в современ-
ном обществе, в том числе в системе органов внутренних дел
России.

Keywords:

national consent, public interest, personal interest, tolerance, xenophobia.

The article examines the features of educational policy within the framework of social order. The authors focus on the problem of the formation of tolerance in modern society, including in the system of internal affairs bodies of the country.

Укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности является одним из значимых национальных интересов страны на долгосрочную перспективу. Данные задачи непосредственно связаны с сохранением и развитием культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, о чем говорится в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности».

В современном обществе протекают сложные и комплексные процессы, которые характеризуются не только разнообразием, но и взаимовлиянием, взаимозависимостью социальной среды и человека. Статистика за 2019 г. в Российской Федерации, характеризующая социально-криминологическую сторону общественной среды, связанная с иностранными гражданами и лицами без гражданства, показывает, что антиобщественные явления, совершенные иностранными гражданами и лицами без гражданства, за год составили 34 917 (удельный вес от общего числа расследованных дел составил 3,3%), при этом их количество по сравнению с предыдущим годом уменьшилось на 9,5%. В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства за 2019 г. зарегистрированы 16 810 неправомерных посягательств, причем увеличение такого рода преступных посягательств составило 6,3%¹.

Можно ли уменьшить в обществе проявления нежелательного поведения в отношении граждан другой национальности со стороны соотечественников? В чем причина данного явления? Ведь по общим человеческим нормам всем должно быть понятно, что люди, оказавшись в других условиях проживания, испытывают больше трудностей (начиная психологическими и заканчивая материальными). Реакция общества, казалось бы, должна быть ориентирована на поддержку тех, кому тяжелее.

Попытаемся путем сравнительного анализа дать характеристику социальной среде, в которой находится современный человек. Прежде всего необходимо обозначить, что если в социальном аспекте попытаться разделить жизнь человека на составные элементы, то, безусловно, в современном обществе рабочее время занимает большую часть активной жизни, а оставшуюся – свободное время проведение (например, в кругу семьи), время на увлечения (интеллектуальные, физические, культурные), путешествия и др. При этом в любом

1 URL: <https://genproc.gov.ru>.

обществе преобладающей является парадигма управления поведением человека на государственном уровне, сущность которой заключается, прежде всего, в формулировании норм поведения, декларирующих те ценности и ментальные установки, которые необходимы обществу, чтобы поддерживать значимые социальные процессы, представляющие собой ориентиры воспитательной политики в определенный период развития общества.

В период функционирования командно-административной социально-экономической системы воспитание людей было направлено на подчинение личных интересов общественным через созданную систему идеологических установок, соответствующих экономической и социальной политике государства (СССР). Воспитание личности было важной стратегической и тактической задачей общества. Технология процесса воспитания реализовывалась через ряд социально-политических институтов, главным преимуществом которых был охват людей с самого младшего возраста и до окончания трудовой деятельности. Эти социальные институты, включая разные группы людей, одновременно присваивали им определенный социальный статус. Этот статус в обществе носил исключительно положительный характер. Поддерживать имидж статуса позволяли выработанные обществом краткие, четкие, логичные, понятные большинству населения с самого раннего возраста установки и лозунги, девизы, которые распространялись в широко доступных массах людей общественных местах – детских и учебных заведениях, производственных помещениях, на площадях и скверах в виде лозунгов и транспарантов: «Будь, октябренок, всем детям примером, чтобы хорошим стать пионером!», «Не обижай малыша!», «Мы с тобой должны учиться сами помогать в хозяйстве маме!», «С пионерским звонким маршем мы идем на помощь старшим!», «Учись на пять!», «Пионер дружит с детьми всех стран мира!», «Мастерству учиться – всегда пригодится!», «Хорошо иметь умелые руки, люби труд!», «Будь достойным сыном Родины!», «Школьники, домашние задания выполняйте самостоятельно!», «Я сам!», «У меня друзья повсюду!», «Пионеры и школьники, помогайте сажать новые сады в городах и селах, ребята, за мной!», «Мир и счастье детям всей Земли!», «Пионер – всем детям пример!», «Галстук пионерский пламенно горит и тремя концами словно говорит: "С комсомолом, партией дружба велика, связь трех поколений, как гранит, крепка!"», «Как повяжешь галстук, береги его – он ведь с Красным Знаменем цвета одного!», «Пионер растет смелым и не боится трудностей!», «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!», «Партия сказала: «Надо!». Комсомол ответил: «Есть!»». Вся система воспитания в командно-административной системе управления государством была пронизана духом коллективизма, ответственного и добросовестного отношения к порученному делу, взаимопомощи и уважительного отношения ко всем людям Земли. В этом и заключался общественный интерес.

Педагогические приемы использовались в управлении всеми общественными институтами страны, следовательно, и в деятельности органов внутренних дел. Будущие и действующие сотрудники органов внутренних дел, как и другое население, уже с ранних лет воспитывались обществом с учетом коллективного общественного интереса. Причем на протяжении всей истории данного института воспитание было неотъемлемой частью профессии, поэтому необходимо рассмотреть правовую форму и содержание обучения сотрудников на современном этапе.

Так, на протяжении ряда десятилетий в основных нормативных правовых документах (например, Присяга сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации) для сотрудников органов внутренних дел страны формулируются требования к общим правилам поведения. В частности указывается, что отсутствие навыков самодисциплины и распущенность наносят непоправимый ущерб репутации и авторитету органов внутренних дел. Излагаются требования к культуре речи и правилам служебного общения, меры по профилактике профессиональной деформации.

С переходом страны к условиям глобализации и открытому рыночному пространству поменялся и социальный заказ в воспитании современного человека. Основой новой общественной жизни стал «человек экономический», который в условиях полной социально-экономической свободы должен самостоятельно научиться выстраивать свое поведение и отношение к чему-либо или кому-либо в обществе правильно. Те общественные призывы и лозунги, которые показывали ориентир поведения молодым людям в командной экономике, ушли в прошлое. Их место заменила реклама в средствах массовой информации, главным содержанием которой является навязывание покупки любого товара (услуги), и даже в случае отсутствия нужной суммы денег реклама и рынок предлагают и подсказывают массу возможностей осуществлять приобретения в счет будущего потребления, то есть в кредит («Кредит всем!»), не акцентируя внимание на последствиях этой будущей жизни в кредит. Таким образом, в обществе пропагандируется широта и доступность потребления (физиологические потребности по пирамиде Маслоу, занимающие низший уровень) и свобода для «экономического человека». Причем эти ценности и такое поведение (общественный интерес (заказ)) человек видит и привыкает к ним с раннего возраста. Не являются исключением и молодые люди, выбравшие профессией службу в органах внутренних дел. Иногда привычки человека, воспитанные с детства свободным обществом потребления, вступают в противоречие с нормами и правилами службы в системе МВД России, где на протяжении всего времени функционирования службы пропагандируются

и являются незыблемыми нравственные нормы отношения к служебным обязанностям и человеку.

В настоящее время таким правовым ориентиром профессионально этического поведения служит Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)). В документе прописаны фундаментальные требования общества к поведению человека на основе морально-нравственных норм отечественного и международного права, вызванные процессами глобализации и международного разделения труда, научно-техническим прогрессом, в рамках которых функционируют все страны мира на протяжении более 30 лет, начиная с конца 1980-х гг. Именно с этого момента времени и начала меняться общественная парадигма воспитания, в основе которой лежит теория неoinституционализма, декларирующая права и свободы человека как главного завоевания демократического режима и новой экономической системы хозяйствования, где приоритетом является частная собственность. Следовательно, начиная с эпохи приватизации национальной собственности, в обществе стали главными другие подходы к воспитанию личности, в основе которых оказались не коллективные ценности, а личный интерес. Причем, как правило, этот индивидуальный интерес носит экономический характер. Таким образом, эпоха неoinституционализма характеризуется тем, что каждый человек волен выстраивать свою жизнь, исходя из своих личных предпочтений, а личные предпочтения означают и субъективный интерес, содержание которого и составляет сущность современной жизни. Именно в таких условиях и реализуется педагогическая парадигма общества. Способом гармонизации личного и общественного интересов выступают правовые документы, содержащие нормы отечественного и международного права, в которых ориентиром является человек (каждый гражданин), его право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести, достоинства, своего доброго имени.

В настоящее время многие негативные социальные явления нередко вызваны враждой, то есть неприятием одного человека другим. Изучая данный вопрос, необходимо выявить причины, порождающие это социальное явление, найти то, что могло вызвать негативные установки одних людей по отношению к другим.

Такое явление в научной литературе получило название ксенофобия, и многие ученые считают, что это проявление в жизни людей – одна из главнейших причин межнациональной вражды. Ксенофобия, по определению И.С. Кона, – это негативная установка, иррациональный страх и ненависть к чужакам. Ее объектами могут служить как конкретные группы, так и вообще все «чужие» [3].

Большинство специалистов, занимающихся исследованием ксенофобии, связывают ее зарождение, в первую очередь, с биологическими основами живых организмов. Она могла возникнуть как инструмент адаптации в процессе эволюции, который способствовал выживанию и передаче генов потомкам. То есть страх перед незнакомцами мог быть среди прочего основан на наблюдении, что чужаки могут быть разносчиками новых, а значит, очень опасных (из-за отсутствия нужных антител) для коренных жителей болезнетворных микроорганизмов.

Так, В.Р. Дольник – российский орнитолог, доктор биологических наук – указывал на то, что у животных существует явление этологической изоляции – агрессии и неприязни, проявляемых ими по отношению к другим видам и подвидам. Из этого, по его мнению, вытекает предположение, что для человека настороженная реакция на непохожих людей неизбежна и биологически нормальна. Агрессивное поведение имеет свои закономерности, главными из которых является то, что агрессия возникает изнутри и накапливается. При отсутствии раздражителя агрессия все равно реализуется, переадресовываясь либо более слабым особям, либо неживым предметам [2].

В свою очередь, Е.Н. Юрасова выделяла с психологической точки зрения лишь определенные индивидуально-психологические особенности людей, склонных к ксенофобии, такие как повышенная личностная тревожность, повышенный уровень агрессивности, враждебности, ригидности, преобладание психологических защит в виде отрицания, проекции, высокого уровня агрессивности, подозрительности и т.д. [1].

Также одной из причин ксенофобии является влияние общества и средств массовой информации на личность, формирующее у нее определенные установки, касающиеся людей другой национальности, вероисповедания, места жительства и т.п.

Ксенофобия, как и любое явление, имеет последствия. Например, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и управления персоналом Института управления, бизнеса и права Ю.В. Милова выявляет такие последствия, как:

- утверждение, укрепление, оправдание отношений господства и подчинения, неравенства, рабства, сервилизма;
- разделение людей по признаку пола, национальности, расы и т.д. в целях предотвращения их объединения, сплочения и организованности;
- межгрупповые конфликты, способные довести до физического уничтожения «неприемлемой» группы [4].

Действительно, ксенофобия имеет множество негативных последствий, которые наихудшим образом влияют на дальнейшее развитие общества. При этом общество очень быстро становится многонациональным в результате ак-

тивизации международной миграции рабочей силы, ослабления пограничных режимов для трудовых мигрантов, открытия новых свободных экономических зон в мире, мощного процесса интернационализации капитала. Человеку и его психике тоже необходимо быстро меняться и приспосабливаться к новым условиям жизни, что относится как к мигрантам, так и к местному населению. Страх впустить в свою жизнь что-то новое и нарушить привычное, стереотипы – все это возвращает в человеке ксенофоба. Этот человек хоть и живет в современном обществе, но не меняет свои взгляды, установки, не желая принимать кого-либо, кто хоть немного отличается от него, будь то национальность, вероисповедание, раса или любой другой признак. Но самое опасное заключается в том, что этот человек может, как вирус, разносить свои убеждения на знакомых, друзей, членов семьи (в том числе детей, которые, как правило, более подвержены влиянию со стороны взрослых). Статистика показывает, что ксенофобские настроения более распространены среди молодежи, нежели среди старшего поколения. Из социальной психологии известно, что подростки – та часть населения, которая подвержена наибольшему влиянию. Чтобы сформировать собственную систему ценностей, подростку надо от чего-то оттолкнуться, и этим чем-то оказываются требования и ценности, транслируемые или навязываемые взрослыми. Именно в подростковом периоде у человека появляется потребность в самоутверждении, поэтому он ищет любые пути удовлетворения потребности. Одним из таких путей выступает ксенофобия, за счет которой человек пытается самоутвердиться, принижая другого по какой бы то ни было причине. К сожалению, это явление распространено не только среди подростков, но и молодых людей. Поэтому такую важную роль играет воспитательная работа в системе МВД России. На протяжении всей истории службы принимаются, обновляются и дополняются правовые документы, в которых излагаются требования о наличии соответствующих навыков служебного поведения и уважительного отношения к человеку у сотрудника органов внутренних дел.

Необходимо разобраться, какие методы противодействия ксенофобии используются в наши дни? Основным средством, конечно, является профилактика ксенофобии и национализма. Ведь всегда проще не допустить беду, чем ее устранить. Например, в школах России происходит внедрение в образовательный процесс образовательных программ, способствующих формированию у детей и подростков правовых норм поведения, вводятся тематические курсы, способствующие формированию и развитию у подрастающего поколения понимания, что стабильность развития общества в многонациональной стране достигается путем толерантности и терпимости к другим национальностям.

Другим не менее важным методом выступает осуществление методического политического курса государства, направленного на взаимодействие пред-

ставителей различных этнических групп, национальностей и религий, последовательной политики по улучшению социально-экономической обстановки. Помимо прочего, осуществляется популяризация ценностных ориентаций гражданского общества, идеалов законности, добра и справедливости при помощи средств массовой информации, проводится информационная работа по разрушению негативных стереотипов о «чужих» национальностях, этносах, религиях, ставятся препятствия для распространения информации, пропагандирующей ксенофобию и экстремизм, регулярно освещается благоприятный опыт межнациональной дружбы и т.д.

Подводя итоги, необходимо сказать, что такое социальное явление, как ксенофобия, существует уже очень давно. Можно затратить огромные средства на борьбу с ней, но это позволит лишь ненадолго снизить напряженность в обществе на почве национализма. И вывод мы можем сделать такой – пока сами люди (каждый человек) не начнут менять себя, учиться понимать друг друга, невзирая на какие-либо различия между собой, усилия не принесут результата. Важно, чтобы в сознании каждого члена общества складывалось понимание, что человек с другим цветом кожи не является плохим, человек, исповедующий близкую его душе религию – не является странным, человек, приехавший из другой страны, не является чужим. Люди все равны. И задача каждого человека – учиться уважать права и свободы других народов, как свои собственные.

Библиографический список

1. Гурина, О.Д. Психологические особенности формирования ксенофобских установок / О.Д. Гурина // Психология и право. – 2011. – Т. 1. – № 4.
2. Дольник, В.Р. Homo militaris / В.Р. Дольник // Homo militaris. О биологических причинах войны. – URL: <https://psyfactor.org>.
3. Краевский В.В. Ксенофобия как болезнь общества и средства ее профилактики / В.В. Краевский. – URL: <http://kraevskyyvv.narod.ru/papers/ksenofobiya.htm>.
4. Милова, Ю.В. Преодоление ксенофобии / Ю.В. Милова // Психология и образование. – 2014. – № 2(3).

**ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

**ON THE INTERPRETATION OF CRIMINAL BEHAVIOR
IN THE CONTEXT OF ANALYTICAL PSYCHOLOGY**

Сергиенко Александр Сергеевич,

*заместитель начальника кафедры огневой
подготовки Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск),
кандидат психологических наук*

al.s.krsk@yandex.ru

Ключевые слова:

аналитическая психология, юнгианский анализ, архетип, преступное поведение, личность преступника.

В статье рассматривается возможность применения методов аналитической психологии для интерпретации делинквентного поведения и нивелирования его отдельных негативных проявлений, рассмотрены базовые категории аналитической психологии и приведены тенденции ее современного развития.

Автором обосновывается идея о том, что методы юнгианского анализа могут быть наиболее результативны в ситуациях, когда диалог необходимо строить с лицами, демонстрирующими признаки девиантного поведения, имеющими различные психические расстройства, либо в иных ситуациях, когда субъект не имеет возможности объяснить (описать) свое состояние или свои действия в рациональных категориях, например в силу возраста.

Keywords:

analytical psychology, Jungian analysis, archetype, criminal behavior, criminal personality.

The article considers the possibility of applying the methods of analytical psychology for the interpretation of delinquent behavior and leveling its individual negative manifestations, considers the basic categories of analytical psychology and shows the trends of its modern development. The author substantiates the idea that the methods of Jungian

analysis can be most effective in situations when it is necessary to build a dialogue with persons showing signs of deviant behavior, having various mental disorders, or in other situations when the subject is unable to explain (describe) his condition or his actions in rational categories, for example, due to age.

Интерес к различным формам делинквентного поведения является традиционным для юридических, социальных и психологических наук. Если на этапе появления первых источников уголовного права оно толковалось преимущественно в категориях христианского вероучения, оперируя пониманием преступления как греховного деяния, то в дальнейшем эти модели постепенно обрели черты научного знания.

По официальной информации МВД России, оперативная обстановка в стране является стабильной, а число убийств и покушений на убийство в январе-мае 2021 г. уменьшилось на 3,8%, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – на 11,9%¹. Но наличие насильственных преступлений, лишенных каких-либо корыстных мотивов, не укладывающихся в рамки привычных причинно-следственных связей и одновременно поражающих своей жестокостью, не позволяет отказаться от постоянного научного поиска. Так, в первом полугодии 2021 г. произошли два резонансных преступления: 16 марта – массовый расстрел женщин азиатского происхождения в Атланте Р.А. Лонгом, 11 мая – массовый расстрел учеников и преподавателей гимназии № 175 г. Казани И. Галявиевым (19 лет).

В настоящее время существует множество работ, посвященных анализу причин такого поведения, условиям, способствующим их распространению, особенностям личности преступника, специфике его социализации, делинквентным субкультурам, вопросам профилактики и предупреждения правонарушений и ряду других проблем. Так, сложно не согласиться с мнением о том, что «лицам, совершившим массовые убийства, свойственны признаки делинквентного поведения. Система смысловой регуляции личности, имеющей делинквентные признаки, подвержена деформации по таким основным направлениям, как искажение неформально обусловленных ценностей, потребность в субкультуре, диспропорция в соотношении ценностной и потребностной индивидуальной смысловой регуляции, искажение структурной организации смысловых систем и степени осознанности смысловых ориентиров» [5, с. 101].

¹ Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.

В попытках объяснить причины преступного поведения ученые-исследователи стремились заглянуть в самые глубокие и потаенные уголки человеческой психики, скрытые от наблюдателя как индивидуальными социально-психологическими наслоениями, так и отдалением во времени, таящиеся в нашей биологической, еще дочеловеческой природе. Пожалуй, никто из исследователей не продвинулся одновременно в обоих указанных направлениях так, как это сделал один из родоначальников психоанализа, основоположник аналитической психологии швейцарский психиатр К.Г. Юнг. Его научные интересы были далеки от криминологии и юридической психологии, да и оставленное им интеллектуальное наследие очень неоднозначно. Так, Т.А. Ребеко² отмечала, что юнгианское учение не соответствует критериям научного знания (данное замечание не без оснований неоднократно делалось различными учеными в отношении всего психоанализа). Кроме этого, по мнению исследователя, когда К.Г. Юнг занимался практикой, он не слишком часто использовал свои теоретические конструкты, что свидетельствует в пользу их схоластической природы.

Одним из ключевых понятий аналитической психологии является архетип (в переводе с греческого – первообраз, прообраз). Юнг не оставил полноценной и разработанной классификации архетипов. В его работах подробно описаны следующие архетипы: Персона, Тень, Анима, Анимус, Самость. Менее подробно, но достаточно, чтобы составить о них представление, описаны Мать (Душа), Отец, Ребенок, Мудрец, Бог, Герой, Трикстер.

Почему именно эти архетипы и по какому признаку они были выделены – не совсем понятно. Можно предположить, что в основу классификации положена разработанная К.Г. Юнгом дихотомия – 4 пары признаков, которые в дальнейшем послужили для основы типологии личности, однако это не так. В результате отсутствия понятной методологической основы после К.Г. Юнга спектр и количество архетипов значительно расширились. В настоящее время наиболее известна классификация, созданная К. Пирсон и Х. Марром, которая состояла из 12 архетипов: Простодушный (Ребенок), Мудрец, Искатель, Бунтарь, Маг, Герой, Любовник (Эстет), Шут, Друг (Славный малый), Заботливый (Опекун), Правитель, Творец.

Указанные моменты, к которым можно добавить еще и, например, касающиеся модели структуры личности, должны поставить под сомнение целесообразность использования юнгианской теории при решении научных задач на современном этапе, но в действительности этого не происходит. Идеи К.Г. Юнга развиваются в трудах последователей (Д. Кэмпбелл, Э. Самуэлс, Д. Хиллман, И. Якоби и др.) в рамках аналитической психологии, используются

² Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, член Ученого совета Института психологии РАН, заведующий кафедрой аналитической психологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

для решения научных задач в других областях. Так, ряд работ заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Ю.М. Антоняна посвящены раскрытию понятия архетипа и возможностям архетипических объяснений различных криминологических явлений [1; 2].

В эволюции юнгианской теории отчетливо читается тенденция к упрощению и наглядности, обусловленная стремлением превратить ее из нагромождения абстрактных философско-психологических категорий в удобный и понятный инструмент решения практических задач.

Проблема негенетического наследования информации, его сопоставление с генетическим наследованием, а также выявление особенностей данного процесса вызывают интерес исследователей, поскольку «в обществе, благодаря кумулятивному характеру социокультурного развития, массив необходимых форм деятельности и знаний значительно превышает возможности отдельных индивидов и не может кодироваться и транслироваться только посредством механизмов генетического наследования» [4]. Отчасти эту же проблему пытался решить и К.Г. Юнг, но даже ключевые понятия своего учения он определил настолько нечетко, что они понимаются скорее интуитивно и допускают вариативность в толковании.

Выдвинув предположение о том, что кроме личного бессознательного (уже рассматриваемого в рамках психоанализа, в частности в работах З. Фрейда) существует еще более глубокий пласт психики – коллективное бессознательное, к которому относятся образцы поведения и мышления (архетипы), К.Г. Юнг дал перечень их признаков.

Коллективное бессознательное по своей сути есть родовая наследуемая готовность поступать каким-то образом. Следовательно, эта готовность влияет на сознание каждого конкретного человека.

Архетип сам по себе пуст и чисто формален, это всего лишь возможность существования [6, с. 177]. Или в другом переводе «он есть не что иное, как возможность репрезентации, которая задана априори. Наследуются не сами репрезентации, а только формы» [7, с. 101].

«Вопреки мнению Юнга архетип сам по себе не пуст и не формален, хотя это и «преформирующая способность», данная а priori» [2, с. 152], – указывает Ю.М. Антонян, и далее поясняет, что архетип неразрывно связан с конкретными образами, он «открывается сознанию через архетипические образы», выступая общей основой и источником этих образов, выражая определенную человеческую потребность.

Личность вначале наблюдает отдельные архетипы (героя, великой матери, учителя и т.д.), а затем делает вывод, что каждый из них выражает нечто более общее. Таким путем происходит презентация архетипа в сознании [1, с. 6-14].

Возникает логичный вопрос: может ли феномен, который описывает автор, называться «архетипом», если его смысловое наполнение значительно отличается от того, которое вкладывал в этот термин К.Г. Юнг?

Сам К.Г. Юнг подчеркивал, что утверждение об определенности архетипа в отношении его содержания является ошибочным. Он отмечал: «В психике каждого человека содержатся неосознаваемые, но в то же время активные формы – предрасположенности, идеи в платоновском смысле, которые не только предопределяют наши мысли, чувства и действия, но и постоянно оказывают на них влияние» [7, с. 100].

Юнг пояснял, что все мифологические образы соответствуют внутренним душевным переживаниям и первоначально произошли именно от них. Следовательно, причины действий человека, например связанных с необоснованной жестокостью, могут скрываться в глубинах личности преступника и определяться актуализированными архетипами.

По мнению Е.В. Ильюк, «каннибализм, инцест, убийства детей, бесчисленные тоталитарные деспотии и другие криминальные явления современного мира говорят о том, что коллективный, общечеловеческий негативный опыт имеет тенденцию к повторению. Архетипы передаются в процессе всей социализации личности, усвоения ею части мирового человеческого опыта» [3].

В средствах массовой информации опубликованы отрывки из допроса И. Галявиева, в которых он дает пояснения о причинах своего поступка: «Я – бог. Считаю, что, убивая людей, я совершил правильный поступок. Я осознал себя богом не сразу, месяца два назад. А летом у меня начал пробуждаться монстр, конкретно. Я всех начал ненавидеть. Я всегда всех ненавидел и начал еще больше ненавидеть»³.

«Школьные стрелки» являются особой категорией преступников. Большинство исследователей этой проблемы отмечают, что нет специфических симптомов, личностных особенностей или условий, объединяющих людей, совершивших массовую стрельбу в школах. Возможно, это объясняется тем, что такие преступления в общей массе совершаются достаточно редко и эмпирическая база является недостаточной для выявления каких-либо закономерностей. Но на данном отдельном примере можно проследить, как произошло нарушение самоидентификации личности и формирование сверхценной идеи. Такая трансформация носила катастрофический характер для самого преступника, а также для людей, пострадавших от его действий.

В рамках понятных нам причинно-следственных связей действия И. Галявиева лишены смысла. Но действие совершено, следовательно, его при-

³ URL: <https://forpostsevastopol.ru/accident/ja-osoznal-cto-ja-bog-kazanskij-strelok-rasskazal-pochemu-poshel-ubivat-detej/>.

чины сокрыты в девиантных особенностях личности, спрятанных под «маской».

Маска в юнгианской теории – это Персона (лат. *persona* – актерская маска) – конструкт, образованный как отклик человека одновременно на врожденную сексуальность как проявленность животного начала и общественные установки, прежде всего систему социальных запретов и ожиданий.

Чрезмерное отождествление своего Я с Персоной, по мнению многих авторов, опасно потерей индивидуальности. Это не совсем верно, поскольку опасностей гораздо больше – их выявление и последующее нивелирование является одним из важных вопросов аналитической психологии. Восприятие себя исключительно как социального образа способствует выстраиванию специфической системы запретов и стимулов, соответствующих выбранной социальной роли, подавлению тех личностных черт, которые этой роли не соответствуют.

Слабо адаптированная Персона, напротив, может быть проявлена как низкая приспособляемость к окружающему миру и вызывать серьезные проблемы в социализации.

Проиллюстрируем данный тезис, приведя слова уполномоченного по правам ребенка в Татарстане И. Волынец: «Гаялиев из благополучной семьи, он учился в престижном вузе, учебу в котором родители имели возможность оплачивать. С финансовой точки зрения семья благополучная. Но на уровне личных отношений контакта у ребенка с родителями не было. И как раз из-за этого затяжного конфликта он от них и съехал»⁴.

Не реализованные в ходе социализации потребности не исчезают. Оставаясь бессознательными, они образуют Тень – личное психическое содержание, которое личность не позволяет себе сознательно – аморальные, абсолютно неприемлемые желания. Скрытые и не признаваемые части личности оказывают значительное влияние на поведение, особенно в критичных и сложных ситуациях.

Тень пробуждает в человеке такие эмоции, как вина, стыд, агрессия, зависть и даже ненависть, потому что конфликт между коллективными ценностями Персоны вступает в противоречие с Тенью. Это создает напряжение между двумя полюсами Эго, стимулируя выработку нового отношения к жизни.

Нарушение баланса между Персоной и Тенью, согласно теории К.Г. Юнга, крайне негативно влияет на становление личности, ее психологическое развитие, в ходе которого реализуются индивидуальные задатки и уникальные особенности человека (в аналитической психологии этот процесс называется индивидуацией).

Сильная Тень не способна интегрироваться с Персоной, в каком-то смысле она подавляет ее. Результатом такой диссоциации является отчуждение личности от реальности. Вдохновившись идеями насилия и собственного превос-

4 URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2550842/>.

ходства, такая личность все глубже погружается в мир фантазий, обретая психотические черты.

В сочетании с некоторыми девиациями такие установки незаметно для окружающих и, что важнее, незаметно для самого человека очень быстро превращаются в сверхценные образования удивительной разрушительной силы. Например, отдельные акцентуации способствуют чрезмерному эмоциональному отклику личности на различные, даже незначительные стимулы. Такие люди очень мнительны, видя потенциальную угрозу повсюду, склонны обижаться на то, что не кажется обидным большинству людей и как следствие – занимают агрессивно-оборонительную позицию в отношениях с окружающими, получая ответный негативный отклик.

В осознании своей Тени и Персоны, встраивании гармоничных отношений между различными аспектами личности для последующих позитивных изменений значительную помощь способен оказать юнгианский анализ. Образность и метафоричность этого метода позволяют работать даже с детьми, например в ходе психологического сопровождения учеников школ, имеющих проблемы с дисциплиной и (или) успеваемостью либо переживших некие травмирующие события. Не готовый к серьезному «взрослому» диалогу ребенок, опираясь на сюжеты сказок и мифов, заключенные в них символы, способен легко выразить самые сильные и болезненные переживания.

Особенности теоретических положений аналитической психологии и используемого в юнгианском анализе инструментария делают их не слишком удобным средством интерпретации и последующего нивелирования преступного поведения. Вместе с тем, дополняя иные, более привычные методы психодиагностики и терапии, юнгианский анализ способен дать очень важные результаты, возможно, недостижимые другими средствами.

Обращаясь к бессознательной части психики, специалист использует символы и образы, потому что именно они согласно теории К.Г. Юнга являются проводниками, отражающими то, что мы в действительности чувствуем, а значит, и то, что потенциально можем проанализировать и осознать. На языке символов строится диалог между бессознательным и сознанием. Выстраивая такой диалог, специалист получает уникальную возможность не только находить в нем причины нежелательного поведения человека, но и менять его сознательную установку.

Результаты проведенного исследования проблемы интерпретации (истолкования) преступного поведения, опираясь на положения аналитической психологии К.Г. Юнга, безусловно, интересны и требуют дальнейшего изучения. Вместе с тем уже на данном этапе проработки темы можно сделать ряд выводов.

Теория К.Г. Юнга не имеет должного эмпирического обоснования (проверки), при этом включает теоретические конструкты из других областей знания – мифологии, философии, астрологии, культурологии и др., что не только затрудняет понимание ее положений, но и ограничивает ее использование при решении прикладных задач.

В рамках юнгианского анализа возможен диалог бессознательными компонентами человеческой психики на максимально неискаженном языке – языке символов. Это обстоятельство становится наиболее важным в ситуациях, когда диалог необходимо строить с лицами, демонстрирующими признаки девиантного поведения, имеющими различные психические расстройства, либо в иных ситуациях, когда субъект не имеет возможности объяснить (описать) свое состояние или свои действия в рациональных категориях, например в силу возраста.

Эта особенность юнгианского анализа поддерживает интерес к нему и является одним из основных факторов эволюции теории К.Г. Юнга на современном этапе. Особый интерес вызывает возможность применения рассмотренной теории в контексте анализа насильственных преступлений, мотив которых неочевиден, включая массовые или серийные убийства, а также преступлений, отличающихся особой жестокостью.

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М. Возможности архетипических объяснений криминологических явлений / Ю.М. Антонян // Прикладная юридическая психология. – 2007. – № 1. – С. 6-14.
2. Антонян, Ю.М. Основные признаки архетипа / Ю.М. Антонян // Общество и право. – 2007. – № 3(17). – С. 152-158.
3. Ильюк, Е.В. Архетип криминального и виктимного поведения / Е.В. Ильюк // Виктимология. – 2017. – № 2(12). – С. 39-45.
4. Суховерхов, А.В. Негенетические системы наследования и новый эволюционный синтез / А.В. Суховерхов // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 397. – С. 60-64.
5. Тепляшин, П.В. Криминологические особенности личности организованного преступника, совершившего массовые убийства / П.В. Тепляшин, Е.Е. Артюхович, С.С. Зубарева // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 99-102.
6. Юнг, К.Г. Алхимия снов. Четыре Архетипа / К.Г. Юнг ; пер. С. Пантелеев. – М. : Медков С.Б., 2014.
7. Юнг, К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.Г. Юнг ; пер. А.А. Чечина. – М. : АСТ, 2019.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 28 ИЮНЯ 2021 Г. N 231-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ ОРУЖИИ» И ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ON SOME CURRENT PROBLEMS OF REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF CIVILIAN WEAPONS IN THE CONTEXT OF THE ADOPTION OF FEDERAL LAW NO. 231-FZ OF JUNE 28, 2021 "ON AMENDMENTS TO THE FEDERAL LAW" ON WEAPONS "AND CERTAIN LEGISLATIVE ACTS OF THE RUSSIAN FEDERATION"

Торгерсен Александр Сергеевич,

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

fppsib@mail.ru

Ключевые слова:

полиция, правила оборота оружия, утрата оружия, транспортирование оружия, нарушение правил хранения оружия, контроль за оборотом гражданского оружия, административная ответственность, нарушения в сфере оборота оружия.

В статье обозначаются и рассматриваются административно-правовые проблемы регулирования оборота гражданского оружия, сохраняющие актуальность, несмотря на изменения законодательства. Обосновывается необходимость изменения действующего законодательства, в частности Правил оборота гражданского и служебного оружия, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814.

Keywords:

police, rules for the circulation of weapons, loss of weapons, transportation of weapons, violation of the rules for the storage of weapons, control over the circulation of civilian weapons, administrative responsibility, violations in the field of arms trafficking.

The article identifies and examines the administrative and legal problems of regulating the circulation of civilian weapons, which remain relevant despite changes in legislation. The necessity of changing the current legislation, in particular the Rules for the circulation of civil and service weapons, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 814 of July 21, 1998, is justified.

Трагические события 11 мая 2021 г. в Казани всколыхнули общественность и руководство государства, вновь привлекая внимание к праву граждан на владение оружием и нормативно-правовому регулированию в обозначенной сфере. Закономерной реакцией на указанные события было принятие Федерального закона от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Из ключевых моментов можно отметить повышение возраста приобретения гражданского гладкоствольного охотничьего оружия с 18 до 21 года, ограничение на приобретение охотничьего оружия или оружия самообороны с двумя и более стволами или магазином владельцам, впервые приобретающим гладкоствольное длинноствольное оружие, ужесточение требований к лицам, претендующим на получение лицензии на приобретение оружия; также введена обязанность владельца оружия уведомлять полицию или Росгвардию о факте утраты оружия. Необходимость введения указанной обязанности неоднократно отмечалась как нами, так и иными авторами, исследовавшими проблемы правового регулирования в обозначенной сфере [подр.: 1, с. 40; 2, с. 256].

Однако, на наш взгляд, изменения в нормативной правовой базе оборота оружия в Российской Федерации недостаточно затронули еще один важнейший нормативный правовой акт – постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», утверждающее Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (далее – Правила). Анализ возникающих в ходе правоприменительной практики, проблем и указанного нормативного правового акта привел к следующим выводам. Во-первых, в Правилах отсутствуют нормативно-определенные понятия «транспортирование», «перевозка», «ношение», а ст. 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ определяет только «оборот оружия и основных частей огнестрельного оружия как производство оружия, торговля оружием, продажа, передача, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, пере-

возка, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия в Российскую Федерацию и вывоз его из Российской Федерации», не конкретизируя остальные понятия.

Во-вторых, в рамках правоприменительной практики сотрудников органов внутренних дел, в частности сотрудников ДПС ГИБДД, возникает неясность в ситуациях, когда осуществляется транспортировка оружия, по критерию его незаряженности. Пункт 69 Правил предписывает осуществлять транспортирование оружие в разряженном состоянии, отдельно от патронов. На наш взгляд, под разряженным состоянием следует понимать отсутствие патрона в патроннике (барабане), курки должны находиться на предохранительном взводе, оружие должно быть поставлено на предохранитель (при его наличии). Поскольку Правила детально не конкретизируют, где и в каком именно виде должны находиться патроны, на наш взгляд, допустимо транспортирование патронов отдельно от оружия как в упаковке производителя (коробках), так и иным способом (патронташи, кейсы для патронов, специальные карманы в чехлах или кофрах, россыпью в чехле и т.п.). При этом должно соблюдаться требование п. 77 Правил – общее количество транспортируемых гражданином патронов не должно превышать 1000 штук, а количество оружия – 5 единиц.

В-третьих, еще одной проблемой, возникающей в рамках правоприменительной практики, является утрата оружия при его транспортировании, в том числе водным транспортом (например, маломерными судами). Как уже отмечалось, отечественный законодатель не дает нормативного определения понятию «транспортирование». Толковый словарь Ожегова под словом «транспортировать» подразумевает «перевезти (возить) из одного места в другое»¹. Пункт 13 Правил пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации, утвержденных приказом МЧС России от 6 июля 2020 г. № 487, не вводит каких-либо ограничений или запретов в части транспортирования оружия и патронов к нему. Таким образом, можно сделать вывод о том, что транспортирование может осуществляться как автомобильным, так и водным транспортом, в том числе маломерными судами. Суть проблемы вытекает из отсутствия нормативно закреплённой в Правилах или Федеральном законе «Об оружии» императивной обязанности обеспечивать сохранность оружия и патронов к нему как при транспортировании (п.п. 66, 77 Правил оборота оружия), так и при ношении (п.п. 62-64 Правил оборота оружия). Формально владелец оружия обязан обеспечивать условия сохранности оружия и патронов к нему, безопасности хранения и исключения доступа к ним посторонних лиц только по месту жительства, а условия, исключающие доступ посторонних лиц, – по месту пребывания. Иными словами, в случае уничтожения оружия, находящегося в сей-

1 URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32161> (дата обращения: 01.08.2021).

фе гостиничного номера или домика на охотничьей базе в результате пожара, владелец не может быть привлечен к административной ответственности по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ ввиду отсутствия нормативной обязанности обеспечения сохранности оружия при его транспортировании, в том числе и при помощи маломерных судов, а в случае утраты оружия в рамках действующей нормативной правовой базы владелец также не может быть привлечен по ч. 2 ст. 20.12 КоАП РФ. Кроме того, на наш взгляд, оружие, в первую очередь охотничье, является предметом, эксплуатируемым зачастую в экстремальных условиях, когда имеют место случаи потопления или опрокидывания маломерных судов, при которых возникает угроза жизни и здоровью самого владельца, поэтому сохранность оружия в указанной ситуации невозможна. На наш взгляд, адекватным решением сложившейся ситуации будет введение в ст. 20.8 КоАП РФ ч. 4.6 следующего содержания: «неисполнение лицом, владеющим им на законном основании, обязанности сообщения в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере оборота оружия, или его территориальный орган о факте утраты или хищения оружия, а равно несвоевременное сообщение о факте утраты или хищения оружия».

В случае установления в ходе проверки обстоятельств утраты оружия (на примере утопления), фактов нахождения владельца на плавательном средстве (в т.ч. маломерном судне) с включенным двигателем в охотничьих угодьях с охотничьим оружием в расчехленном состоянии, равно со снаряженным магазином (барабаном) и (или) имеющим патрон в патроннике, указанные действия необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ, так указанные действия нарушают п. 62.15 Правил охоты, утвержденных приказом Минприроды России от 24 июля 2020 г. № 477.

Устранение вышеуказанных противоречий и изменение правоприменительной практики с учетом анализа рассмотренных нами проблем и предложенных вариантов решения позволит повысить эффективность реализации средств административно-правового воздействия в обозначенной сфере.

Библиографический список

1. Торгерсен, А.С. О некоторых актуальных вопросах участия участковых уполномоченных полиции в мероприятиях по контролю за оборотом оружия в контексте изменений отечественного законодательства / А.С. Торгерсен // Научный компонент. – 2021. – № 1(9). – С. 35-41.
2. Шишкин, П.Е. О некоторых актуальных вопросах административной ответственности в сфере оборота гражданского оружия / П.Е. Шишкин // NovaUM. – 2018. – № 15. – С. 252-257.

**ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ
ЧЕРЕЗ КЛАССИФИКАЦИЮ ПРАВ И СВОБОД**

**THE RIGHT TO EDUCATION OF EMPLOYEES OF INTERNAL
AFFAIRS BODIES: TO UNDERSTAND THE ESSENCE
THROUGH THE CLASSIFICATION OF RIGHTS AND FREEDOMS**

Пунтус Сергей Александрович,

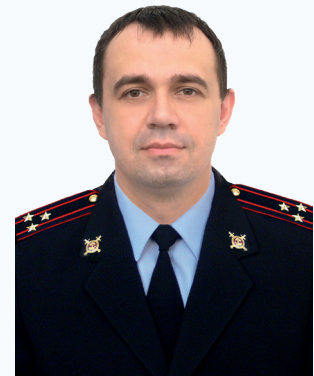
начальник учебного отдела

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск),

кандидат юридических наук, доцент

puntus_sergey@mail.ru

Ключевые слова:

право на образование, сотрудники органов внутренних дел, классификация прав и свобод, комплексное право, универсальное право.

Статья посвящена описанию основных признаков права на образование сотрудников органов внутренних дел. Для определения сущности данного права используются принятые в юридической науке (теория государства и права, а также конституционное право) подходы к классификации прав и свобод. Использование различных оснований (критериев, признаков) позволяет сформировать представление о современном понимании как права на образование в целом, так и права на образование сотрудников органов внутренних дел в частности. Предлагается введение новой разновидности прав и свобод по содержанию – универсальное (комплексное) право (свобода). Делается вывод об отнесении права на образование сотрудников органов внутренних дел к числу универсальных (комплексных) прав и свобод.

Keywords:

the right to education, employees of internal affairs bodies, classification of rights and freedoms, complex law, universal law.

The article is devoted to the description of the main features of the right to education of employees of internal affairs bodies. To determine the essence of this right, the approaches to the classification of rights and freedoms adopted in legal science (the theory of state and law, as well as constitutional law) are used. The use of various grounds (criteria, signs) allows us to form an idea of the modern understanding of both the right to education in general and the right to education of employees of internal affairs bodies in particular. It is proposed to introduce a new type of rights and freedoms in terms of content – universal (complex) law (freedom). The conclusion is made about the attribution of the right to education of employees of internal affairs bodies to the number of universal (complex) rights and freedoms.

Для лучшего уяснения сущности любого явления научная мысль использует классификацию – деление категорий (понятий и т.п.) на множества по различным критериям и признакам (основаниям). Теория конституционного права имеет богатую историю и опыт выделения различных видов, групп прав и свобод. Дифференциация прав и свобод зачастую весьма условна, что связано с нередкой принадлежностью одного и того же права (свободы) к нескольким классификационным группам [подр.: 2, с. 62].

Конституционное право на образование, закрепленное в ст. 43 Конституции Российской Федерации, является одним из фундаментальных в структуре конституционно-правового статуса личности. Содержанию и структуре этого основного права посвящен ряд научных трудов, в том числе и монографического характера.

К сожалению, систематизированных научных изысканий по вопросу реализации права на образование сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации (далее – право на образование сотрудников) до сих пор не создано, несмотря на то, что на научно-представительских мероприятиях все чаще обсуждаются его различные аспекты [подр.: 3, с. 64-67; 4, с. 384-388].

Имея в основе значительный массив международных норм и отраслевого законодательства, право на образование сотрудников выступает сложносоставным правом, включает в себя не только право получить на конкурсной основе высшее или среднее профессиональное образование (далее – ВОиСПО), но также и право на переподготовку и повышение квалификации, академические права и свободы, предусмотренные законодательством об образовании и др. Все эти составляющие требуют глубокого научного осмысления в условиях постоянных процессов трансформации ведомственного образования.

Предлагаемая научная работа направлена на создание представления о сущности и содержании права на образование сотрудников, используя базис в виде разнообразных оснований (критериев) классификации, применяемых при систематизации права и свобод личности. А таковых теория права (включая науку конституционного права) насчитывает значительное количество.

Несмотря на то, что, как мы уже говорили, любая классификация носит условный характер, некая «сепарация» права на образование сотрудников с учетом видовой принадлежности «обычного» конституционного права на образование представляет безусловный интерес.

1. В зависимости от субъекта обладания правом выделяют права человека и права гражданина. Права человека проистекают из естественного права, являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми; принадлежат каждому человеку в силу его биологического происхождения. К таковым относятся право на жизнь, достоинство личности и др. Права гражданина являются порождением позитивного права, проистекают из связи между личностью и государством (монархом). Подобное деление прав и свобод зачастую приводит к выделению естественных (принадлежащие человеку в силу факта рождения) и позитивных (предоставляемые государством) прав.

Отнесение конституционного права на образование к вышеназванным видам должно строиться на тезисе о том, что это естественное право, принадлежащее каждому человеку от рождения.

Рассматривая право на образование как процесс обучения и воспитания, невозможно не признать, что с рождения человека начинается его развитие как личности, в ходе которого ребенок обучается определенным навыкам, подвергается воспитанию в сообществе людей. И все эти процессы неизбежны, не могут зависеть от волеизъявления государства, невозможно предоставить данное право исключительно гражданам (подданным) государства (монарха). Следовательно, право на образование относится к категории прав человека и является естественным правом.

В подтверждение сказанного хочется обратить внимание на позицию отечественного законодателя, имевшую место в предыдущем законодательстве об образовании. Преамбула Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» определяла, что «право на образование является одним из основных и неотъемлемых конституционных прав граждан Российской Федерации».

При попытке подвергнуть классификации по рассматриваемому основанию право на образование сотрудника мы неизбежно должны учитывать, что обязательным требованием к сотруднику выступает наличие гражданства Российской Федерации, а возникновение его образовательных прав осуществляется в силу его особого статуса, основанного на специализированных пра-

вовых нормах. Следовательно, право на образование сотрудника выступает позитивным правом и более тяготеет к правам гражданина, нежели к правам человека.

2. По форме осуществления права и свободы делятся на индивидуальные и коллективные. Индивидуальные права осуществляются каждым человеком самостоятельно, в то время как коллективные – лишь при участии иных членов общества.

Несмотря на то что в реализации рассматриваемого права участвует широкий круг участников образовательных правоотношений, конституционное право на образование есть индивидуальное право. Этот факт фиксирует Конституция Российской Федерации, устанавливая такую форму реализации конституционного права на образование, как самообразование (ч. 5 ст. 43 Конституции РФ). Исходя из этого, мы должны признавать право на образование сотрудника в качестве индивидуального права. Несмотря на то что некоторые аспекты коллективной сущности у анализируемого права присутствуют, например направление на обучение сотрудника соответствующим комплексу органом, обязанность работодателя направлять сотрудника на повышение квалификации и др.

3. По степени абсолютизации выделяют абсолютные права (абсолютно основные, исходные, фундаментальные, незыблемые, обладающие полным и абсолютным иммунитетом) и относительные (относительно основные). Абсолютные (от лат. *absolutus* – «безусловный, неограниченный») права не подлежат ограничению ни при каких условиях. Для относительных прав существуют законные основания их ограничения.

Руководствуясь ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, мы констатируем, что конституционное право на образование является относительным правом, которое может быть ограничено. При этом степень его ограничения, условия и правовая форма определяются ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Право на образование сотрудника, так же как и конституционное право на образование, выступает относительным правом.

4. Права можно различать по времени возникновения. Так появилось понятие «поколения прав человека». Первым поколением признаются те традиционные либеральные ценности, которые были сформулированы в процессе осуществления буржуазных революций, а затем конкретизированы в законодательстве демократических государств, – право на свободу мысли, совести, религии и др. Второе поколение прав человека возникало со второй волной кон-

ституций. В эту группу прав входят социальные, экономические и культурные права. В период после Второй мировой войны стало формироваться третье поколение прав человека. Некоторые авторы называют их правами народов: право на мир, на здоровую окружающую среду и др. Зачастую такие права являются коллективными.

В современных теориях прав человека наблюдается тенденция относить к новому поколению такие права, которые конкретизируют индивидуальные права первых двух поколений (право на отличие, право на тишину и покой, и др.), а также ряд коллективных прав (право на солидарность и на общение). Имеют место точки зрения о выделении пятого и даже шестого поколений прав, предполагающие усиление правовой защищенности личности.

Некоторые авторы утверждают, что право на образование имеет отношение к первым трем поколениям. Обосновывается такая позиция тем, что: во-первых, данное право традиционно относится ко второму поколению; во-вторых, оно, как и большинство прав первого поколения, принадлежит человеку от рождения и является неотъемлемым и не подлежащим ограничению; в-третьих, реализация права на образование позволяет воплотить в жизнь права третьего поколения, которое охватывает солидарные и коллективные права, принадлежащие не столько личности, сколько объединениям индивидов [1, с. 14].

С заявленной точкой зрения сложно не согласиться, учитывая естественный характер права на образование и его связь с иными правами (как права третьего поколения). Возражения о том, что право на образование отсутствует в тексте «первой» конституции (Конституции США 1787 г.), вряд ли следует признавать обоснованными в силу специфики американского федерализма (регулирование права на образование относится к компетенции штатов по остаточному принципу).

Кроме того, некоторые конституции первого поколения уже упоминают о праве на образование. Так, Конституция Франции 1791 г. определяла, что будет обеспечено и организовано народное образование, общее для всех граждан, бесплатное в части, необходимой для всех людей (раздел первый «Основные положения, обеспеченные конституцией»). О всеобщем образовании говорилось и в Конституции Франции 1793 г. (ст. 122). А Конституция Польши 1791 г. хоть и не упоминала про образовательное право каждого, но включала в себя самостоятельный раздел о воспитании королевских детей, в котором имеет место быть прообраз системы образования, предполагающий в том числе систему образовательных предметов.

Право на образование сотрудников невозможно относить к правам первых трех поколений по аналогии с конституционным правом на образование. Скорее всего, данное право следует включать в права последнего поколения,

так как по своей сути исследуемое право конкретизирует «обычное» право на образование.

5. Классифицировать права и свободы, а равно и обязанности, можно на основные и дополнительные. Последние производны от первых и конкретизируют их. Например, право участвовать в управлении государством – основное право, а избирательные права производны от него, суть одно из его проявлений.

Полагаем, что конституционное право на образование необходимо относить к числу основных прав. Такая позиция может быть обоснована тем, что на его основе возникает ряд иных прав и свобод, которые можно назвать «образовательные права»: право на благоприятные условия обучения, право на выбор формы получения образования и многие иные, в первую очередь, академические права.

Учитывая сложную структуру права на образование сотрудников, полагаем, что его следует относить к числу основных прав (по аналогии с конституционным правом на образование).

6. Наибольшее значение имеет традиционная классификация прав и свобод по содержанию: личные (гражданские), политические, социальные, экономические, духовно-культурные (культурные), экологические.

Несмотря на то что данная классификация признается основной в теории прав человека и выступает определяющей для видообразования по иным критериям, в отношении права на образование у исследователей до сих пор нет единого мнения. Встречающиеся подходы даже классифицируют рассматриваемое право по содержанию на сложносоставные виды.

Право на образование признают: социальным правом (Е.В. Нелюбина, М.В. Смирнова и др.), культурным правом (Я.А. Бороздина, С.А. Комаров и др.), социально-экономическим и социально-культурным (Ю.А. Дмитриев). Встречается даже отнесение его к числу абсолютных социально-трудовых прав (С.В. Степанов). И это далеко не полный перечень, в котором наиболее популярной является позиция о признании права на образование социально-экономическим правом.

Такой подход, конечно, является «удобным». Сложно противостоять факту, что содержание, гарантированность и в целом конституционно-правовая регламентация права на образование зависят от социально-экономического развития государства.

Гораздо «сложнее» доказывать, что право на образование есть исключительно социальное право, так как связано с социализацией личности, основано на социалистических идеях и определяет социальный статус человека. Экономическую сущность права на образование можно аргументировать тем, что оно позволяет человеку реализовать свои трудовые функции, обеспечи-

вает «экономические потребности» государства в специалистах соответствующего уровня и т.д. Полагаю, что в современном мире невозможно отрицать экономический или социальный компонент права на образование – достаточно сопоставить образовательный фактор с экономическим и научно-техническим развитием государств, социализацией инвалидов и иных категорий лиц.

Такое положение вещей приводит к развитию представления права на образование и как культурного права, что обусловлено фундаментальностью образования для духовного развития личности. Невозможна реализация культурных прав, предусмотренных, например ст. 44 Конституции РФ, без соответствующего уровня образования (воспитания).

Право на образование – обязательное условие (и предпосылка) для приобретения и реализации политических и экологических прав: управление делами государства или получение достоверной информации о состоянии окружающей среды тесно связаны с образовательными навыками человека. Аналогичная связь имеет место быть у права на образование и с личными правами (ярким примером выступает прямая связь образования и достоинства личности (его внутренней составляющей)).

Но это все теоретические изыскания, которые могут быть «разбиты» существующими правовыми нормами. Например, Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» включает ст. 19 «Право на образование и права в области культуры», в которой установлено, что военнослужащие не только имеют право на образование, но и наравне с другими гражданами обладают правами и свободами в области культуры. То есть мы видим четкую разделительную черту между правом на образование и культурными правами, и, если следовать логике законодателя, право на образование не относится к категории культурных прав.

Полагаем, что для классификации права на свободу по признаку содержания требуется ввести новый вид – универсальное (комплексное) право. Такая разновидность предполагает, что классифицируемое право включает в себя признаки всех «традиционных» видов прав и свобод – личных (гражданских), политических, социальных, экономических, культурных, экологических.

Исходя из вышесказанного, также требуется признать право на образование сотрудников универсальным (комплексным) правом. Ведь, бесспорно, признание данного права личным (гражданским) и социально-экономическим (достаточно на чашу весов поставить довод о том, что повышение образовательного уровня способствует замещению сотрудником вышестоящей должности, получению более высокого специального звания и т.д.). Но ведь и невозможно отрицать, что в ходе реализации права на образование сотрудник повышает свой духовный и культурный уровень (программы воспитания, содержащие духовно-нравственное и культурно-творческое направление, присутствуют в

любой образовательной программе ВОиСПО, реализуемой в образовательных организациях МВД России), политическую грамотность, подвергается патриотическому и экологическому воспитанию (вышеназванные программы воспитания содержат такие направления воспитательной работы, как гражданское, патриотическое и экологическое воспитание).

7. Для классификации прав и свобод могут использоваться и иные критерии. Так, за основу допустимо взять способы конституционного формирования прав и свобод – позитивный и негативный, в результате которого выделяются одноименные права (свободы). Так как позитивный способ устанавливает, что субъект обладает определенным правом, а негативный представляет собой конституционное запрещение любому субъекту нарушать или ограничивать определенное право или определенную свободу, то формула, изложенная в ч. 1 ст. 43 Конституции РФ, определяет конституционное право на образование как разновидность позитивного права. С учетом содержания и законодательной формулы права на образование сотрудников исследуемое право также является позитивным.

На основании проведенного исследования мы полагаем, что право на образование сотрудника выступает универсальным (комплексным) правом гражданина, имеющим позитивный, относительный, индивидуальный и позитивный характер.

Библиографический список

1. Ожиганова, М.В. К определению понятий права на образование и свободы образования / М.В. Ожиганова, А.В. Козуля // Право и образование. – 2009. – № 12. – С. 13-17.
2. Пунтус, С.А. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть : курс лекций / С.А. Пунтус. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009. – 246 с.
3. Пунтус, С.А. Прием на обучение в образовательные организации МВД России: проблемы конкурсного отбора в системе ведомственного образования / С.А. Пунтус // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы XXVI Всероссийской научно-методической конференции (г. Иркутск, 25-26 февраля 2021 г.). – Иркутск : ВСИ МВД России, 2021. – С. 64-67.
4. Пунтус, С.А. Реализация права на образование сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации: к вопросу о подготовке кадров в образовательных организациях МВД России / С.А. Пунтус // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 30 октября 2020 г.). – СПб. : СПбУ МВД России, 2020. – С. 384-388.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

**THE USE OF DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES
IN THE PROCESS OF TEACHING FIRETRAINING
IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Васильева Татьяна Борисовна,

преподаватель кафедры огневой подготовки

Сибирского юридического института МВД России

(г. Красноярск)

vasilevatatyana1511@gmail.com

Ключевые слова:

дистанционные образовательные технологии, электронное обучение, основные виды учебной деятельности, информационные образовательные ресурсы, схемы дистанционного обучения, программно-аппаратная инфраструктура, профессиональная подготовка, профессиональная деятельность, образовательный процесс.

В статье рассматривается практическое применение и внедрение дистанционных образовательных технологий в процесс обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Приведены мнения различных исследователей, а также опыт использования дистанционных образовательных технологий в системе МВД России при освоении практических дисциплин, в частности дисциплины «Огневая подготовка».

Keywords:

distance learning technologies, e-learning, main types of educational activity, information educational resources, scheme of remote training, hardware-software infrastructure, professional training, professional activity, educational process.

The article discusses the practical application and implementation of distance educational technologies in the process of teaching cadets in educational organizations of the Interior Ministry of Russia. The opinions of various researchers as well as the experience of using distance educational technologies in particular discipline «Fire training».

Под дистанционными образовательными технологиями согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников.

По мнению старшего преподавателя Михайловской военной артиллерийской академии С.А. Орлова, зачастую «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии» воспринимаются как синонимичные и взаимозаменяемые категории. Однако, с точки зрения закона об образовании, электронное обучение подразумевает использование информации, содержащейся в базах данных, а также применение информационных технологий и сетей для ее обработки и передачи между обучающимися и преподавателями. В реализации же дистанционных образовательных технологий ключевую роль играют компьютер и сетевая инфраструктура, но в первом случае – это инструменты личного (непосредственного) взаимодействия преподавателя и обучающегося, а во втором – удаленного [7].

Проблема совершенствования процесса освоения дисциплины «Огневая подготовка» с использованием дистанционных образовательных технологий в образовательных организациях системы МВД России рассматривается с различных точек зрения. В качестве проблем, затрагивающих организацию самостоятельной работы обучающихся, выделяются: отсутствие непосредственного «живого» общения с преподавателем, отсутствие возможности самостоятельно (вне тира) осваивать умения и навыки по прикладным дисциплинам, в частности по дисциплине «Огневая подготовка» [5].

В современных условиях развития системы образования повышение информационной компетентности может осуществляться при помощи дистанционных образовательных технологий:

- проведение семинарских занятий онлайн, когда у обучающегося есть возможность задать вопросы преподавателю здесь и сейчас и сразу же получить ответ, а у преподавателя, в свою очередь, есть возможность, пусть и через экран монитора, но все-таки наглядно показать технику выполнения тех или иных элементов техники стрельбы, нормативов, разобрать возможные ошибки;

- проведение семинарских занятий оффлайн, во время которых у обучающегося есть возможность не только изучить лекционный материал по теме, но и посмотреть презентации, видеосюжеты, проверить свои знания, решив тест, а также представить преподавателю письменные ответы на задания [4].

Как указывают сотрудники Восточно-Сибирского института МВД России А.В. Желтобрюх, В.М. Дакуева, А.А. Сошин и Д.В. Ковалев, система дистанционных образовательных технологий «Moodle» отводит значительное количе-

ство академических часов именно на выполнение самостоятельной работы, в связи с чем необходимо предусматривать получение допуска к промежуточной и итоговой аттестации всеми обучающимися автоматически, а также учитывать правильное прохождение учебных дисциплин согласно графику последовательности [3].

Кроме того, вышеуказанные исследователи определяют следующие недостатки при реализации системы дистанционного обучения:

- невозможность изменения содержания методических материалов при использовании инструмента «файл»;
- положением о нормировании не предусмотрена и, как следствие, не учитывается при подсчете нагрузки работа, связанная с наполнением «Moodle» учебно-методическими материалами;
- приобретение практических навыков по прикладным дисциплинам, таким как «Огневая подготовка», «Физическая подготовка», «Тактико-специальная подготовка», невозможно за то количество часов, которое отведено программой для изучения при помощи дистанционных образовательных технологий [3].

В своей статье заместитель начальника кафедры Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя Л.Я. Смирнова и старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации А.М. Шамаев указывают на то, что по дисциплинам «Огневая подготовка», «Физическая подготовка», «Тактико-специальная подготовка» при помощи дистанционных образовательных технологий невозможно реализовать занятия, целью которых является отработка действий сотрудников в составе группы или подразделения, невозможно провести учения и отработать выполнение оперативно-боевых задач в особых условиях, не говоря уже об отсутствии оружия и боеприпасов [9].

По мнению доктора педагогических наук, профессора Тюменского института повышения квалификации МВД России Н.В. Астафьева, система программ «MyTestXPro» может быть использована как дистанционная образовательная технология с целью тестирования и проверки знаний обучающихся. Достоинствами данной программы являются: возможность использования различных форматов (тест, задание, изображение, звук) в одном файле и форматирование файлов, не выходя из программы [1].

Как указывает профессор кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России кандидат педагогических наук, доцент Т.С. Купавцев, достоинствами применения дистанционных образовательных технологий в учебно-воспитательном процессе высшей школы являются возможность проходить обучение и осваивать программы в удобное для об-

учающегося время, с любого устройства (персональный компьютер, планшет, мобильный телефон) и в той последовательности, которая необходима, интересна и понятно конкретному обучающемуся [6].

Нельзя не отметить, что достоинства дистанционного обучения далеко не всегда актуальны и применимы при освоении практических дисциплин, к которым и относится огневая подготовка. Необходимость развития двигательных умений и навыков, а также специфических физических качеств является первостепенной задачей в обучении безопасному и эффективному обращению с боевым ручным стрелковым оружием. Интерактивные методики и мультимедийные технологии в практических дисциплинах могут служить лишь дополнением к теоретической подготовке [8].

В.С. Дунин, Е.А. Клейменов, Е.В. Чепиков указывают на то, что в Дальневосточном юридическом институте МВД России по результатам опроса профессорско-преподавательского состава института, а также курсантов и слушателей института выделены следующие недостатки дистанционного обучения:

- трудности педагогического и методического плана, в частности невозможность дистанционного освоения дисциплин, связанных с формированием двигательного навыка, например таких, как огневая подготовка, физическая подготовка, результатом чего является снижение качества обучения;

- сложности организационно-технического характера (отсутствие четких формализованных методик разработки учебного материала, критериев (гранниц) оценок за тесты; рост временных затрат преподавателя на подготовку и оформление занятий [2]).

В Сибирском юридическом институте МВД России успешно функционируют электронная информационно-образовательная среда (далее – ЭИОС) и система автоматизации учебного процесса «Апекс-ВУЗ» (далее – «Апекс-ВУЗ»). Для ЭИОС разработаны два сайта (отдельно для курсантов и для слушателей факультета профессиональной подготовки). Поскольку и преподаватели, и обучающиеся уже не первый год используют для работы и обучения указанные платформы, взаимодействие является привычным, продуктивным, а переход с очного обучения на дистанционный формат и обратно осуществляется в рабочем порядке.

Электронная библиотека Сибирского юридического института МВД России позволяет эффективно использовать электронные учебные и методические издания. В настоящее время учебно-методические материалы сразу разрабатываются не только в печатном варианте для очного обучения, но и в форматах, позволяющих быстро выгрузить их в сеть ЭИОС. Кроме того, преподаватели успешно применяют различные формы дистанционных образовательных технологий: тестирование, online-семинары, видеоконференции, просмотр видео-

сюжетов и выполнение заданий по ним. Также рассматривается вопрос о внедрении автоматизированных обучающих комплексов и тренажерных систем (по определению средней точки попадания по нескольким пробоинам, порядку приведения оружия к нормальному бою, изучению работы частей и механизмов оружия и др.).

На наш взгляд, имеет смысл разрабатывать электронные учебные пособия, которые позволят быстро искать необходимую информацию в тексте. Представляется, что текст будет оснащен гиперссылками, взаимными ссылками на различные главы пособия, а также интерактивными мультимедийными иллюстрациями, что позволит удержать внимание обучающихся и повысить их успеваемость.

Использование электронных учебных пособий позволит в скором времени сформировать положительные результаты обучения – знания и умения по дисциплине. Для формирования навыков и опыта обучающихся в стрельбе в качестве альтернативы возможно использование компьютерного тира или полигона, что является вопросом материально-технической оснащенности конкретных образовательных организаций. Вероятно, что использование обучающих тренажеров, установленных на персональных компьютерах, могло бы частично решить педагогические задачи на современном этапе.

Библиографический список

1. Астафьев, Н.В. Самостоятельная подготовка сотрудников органов внутренних дел по теоретическому разделу огневой подготовки с использованием специальных компьютерных программ / Н.В. Астафьев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 1(36). – С. 111-115.
2. Дунин, В.С. Обучение в образовательной организации МВД России с использованием дистанционных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / В.С. Дунин, Е.А. Клейменов, Е.В. Чепиков // Человек. Общество. Инклюзия. – 2020. – № 2(42). – С. 28-40.
3. Использование в учебном процессе системы дистанционного обучения «Moodle» при реализации программ профессионального обучения / А.В. Желтобрюх [и др.] // Педагогика. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 3(7). – С. 39-41.
4. Каньшин, А.Е. Сетевые формы реализации образовательных программ с использованием дистанционных образовательных технологий / А.Е. Каньшин // Наука и социум : материалы XVI Всероссийской научно-практической кон-

ференции (2021). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-formy-realizatsii-obrazovatelnyh-programm-s-ispolzovaniem-dstantsionnyh-obrazovatelnyh-tehnologiy> (дата обращения: 09.08.2021).

5. Коник, А.А. Анализ эффективности обучения с применением дистанционных образовательных технологий / А. А. Коник, В.Е. Дыбов, В.Ю. Муханов [и др.] // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2021. – № 4. – С. 34-41. – DOI 10.24412/2305-8404-2021-4-34-41.

6. Купавцев, Т.С. Актуальные проблемы реализации дистанционных образовательных технологий в процессе преподавания «Огневой подготовки» в Барнаульском юридическом институте МВД России / Т.С. Купавцев // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. – 2010. – № 15. – С. 21-23.

7. Орлов, С.А. Дистанционное обучение методическое обеспечение занятий в условиях новых вызовов / С.А. Орлов // Вестник военного образования. – 2021. – № 2(29). – С. 83-87.

8. Планкин, К.В. Сложности и перспективы реализации дистанционной формы обучения в образовательных организациях МВД России в условиях пандемии COVID-19 / К.В. Планкин // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 5. – № 2(10). – С. 211-215.

9. Смирнова, Л.Я. Дистанционная форма профессиональной подготовки (обучения) слушателей, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел / Л.Я. Смирнова, А.М. Шамаев // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67-2. – С. 214-217.

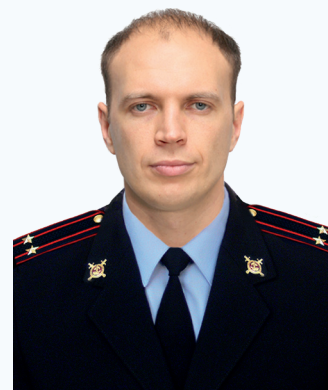
**ПОСТРОЕНИЕ ПРОЦЕССА ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
ЮНЫХ ДЗЮДОИСТОВ НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ СИЛОВЫХ ТРЕНИРОВОК**

**CONSTRUCTION OF THE PROCESS
OF PHYSICAL TRAINING OF YOUNG JUDOISTS
ON THE BASIS OF MODERN DIRECTIONS OF STRENGTH TRAINING**

Мешеряков Виктор Сергеевич,

*преподаватель кафедры физической подготовки
Сибирского юридического института
МВД России (г. Красноярск)*

mvs777.07@mail.ru

Ключевые слова:

физическая подготовка, силовой тренинг, развитие физических качеств, юные спортсмены, дзюдо.

Доказано, что специальная физическая подготовка спортсменов должна базироваться на развитии силовых способностей. Эффективность системы физической подготовки юных спортсменов зависит от ее соответствия современным тенденциям развития того или иного вида спорта. Автором изучены современные направления силовых тренировок и выявлены те, которые наиболее отвечают современным требованиям к уровню физической подготовки юных дзюдоистов. Автор приходит к выводу, что для одновременного развития физических качеств, которые не критично, но оказывают некоторое отрицательное влияние друг на друга, тренировочный процесс должен строиться на основе конкурирующей модели тренировки.

Keywords:

physical training, strength training, development of physical qualities, young athletes, judo.

It is proved that special physical training of athletes should be based on the development of strength abilities. The effectiveness of the system of physical training of young athletes depends on its compliance with modern trends in the development of the sport. The purpose of the research is to study the modern directions of strength training and to identify the most appropriate modern requirements for the level of physical training of young judoists. In the course of research work, it was revealed that for the simultaneous development of physical qualities that are not critical, but have some negative impact on each other, the training process should be based on a competing training model.

Анализ научной литературы показал, что в спортивных единоборствах требуется комплексное проявление силовых способностей [подр.: 1; 4; 12; 13; 16; 21]. Например, чтобы удержать соперника в партере требуется абсолютная сила, это качество также нужно в борьбе лежа и для ухода из опасного положения. Кроме того, при удержаниях противника важна способность к длительным мышечным напряжениям (статическая выносливость). Для быстрого выполнения броска или удара единоборцу необходим высокий уровень развития взрывной силы. Время поединка и схватки требует высокого уровня силовой выносливости.

Ю.В. Верхошанским установлено, что специальная физическая подготовка спортсмена должна основываться на принципе динамического соответствия, когда структура силового упражнения должна быть схожа с соревновательным упражнением. Кроме того, ученый отметил, что средства и методы силовой тренировки должны быть адекватны режиму работы двигательного аппарата в специализируемом упражнении и способствовать его качественному совершенствованию. К специализированным упражнениям Ю.В. Верхошанский относил упражнения, позволяющие укреплять группы мышц, выполняющих основную нагрузку в соревнованиях, развивать механизмы энергообеспечения мышечной деятельности в режимах, схожих с соревновательными [4, 5].

Рассмотрев программы подготовки по дзюдо и самбо в детско-юношеских спортивных школах и федеральные стандарты по видам единоборств, мы выяснили, что для развития силовых способностей у юных борцов применяются упражнения с отягощением весом собственного тела и упражнения с внешними отягощениями, используется гимнастическое оборудование, резиновые амортизаторы, штанга тяжелоатлетическая, гири разного веса, гантели, тренажеры, вес партнера. Педагогическое наблюдение за учебно-тренировочным процессом юных дзюдоистов позволило установить, что упражнения на разви-

тие силы у юных спортсменов зачастую выбираются исходя из личного опыта и предпочтений тренера, его квалификации, упражнения заимствуются из различных видов физкультурно-спортивной деятельности, в основе которых лежат силовые тренировки.

В рамках проводимого нами исследования объектом являлся учебно-тренировочный процесс юных дзюдоистов 15-16 лет, а целью – изучение современных направлений силовых тренировок, выявление направления силового тренинга, наиболее отвечающего современным требованиям к уровню физической подготовки дзюдоистов 15-16-летнего возраста.

В словаре И.С. Ожегова понятие «тренинг» в широком смысле – это любая система тренировок с целью совершенствования в различных областях жизни, а также для снятия какого-либо отрицательного воздействия. В узком смысле – это специальный тренировочный режим, тренировка. Целью силового тренинга является максимальное развитие силовых способностей индивида [15].

Для изучения возможности использования силовых упражнений, наиболее отвечающих требованиям физической подготовки дзюдоистов 15-16-летнего возраста, нами рассматривались современные направления силовых тренировок. Анализ научных статей показал, что к этим направлениям относятся: бодибилдинг, пауэрлифтинг (силовое троеборье), калистеника, гиревой спорт [2; 9; 10; 24]. Также рассматривались виды физкультурно-спортивной деятельности, в основе которых лежат гибридные (комплексные) тренировки (например, кроссфит).

Бодибилдинг – система силовых упражнений, направленных на увеличение мышечных объемов, максимальную проработку мышц для формирования рельефной мускулатуры. Целью является построение гармонично развитого тела с пропорциональной, но гипертрофированной мускулатурой. К достижению цели приводят упражнения для наращивания объемов мышц, после чего применяются упражнения для построения рельефа. Существует огромное количество методик тренировочного процесса, основанных на принципах, разработанных Д. Вейдером [3]. Средствами подготовки спортсменов являются практически все существующие силовые упражнения с использованием как веса собственного тела, так и веса внешних отягощений. Применяются так называемые «свободные веса» (штанги, гантели, гири) и упражнения на тренажерах. Одним из главных факторов, влияющих на результативность в бодибилдинге, является питание. Соревнования проводятся с целью выявления наиболее гармонично сложенного атлета. Победитель определяется методом экспертной оценки. Состязания проводятся как среди мужчин, так и среди женщин.

Пауэрлифтинг. Как считает Л. Симмонс, данная система физических упражнений позволяет развивать абсолютную силу мышц [25]. Целью пауэрлифтинга

является достижение максимального результата в сумме трех соревновательных упражнений – приседание со штангой на плечах, жим штанги лежа, становая тяга. Приседания со штангой на плечах, жим штанги лежа, становая тяга относятся к базовым силовым упражнениям, относительно просты в исполнении и применяются как для развития силовых способностей, так и для набора мышечной массы. Кроме того, при подготовке пауэрлифтеров для развития силы может использоваться широкий спектр упражнений, которые делятся на соревновательные, специально-вспомогательные и дополнительно-развивающие. Основным методом тренировки – повторный. Соревнования проводятся в троеборье (результат определяется по сумме килограммов, поднятых в трех упражнениях) и в отдельных упражнениях (например, жим штанги лежа, приседание или становая тяга). Состязания проводятся отдельно среди мужчин и женщин. В пауэрлифтинге существует большое количество федераций, каждая из которых проводит соревнования разных уровней, но самые значимые соревнования – чемпионат мира.

Калистеника – направление силовых тренировок, включающее относительно простые упражнения, выполняемые с весом собственного тела. Целью этого направления силовых тренировок, как указал А. Кавадло, является развитие силовых способностей, чувства баланса, гибкости и координации, повышение уровня общей физической подготовленности и, как следствие, улучшение телосложения занимающихся [23]. Данная система тренировок по своей сути является силовой гимнастикой. В содержание тренировок входят различные варианты подтягиваний на перекладине, висов и упоров, сгибаний-разгибаний рук в упоре лежа, на брусьях, в стойке на руках, упражнений для развития мышц живота и спины, приседаний как на двух ногах, так и на одной ноге. Несмотря на использование упражнений с весом своего тела, занимающиеся по этой системе для достижения большего эффекта могут применять в своей подготовке утяжелители (жилеты, пояса, дополнительные отягощения) [9].

Тренировочный процесс в калистенике строится на принципе постепенного наращивания развивающе-тренирующих воздействий или прогрессирующего воздействия, суть этого принципа подробно раскрыта в работах именитых ученых [подр.: 14; 17]. Тренировки в данном направлении предполагают постепенное усложнение упражнений. Например, подтягивание в висе на перекладине, затем подтягивание в висе углом, далее подтягивание на одной руке. Основным методом выполнения упражнений – повторный, тренировочные программы могут включать упражнения, выполняемые круговым способом или методом «до отказа».

Гиревой спорт – система подготовки спортсменов к соревнованиям, включающая упражнения с гирями разного веса. Дополнительными средствами подготовки гиревиков являются кроссовый бег, упражнения со штангой, упражне-

ния на гимнастических снарядах. Цель занятий гиревым спортом – выполнить за определенный лимит времени максимальное для данного спортсмена количество подъемов гирь (гири). Основная особенность гиревого спорта – это продолжительное выполнение силового упражнения с отягощением постоянного веса, что требует не только силы, но и высокого уровня силовой выносливости.

Анализ некоторых работ показал, что гиревой спорт является циклическим видом спорта [6; 18]. В зависимости от темпа и быстроты выполнения движений у спортсмена могут развиваться скоростно-силовые способности, сила, силовая выносливость. К соревновательным упражнениям в гиревом спорте относят толчок по длинному циклу, толчок и рывок. Лимит времени на выполнение упражнения – 10 минут. Допускается, если это оговаривается правилами, увеличение или уменьшение времени, отводимого на выполнение упражнений. Установлено, что в тренировочном процессе гиревиков используется повторный, переменный, интервальный и соревновательный методы [9]. Упражнения с гирями могут выполняться равномерно, с ускорением или замедлением темпа. Ведущими двигательными качествами гиревика являются выносливость, гибкость, сила.

Кроссфит – система общей физической подготовки разнообразная по содержанию, основанная на выполнении комплексов упражнений с максимальной мощностью и высокой интенсивностью, направленная на достижение широкой и всеобщей подготовленности. Основатель данного направления силовых тренировок Г. Глассман считает, что целью кроссфита является размытие границ между силовыми тренировками и тренировками на выносливость, достижение высокого уровня развития всех двигательных качеств и формирование широкого спектра двигательных навыков, которые могут пригодиться при решении различных задач: бытовых, служебных, боевых [8]. Центральную часть системы занимают комплексные тренировки, задачей которых является развитие силы и выносливости. Тренировки по кроссфиту короткие (в среднем меньше получаса, а иногда меньше 15-20 минут). Упражнения выполняются непрерывно, повторно или интервальным методом, находят применение и выполнение упражнений круговым способом. Задачей тренировочного процесса является выполнение за отведенный промежуток времени (например, 7 или 10 минут) как можно большего количества серий упражнений или заданного количества упражнений (серий упражнений) за наименьший промежуток времени. В содержание кроссфита входят упражнения, заимствованные из тяжелой атлетики, гимнастики, акробатики, легкой атлетики, плавания, велосипедного спорта, гребли и спортивных единоборств. Кроме того, в кроссфите в качестве упражнений могут использоваться двигательные действия, заимствованные из трудовой деятельности. Например, переноска тяжестей, удары кувалдой, колка дров, кантовка автомобильных покрышек. Анализ научных

работ показал, что тренировки в кроссфите имеют комплексный характер, являются гибридными, способствуют развитию как мышечной системы, так и систем энергообеспечения двигательной деятельности [9, 11].

К отрицательным сторонам данного направления можно отнести недостаточную научную проработку организации тренировочного процесса. Высокий результат может достигаться в ущерб безопасности техники упражнений, в тренировочном процессе присутствует форсирование подготовки, что может привести к травмам опорно-двигательного аппарата спортсменов. Положительные стороны кроссфита заключаются в том, что в этом направлении силовых тренировок используется большое количество упражнений с весом внешних отягощений и весом собственного тела. Эти упражнения задействуют большое количество моторных единиц, тренировки разнообразные, что не приводит к монотонии тренировочного процесса. В работах многих авторов показано, что кроссфит широко применяется в физической подготовке военных, полицейских, пожарных, а также у занимающихся спортивными и прикладными видами единоборств [7, 11, 20, 24].

Мы считаем, что для построения процесса физической подготовки дзюдоистов 15-16-летнего возраста целесообразнее использовать упражнения, заимствованные из каллистеники (гимнастики), гиревого спорта и кроссфита, потому что эти направления силовых тренировок позволяют развивать все виды силовых способностей, которые необходимы борцу в его соревновательной деятельности. Кроме того, упражнения, заимствованные из указанных направлений силовых тренировок, при грамотном построении учебно-тренировочного процесса позволят развивать необходимые единоборцам механизмы энергообеспечения двигательной деятельности.

Считаем необходимым в процессе подготовки выявлять силовые упражнения, способствующие развитию тех мышц, которые будут содействовать успешной соревновательной деятельности в дзюдо. Эти упражнения должны выполняться в режимах, позволяющих параллельно развивать скоростно-силовые способности (сопряженная модель тренировки), взрывную силу, силовую выносливость и не будут оказывать отрицательного влияния на координационные способности юных борцов.

Для одновременного развития физических качеств, которые не критично, но оказывают некоторое отрицательное влияние друг на друга, тренировочный процесс должен строиться на основе конкурирующей модели тренировки. Например, одновременное развитие выносливости и силы, что вполне успешно, по мнению Р. Фронинга, происходит в таком направлении силовых тренировок, как кроссфит [19]. Одновременное развитие проявлений выносливости и силы подробно изложено в программах гибридных тренировок, научно обо-

снованных, разработанных и изложенных в работах некоторых зарубежных авторов [подр.: 22, 26].

Считаем, что физическая подготовка юных дзюдоистов 15-16-летнего возраста должна выстраиваться на базе упражнений, обладающих высокой степенью положительного переноса, имеющих низкие требования к восстановлению и минимальные требования к двигательным навыкам (не требующие длительного изучения).

Библиографический список

1. Бавыкин, Е.А. Специальная физическая подготовка спортсменов 16-18 лет в смешанных единоборствах : дис. ... канд. пед. наук / Е.А. Бавыкин. – СПб, 2016. – 176 с.
2. Боровская, Д.Н. Современные системы тренировок в фитнесе / Д.Н. Боровская, Н.Е. Суханова // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5. – С. 291-292.
3. Вейдер, Д. Система строительства тела : пер. с англ / Д. Вейдер. – М. : Физкультура и спорт, 1991. – 112 с.
4. Верхошанский, Ю.В. Основы специальной силовой подготовки в спорте / Ю.В. Верхошанский. – М. : Физкультура и спорт, 1970. – 264 с.
5. Верхошанский, Ю.В. Программирование и организация учебно-тренировочного процесса / Ю.В. Верхошанский. – М. : Физкультура и спорт, 1985. – 176 с.
6. Воротынцев, А.И. Гири. Спорт сильных и здоровых / А.И. Воротынцев. – М. : Советский спорт, 2002. – 272 с.
7. Галимова, А.Г. Повышение уровня физической подготовленности курсантов вузов МВД России средствами кроссфита : дис. ... канд. пед. наук / А.Г. Галимова. – Улан-Удэ, 2016. – 193 с.
8. Глассман, Г. Crossfit: руководство к тренировкам / Г. Глассман ; пер. Е. Богачев, И. Карягин. – М., 2009. – 109 с.
9. Глубокий, В.А. Кроссфит в физической подготовке обучающихся в вузе правоохранительных органов / В.А. Глубокий М.В. Глубокая // Дискурс. – 2017. – № 10(12). – С. 6-13.
10. Ефремова, Н.Г. Современные направления силового тренинга / Н.Г. Ефремова, П.В. Солопов // Физическая культура и здоровье: «Виртуаль 24» : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Йошкар-Ола : МарГУ, 2014.
11. Захаров, А.Т. Новый подход к физической подготовке в армии США: «Кроссфит против FM 21-20» / А.Т. Захаров, М.А. Окишев // Актуальные проблемы служебно-прикладной физической подготовки и спорта : материалы

Международной научной конференции, посвященной 105-й годовщине со дня образования Военного института физической культуры. – СПб. : ВИФК, 2014. – Ч. 1. – С. 175-179.

12. Карелин, А.А. Спортивная подготовка борцов высокой квалификации : монография / А.А. Карелин. – Новосибирск : Мангазея, 2002. – 480 с.

13. Кудлай, С.А. Моделирование физической подготовленности борцов-юношей в годичном цикле подготовки : дис. ... канд. пед. наук / С.А. Кудлай. – СПб., 1998. – 162 с.

14. Матвеев, Л.П. Общая теория спорта / Л.П. Матвеев. – М. : Воениздат, 1997. – 304 с.

15. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / И.С. Ожегов; Н.Ю. Шведова. – М. : Мир и образование, 2017. – 1376 с.

16. Савчук, А.Н. Повышение двигательной активности квалифицированных борцов средствами тактико-технических установок / А.Н. Савчук // Теория и практика физической культуры и спорта. – 2007. – № 7. – С. 40-41.

17. Теория и методика физической культуры : учебник / под ред. Ю.Ф. Курамшина. – М. : Советский спорт, 2007. – 464 с.

18. Тихонов, В.Ф. Основы гиревого спорта : обучение двигательным действиям и методы тренировки / В.Ф. Тихонов, А.В. Суховой, Д.В. Леонов [и др.]. – М. : Советский спорт, 2009. – 132 с.

19. Фронинг, Р. Как кроссфит сделал меня самым физически подготовленным человеком Земли / Р. Фронинг ; пер. с англ. А.А. Татаренко. – М. : Эксмо, 2016. – 272 с.

20. Чевычелов, Д.А. Физическая подготовка дзюдоистов с использованием современных направлений физкультурно-спортивной деятельности / Д.А. Чевычелов // Актуальные проблемы развития физической культуры и спорта в современных условиях. – 2016. – № 1. – С. 217-222.

21. Шиян, В.В. Теоретические и методические основы воспитания специальной выносливости высококвалифицированных борцов : дис. ... д-ра пед. наук / В.В. Шиян. – М., 1998. – 224 с.

22. Enamait, R. Never Gimles : An Excuse-Free System For Total Fitness / R. Enamait. – 2006.

23. Kavadlo, A. Pushing the limits! / A. Kavadlo // A Dragon Door Publications. – Inc production, 2013. – 240 p.

24. Osipov, A. The use of functional training – crossfit methods to improve the level of special training of athletes who specialize in combat sambo / A. Osipov // Journal of Physical Education and Sport. – 2017. – № 3. – P. 2013-2018.

25. Simmons, L. Development of special strength / L. Simmons // Powerlifting USA. – 1989. – № 9.

26. Viada, A. The Hybrid Athlete. / Alex Viada & Juggernaut Training. – 2015. – 239 p.

**ПЛАНИРОВАНИЕ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА
ЧЛЕНОВ СБОРНЫХ КОМАНД ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ ПО ЛЫЖНЫМ ГОНКАМ**

**PLANNING OF THE TRAINING PROCESS OF MEMBERS
OF THE NATIONAL TEAMS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
IN CROSS-COUNTRY SKIING**

Филиппович Владимир Александрович,

доцент кафедры физической подготовки

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск),

кандидат педагогических наук

filvov1969@mail.ru

Ключевые слова:

лыжные гонки, лыжники-гонщики, планирование, учебно-тренировочный процесс, учебно-тренировочные сборы, вкатывание, закатывание, курсанты образовательных организаций МВД России.

В статье рассматриваются особенности и методика планирования учебно-тренировочного процесса лыжников-гонщиков сборных команд образовательных организаций МВД России. Анализируются этапы подготовки спортсменов к зимнему соревновательному сезону и после его завершения, а также выбор мест проведения тренировочных сборов.

Keywords:

cross-country skiing, cross-country skiers, planning, training process, training camps, rolling in, rolling out, cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The article discusses the features and methods of planning the training process of skiers-racers of national teams of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The stages of preparation of athletes for the winter competition season and after its completion, as well as the choice of venues for training camps are analyzed.

В большинстве регионов России, где зима продолжительная и снежная, занятия лыжами являются одним из самых доступных и массовых видов физической культуры и спорта. Передвижения на лыжах в условиях равнинной и пересеченной местности с преодолением подъемов различной крутизны вовлекают в работу большие группы мышц и оказывают положительное воздействие на развитие и укрепление функциональных систем организма, в первую очередь сердечно-сосудистую, дыхательную и нервную.

В образовательных организациях МВД России лыжная подготовка (для снежных субъектов страны) предусмотрена Наставлением по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено приказом МВД России от 1 июля 2017 г. № 450) в рамках профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников. Занятия по лыжной подготовке направлены на развитие выносливости, воспитание волевых качеств, закаливание организма, формирование и совершенствование двигательных навыков в передвижении на лыжах.

Помимо прочего, чемпионаты по лыжным гонкам и служебному двоеборью включены в программу Спартакиады МВД России по служебно-прикладным видам спорта. В связи с этим курсанты и слушатели образовательных организаций МВД России, входящие в состав сборных команд по лыжным гонкам, на постоянной основе задействованы в непрерывном учебно-тренировочном процессе.

Подготовка лыжников – это многолетний тренировочный процесс, имеющий цель достижение высоких и стабильных результатов, предполагающий целенаправленную и систематическую подготовку. В системе многолетней подготовки лыжника-гонщика основными принципами и закономерностями являются систематичность, последовательность, постепенность, сознательность и активность, наглядность, повторность и непрерывность, цикличность, единство общей и специальной подготовки.

Тренировочный процесс состоит из взаимосвязанных различных видов подготовки: морально-волевой, психологической, физической, технической, тактической и теоретической. Такое деление на различные виды подготовки необходимо, так как создает возможности для более тщательного подбора средств и методов для решения конкретных задач всего педагогического процесса подготовки спортсменов.

При планировании круглогодичной тренировки наблюдается определенная последовательность и преемственность между различными видами упражнений, применение которых решает задачи общей и специальной физической подготовки. В начале годового тренировочного цикла, как правило, большая часть времени отводится на общую физическую подготовку (далее – ОФП). С приближением зимнего периода соотношение средств меняется в пользу спе-

циальной физической подготовки (далее – СФП). Объем упражнений на этот вид подготовки постепенно увеличивается, но важно от этапа к этапу закреплять и поддерживать на достигнутом уровне навыки, приобретенные при изучении предыдущих разделов подготовки.

Средства одного вида подготовки должны быть органически связаны с последующим видом, при этом важно соблюдать преемственность в развитии и совершенствовании отдельных физических качеств, групп мышц и систем организма. На соотношении средств ОФП и СФП и динамику их изменения в годичном цикле тренировки оказывает влияние уровень квалификация лыжника, его возраст и индивидуальные особенности развития в целом, физические качества и функциональные возможности организма. С возрастом и ростом квалификации объем ОФП постепенно уменьшается, а объем СФП увеличивается.

Лыжные гонки – особый вид лыжного спорта, в котором функциональная подготовленность лыжника-гонщика является важной составляющей успешной соревновательной деятельности. Достичь относительно высоких результатов в лыжных гонках возможно при наличии соответствующей технической, физической, психологической и функциональной подготовки, а также путем преодоления систематических тяжелых тренировок. К тому же лыжник-гонщик быстрее достигнет мастерства и наивысших спортивных достижений при правильном планировании учебно-тренировочного процесса.

Тренировочный процесс в лыжных гонках базируется на общих закономерностях формирования тренированности и становлении физической формы. В лыжных гонках год составляет один большой цикл и делится на три периода: подготовительный, соревновательный и переходный.

Подготовительный период является важнейшим в подготовке лыжника. На протяжении этого этапа закладывается основа подготовки к соревновательному сезону. Для успешного выступления на соревнованиях необходим большой объем нагрузки, приходящийся на развитие физических качеств, повышение функциональной подготовленности, совершенствование техники способов передвижения на лыжах. Подготовительный период у лыжников-гонщиков делится на три этапа: весенне-летний, летне-осенний и осенне-зимний. На каждом из указанных этапов решаются специфические задачи по повышению уровня функциональной готовности, развитию специальных и воспитанию морально-волевых качеств и т.д.

Главный соревновательный период традиционно начинается с нового календарного года и заканчивается весной, в зависимости от географического расположения мест проведения соревнований.

Планируя этапы подготовки спортсменов, особое внимание следует уделить таким компонентам подготовки, как вкатывание на лыжах перед соревновательным сезоном и закатывание на лыжах после его завершения. В период

вкатывания аккумулируются пройденные этапы подготовки круглогодичного цикла, при правильном планировании тренировочного процесса на этапе вкатывания в значительной мере зависит демонстрация достойных спортивных результатов.

Разумеется, что выпадение достаточного количества снега связано с климатическими условиями, географическим местоположением и чаще всего с гористостью местности. В Сибирском федеральном округе, не считая северных районов Красноярского края, где снежный покров ложится уже в конце сентября – начале октября, излюбленные лыжниками со всей России, подходящие для вкатывания места традиционно имеются в Республике Хакасия (пос. Вершина Теи), Алтайском крае (Семинский перевал), Красноярском крае (природный парк Ергаки и пос. Приисковый).

Начало соревновательного сезона по лыжным гонкам планируется во второй половине ноября, в связи с чем лыжники-гонщики стараются выехать на вкатывание уже в октябре. Данный факт вызван той причиной, что нужно адаптироваться и набрать некоторый объем нагрузки низкой и средней интенсивности при катании на лыжах до первых стартов для того, чтобы сформировать определенный фундамент, при котором можно будет выполнять скоростную работу, необходимую для оптимальной готовности к стартам в соревновательном сезоне.

Так как в начале вкатывания спортсмены выполняют большой объем работы на лыжах в условиях среднегорья, что является существенной нагрузкой на сердечно-сосудистую, дыхательную, иммунную и центральную нервную системы организма, следует строго следить за частотой сердечных сокращений, которая не должна в максимальных значениях превышать 150 ударов в минуту. Соответственно, интенсивность передвижения на лыжах завышать не стоит в целях недопущения срыва адаптации организма [1].

Следует отметить, что во второй половине вкатывания на лыжах многие тренеры снижают объем лыжникам и увеличивают интенсивность некоторых тренировок, включив ускорения на различных участках разнообразными методами: повторным, интервальным, переменным и т.д.

Еще одним, на наш взгляд, немаловажным этапом в подготовке лыжников-гонщиков является закатывание на лыжах, которое стоит отнести к завершению соревновательного сезона или к началу переходного периода. Оно проходит чаще всего в апреле и заключается в длительном катании на лыжах при низкой частоте сердечных сокращений. Во время таких тренировок после спортивного соревновательного сезона происходят восстановительные процессы в эндокринной, сердечно-сосудистой и нервной системах организма. Равномерное катание в достаточном объеме закладывает базис для последующего спортивного сезона и способствует более быстрому втягиванию в тре-

нирочную нагрузку весенне-летнего подготовительного периода, а тренировочный процесс проходит эффективней.

Проведенное нами исследование показало, что уже в мае лыжники-гонщики экспериментальной группы, которые практиковали закатывание на лыжах, пробегали кроссовую дистанцию 3000 м с хорошими результатами, в то же время спортсмены контрольной группы, которые не проходили данную подготовку на лыжах, имели более скромные показатели. Также высокий уровень общей выносливости в экспериментальной группе положительно влиял на общую и специальную физическую подготовку. Замечено, что спортсмены из контрольной группы начали приближаться по показателям физической и функциональной подготовленности к занимающимся из экспериментальной группы лишь к середине летнего периода тренировочного процесса. По объективным данным есть основания полагать, что лыжники-гонщики, проводящие закатывание на лыжах, имеют больше шансов прогрессировать к предстоящему соревновательному сезону и отличаться стабильностью результатов.

Характерно, что закатыванию на лыжах даже спортсмены высокого уровня уделяют недостаточно внимания, хотя этот этап подготовки имеет весьма значимую практическую направленность и играет немаловажную роль в достижении поставленных целей и задач в будущем соревновательном сезоне.

У квалифицированных спортсменов соревновательный сезон выдается в большинстве случаев напряженный. Встречается тот факт, что после завершения соревнований многим спортсменам лыжи наскучили, но все же закатывание в конце спортивного сезона проводить нужно. Если у лыжника-гонщика сильная инерционная доминанта, если он понимает, что катание на лыжах после соревновательного сезона принесет ему пользу, то тогда, как правило, тренировки проходят в позитивном настроении. Этому способствует и теплая весенняя солнечная погода.

Естественно, что для закатывания на лыжах нужен естественный или искусственный снег. В Сибирском регионе районы с сохранением снежного покрова весной есть в Республике Хакасия (пос. Вершина Теи), Красноярском крае (природный парк Ергаки и пос. Приисковый), Иркутской области (оз. Байкал), Алтайском крае (Семинский перевал), Республике Якутия (г. Алдан и г. Ленск). В г. Красноярске осталось наследие зимней Универсиады-2019, например многофункциональный лыжный центр «Радуга», где спортсмены могут проводить тренировки на лыжах вплоть до конца апреля.

Следует отметить, что во многом благодаря грамотному планированию учебно-тренировочного процесса по лыжным гонкам и стрельбе из табельного оружия под руководством преподавателя кафедры физической подготовки майора полиции А.Р. Шевченко сборная команда СибЮИ МВД России в 2019 г. в г. Вологде впервые в своей истории заняла второе место в лыжных гон-

ках и первое место в служебном двоеборье. Более того, в 2020 г. в этих же чемпионатах МВД России в г. Ярославле наша сборная команда стала победителем в обоих видах программы.

На основании вышеизложенных теоретико-практических данных можно заключить, что правильное планирование учебно-тренировочного процесса, включая вкатывание и закатывание на лыжах, обеспечивает высокий уровень готовности лыжников-гонщиков к соревновательной деятельности, а также служит базой для последующего спортивного сезона.

Библиографический список

1. Попов, Д.В. Физиологические факторы, влияющие на работоспособность биатлониста и лыжника / Д.В. Попов, Н.С. Загурский, О.Л. Виноградова // Современная система спортивной тренировки в биатлоне : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Омск : СибГУФК 2013. – С. 101-117.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ:
ПО ИТОГАМ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА**

**TOPICAL ISSUES OF CRIME DETECTION AND INVESTIGATION
OF CRIMINAL CASES: ACCORDING TO THE RESULTS
OF THE INTERNATIONAL SEMINAR**

Мамай Елена Александровна,

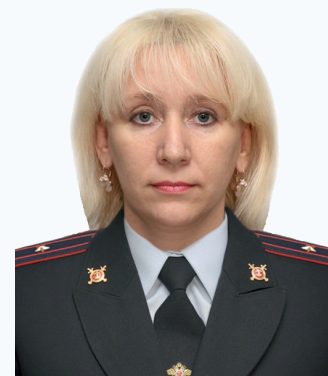
старший научный сотрудник

научно-исследовательского

и редакционно-издательского отдела

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск)

elena-mamai@mail.ru

Ключевые слова:

раскрытие преступлений, расследование уголовных дел, меры принуждения, законность, обоснованность, квалификация преступлений.

В статье отражены основные итоги международного семинара «Актуальные вопросы раскрытия преступлений и расследования уголовных дел», который состоялся 27 мая 2021 г. в Сибирском юридическом институте МВД России. Участники мероприятия обсудили вопросы совершенствования отдельных процессуальных институтов, обменялись опытом и дали некоторые рекомендации.

Keywords:

disclosure of crimes, investigation of criminal cases, coercive measures, legality, validity, qualification of crimes.

The article reflects the main results of the international seminar «Topical issues of crime detection and investigation of criminal cases», which was held on May 27, 2021 at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The participants of this event discussed the issues of improving individual procedural institutions, shared their experience and identified some recommendations.

Одной из важнейших сфер государственной деятельности является уголовное судопроизводство. Отметим, что поиск и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, а также защита от уголовного преследования не причастных к преступлениям лиц способствуют стабилизации государства и общества.

В настоящее время в стране происходят качественные изменения преступности, вызванные эпидемиологической ситуацией, связанной с коронавирусной инфекцией COVID-19. Стремительное распространение на территории России вируса привело к ухудшению ситуации как в социальной сфере, например в здравоохранении, так и в криминальной среде. Преступность становится все более организованной и транснациональной. Нестабильность действующего законодательства, компьютеризация всех сфер деятельности общества и использование информационных технологий в противоправных целях требуют поиска новых методов борьбы с преступностью. В специальных исследованиях отмечается, что применительно к наркопреступности ситуация начинает существенно «осложняться в силу расширения механизмов использования каналов международной почтовой связи, средств мобильной связи и электронных коммуникаций, технологий блокчейн и скрытых информационно-телекоммуникационных сетей (в первую очередь Даркнета), специализированных online-площадок по продаже наркотиков (включая крупнейшую из них «Hydra») в технологическом обеспечении системы «предложение – спрос на наркотики»» [8, с. 14].

Согласно данным проведенных исследований «в 2020 г. в Российской Федерации зарегистрированы 2 044 221 преступлений, т.е. на 1% больше, чем в 2019 г. При этом сохраняется тенденция последних пяти лет, связанная с сокращением числа выявленных лиц, совершивших преступления. Количество таких лиц в 2020 г. составило 852 506 (–3,6%). Структура преступности в 2020 г. в сравнении с показателями 2019 г. значительных изменений не претерпела: основную массу составили преступления против собственности (59,72% – 1 220 806), против личности (12,55% – 256 503) и в сфере незаконного оборота наркотиков (9,29% – 189 905). Остальные группы деяний распределились следующим образом: преступления экономической направленности (5,16% – 105 480), коррупционной направленности (1,51% – 30 813), связанные с незаконным оборотом оружия (1,21% – 24 792); экологические (1,11% – 22 676); террористического характера (0,11% – 2 342); экстремистской направленности (0,04% – 833) и иные (9,3% – 190 071)» [5, с. 4].

Необходимо отметить, что проводимые в стране реформы свидетельствуют о тенденциях к смягчению санкций уголовного закона. Данное обстоятельство ограничивает полномочия правоохранительных органов. На наш взгляд, такая политика ведет к противоречивости в уголовно-процессуальном законо-

дательстве, соответственно, это влияет на деятельность органов внутренних дел по раскрытию и расследованию преступлений.

Как отмечают некоторые авторы, «качество предварительного расследования совершаемых в стране миллионов преступлений зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. Наиболее важными из них представляются: уровень профессионализма (криминалистическая сложность) расследуемых преступлений; количественный и профессиональный составы следственного и дознавательского аппаратов страны; уровень оперативно-розыскной деятельности; уголовно-процессуальные условия, в которых работают следователи, дознаватели и оперативные сотрудники, обуславливающие их субъективное отношение к выполнению профессионального долга по поддержанию в России законности и правопорядка; технико-криминалистическое обеспечение предварительного расследования и др.» [4, с. 63].

Таким образом, вопросы раскрытия и расследования преступлений являются актуальными и постоянно нуждаются в научной проработке. По нашему мнению, научно-практические форумы наряду с другими направлениями позволяют найти оптимальные решения по проблемным вопросам. Так, 27 мая 2021 г. на базе Сибирского юридического института МВД России состоялся международный научный семинар «Актуальные вопросы раскрытия преступлений и расследования уголовных дел». Научно-представительское мероприятие было организовано и проведено во исполнение пункта 3.9 раздела III «Проведение научно-представительских мероприятий» плана работы Научно-консультативного совета при Совете министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств на 2021 год.

Мероприятие проводилось в очном формате (с использованием видеоконференцсвязи) и носило межведомственный характер. География участников обширна – от Красноярска до Калининграда и Симферополя. Кроме того, в научном форуме приняли участие представители образовательных организаций России и ближнего зарубежья: Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, Могилевского института МВД Республики Беларусь, Академии управления МВД России, Барнаульского юридического института МВД России, Волгоградской академии МВД России, Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Сибирского юридического института МВД России, Уфимского юридического института МВД России.

Также в работе семинара участвовали представители Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия,

прокуратуры Красноярского края, Главного управления ФСИН России по Красноярскому краю и Главного управления МВД России по Красноярскому краю, слушатели факультетов заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации.

В рамках семинара были рассмотрены следующие вопросы:

- законность применения мер уголовно-процессуального принуждения;
- проблемы доказательственного права на отдельных стадиях уголовного процесса;
- совершенствование отдельных процессуальных институтов;
- использование современных технических возможностей при проверке сообщений о преступлениях и производстве по уголовным делам;
- взаимодействие подразделений правоохранительных органов при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел;
- раскрытие и расследование преступлений в сфере противодействия финансированию терроризма и экстремизма;
- уголовно-процессуальные вопросы расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты;
- проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;
- вопросы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознания и предварительное следствие;
- соблюдение законности в сфере оперативно-розыскной деятельности;
- соблюдение прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- вопросы судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью;
- криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений;
- квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;
- криминологическая профилактика преступности в современных условиях.

Открыл работу семинара начальник кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России кандидат юридических наук, доцент Алексей Борисович Судницын, который поприветствовал участников семинара, озвучил актуальность данной темы и осветил вопросы применимости депонирования показаний в российском уголовном процессе.

Большой интерес участников семинара вызвал доклад профессора кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского

юридического института МВД России доктора юридических наук, профессора Андрея Евгеньевича Чечётина, который рассмотрел вопросы обжалования судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Не менее интересным было выступление профессора кафедры уголовного права и криминологии СибЮИ МВД России доктора юридических наук, доцента Павла Владимировича Тепляшина, раскрывшего криминологическую характеристику и направления профилактики преступлений, совершаемых в сфере противодействия уголовному преследованию. Во время доклада были обозначены криминологические показатели, причинный комплекс и особенности механизма совершения преступлений, сопряженных с противодействием уголовному преследованию. Выступающий предложил рассматривать три группы криминальных факторов, влияющих на должную реализацию соответствующими участниками уголовного процесса функции уголовного преследования: 1) не всегда достаточно эффективная защищенность уголовно-процессуальных отношений от внешнего информационного воздействия, проявляющегося в фейковом и дезинформирующем информационном давлении на участников данных отношений либо ход раскрытия и расследования преступлений; 2) имеющее место и по настоящее время насильственное воздействие на участников уголовно-процессуальных отношений, направленное на их запугивание или даже физическое устранение; 3) наличие фактов коррупционных проявлений среди участников уголовного преследования, что выступает серьезной проблемой внутреннего характера. Докладчик предложил ряд криминологических и уголовно-правовых мер, ориентированных на оптимальную профилактику преступлений, направленных на противодействие уголовному преследованию. Кроме того, была подчеркнута необходимость в данной сфере активнее использовать меры антикоррупционной безопасности, так как «по-прежнему остается значительной роль санкций, предусмотренных за коррупционные преступления, поскольку трансформация именно «традиционных» форм и методов воздействия демонстрирует общие сдвиги и тренды в антикоррупционной политике» [7, с. 15].

Выступление начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД и применения информационных технологий Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кандидата юридических наук, доцента Виктора Вячеславовича Абрамочкина было посвящено вопросам теории и практики проникновения сотрудников полиции в жилище в целях обнаружения лица, скрывшегося от суда.

Живой интерес вызвали выступления представителей образовательных организаций зарубежных стран. Основным причинам и условиям, обуславливающим наркопреступность в Республике Беларусь, было посвящено выступление старшего преподавателя кафедры оперативно-розыскной дея-

тельности факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь Андрея Михайловича Криксина. Преподавателем кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова магистром юридических наук Жанной Муратовной Исетовой раскрыта тема «Некоторые особенности расследования интернет-преступлений в Республике Казахстан».

Заместитель начальника кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент Юлия Сергеевна Сафонова в докладе «Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними» отметила, что существует ряд особенностей окончания расследования по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, ориентируясь на которые следователь должен принять решение по уголовному делу. Ю.С. Сафонова обозначила виды решений, принимаемых следователем исходя из сложившейся ситуации и порядок его действий, направленный прежде всего на обеспечение прав несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Судья Красноярского краевого суда в почетной отставке доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России кандидат юридических наук Олег Хамитович Галимов обратил особое внимание на проблемы обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших. «Исследования в области ювенальной виктимологии показывают, – отметил О.Х. Галимов, – что если в Российской Федерации в период с 2010 по 2013 годы просматривалась положительная тенденция – снижение общего количества несовершеннолетних потерпевших, то с 2014 года эта тенденция приобрела негативный характер – прослеживается ежегодный рост количества несовершеннолетних жертв преступных посягательств. При этом несовершеннолетние наиболее часто становятся жертвами преступлений небольшой и средней тяжести (побои, кражи, действия сексуального характера, автотранспортные преступления). Защита прав и интересов потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства должна носить системный характер и включать в себя следующие обязательные элементы: своевременное признание лица в качестве потерпевшего, обеспечение ему возможности реализации своего правового статуса (в том числе доступное, понятное и полное разъяснение прав и обязанностей потерпевшему), оказание квалифицированной юридической помощи (включая случаи обязательного участия представителя потерпевшего); информирование о принятых по уголовному делу решениях (как итоговых, так и промежуточных), предоставление равных возможностей с обвиняемым (подозреваемым); возмещение вреда, причиненного преступлением, и др.» [подр.: 3].

Обращает на себя внимание выступление начальника кафедры уголовного права и криминологии СибЮИ МВД России кандидата юридических наук, доцента Сергея Михайловича Малькова, который в своем докладе раскрыл понятие и общественную опасность коррупционной преступности в органах внутренних дел. Выступающий указал, что коррупционная преступность в ОВД существенно препятствует проведению необходимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий в целях предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений. Также С.М. Мальков отметил, что вредность коррупционной преступности в ОВД возможно рассмотреть через пять аспектов: политический, организационный, социальный, экономический и психологический.

Несмотря на предпринимаемые меры, искоренить данные преступления не удастся. Заметим, что важным отрицательным фактом коррупционных преступлений является снижение престижа России в глазах мирового сообщества. Молодые исследователи справедливо отмечают: «Коррупция деструктивно влияет на основы государственного устройства и конституционные основы правового регулирования всех сфер общественной жизни. Последствия коррупционной деятельности приводят к стагнации государственной экономики, а также развитию ярко выраженного социального неравенства» [6, с. 81].

Представитель Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук Алина Олеговна Астахова обратила внимание на отдельные проблемы реализации института административного надзора за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, в том числе вопросы привлечения к уголовной ответственности поднадзорных лиц за нарушение правил и требований названного превентивного института [подр.: 1; 2].

Профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент Вадим Сагитьяновича Латыпов предложил авторское определение понятию содействия правосудию в расследовании уголовных дел. Он озвучил основные перспективные направления, связанные с совершенствованием и развитием института содействия правосудию.

Доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент Ирина Викторовна Макогон рассказала о некоторых аспектах обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства при использовании оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Она проанализировала ошибки оперативных работников при проведении оперативно-розыскных мероприятий, оформлении результатов оперативно-ро-

зыскных действий и при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю и в суд.

Преподаватель кафедры криминалистики СибЮИ МВД России кандидат юридических наук Александра Андреевна Ручина в докладе «Характеристика уголовно-процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера» рассмотрела и озвучила особенности уголовно-процессуального статуса ключевого участника производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Были заслушаны и другие доклады, которые сопровождались активной дискуссией.

По итогам научного семинара были обозначены некоторые следующие рекомендации.

Участники семинара акцентировали внимание на то, что вопросы раскрытия и расследования преступлений имеют научный и практический интерес, нуждаются в дальнейшей проработке, подчеркнули необходимость дальнейшей работы по совершенствованию законодательства в сфере уголовного судопроизводства. Особо отметили негативное влияние коррупции на социально-политические процессы в стране и актуальность поиска оптимальных методов расследования коррупционных преступлений.

Библиографический список

1. Астахова, А.О. К вопросу о правовой обусловленности запрета на уклонение от административного надзора и неоднократного нарушения установленных ограничений / А.О. Астахова, М.А. Галимова // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 2(23). – С. 22-30.
2. Астахова, А.О. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения : монография / А.О. Астахова. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018.
3. Галимов, О.Х. Примирение сторон как средство защиты прав и интересов несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном судопроизводстве / О.Х. Галимов, М.А. Галимова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 2(35). – С. 53-61.
4. Ищенко, Е.П. О качестве предварительного расследования / Е.П. Ищенко // Воронежские криминалистические чтения. – 2017. – № 2(19). – С. 63-71.
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналитический обзор / М.В. Гончарова [и др.]. – М. : ВНИИ МВД России, 2021.

6. Субботина, А.О. Роль прокурора в механизме противодействия коррупции / А.О. Субботина // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сборник научных статей студентов магистратуры Северо-Западного института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда : Северо-Западный институт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017. – С. 80-85.

7. Тепляшин, П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды / П.В. Тепляшин // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования : сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск : СФУ, 2019. – С. 214-219.

8. Тепляшин, П.В. Закономерности наркоситуации в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции (8-9 апреля 2021 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. – Ч. 1. – С. 11-14.

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ОБЩЕЙ ФОРМОЙ ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ

RELATIONSHIP OF THE INSTITUTE OF THE PRE-JUDICIAL AGREEMENT ON COOPERATION WITH THE GENERAL FORM OF ACTIVE REPENTANCE

Карлов Андрей Леонидович,

старший преподаватель

кафедры уголовного процесса

Сибирского юридического института

МВД России (г. Красноярск)

Dys_karlov@mail.ru

Ключевые слова:

досудебное соглашение о сотрудничестве, деятельное раскаяние, содействие в расследовании преступления.

В статье на основе толкования положений закона, имеющихся подходов в теории, а также правоприменительной практики рассмотрены различия между правовыми институтами деятельного раскаяния и досудебного соглашения о сотрудничестве. Автор приходит к выводу, что как по форме реализации, так и по содержанию данные институты отождествлять нельзя, однако можно допустить их комбинированное применение.

Keywords:

pre-trial cooperation agreement, active repentance, assistance in the investigation of a crime.

Based on the interpretation of the provisions of the law, the existing approaches in theory, as well as law enforcement practice, the article examines the differences between the legal institutions of active repentance and a pre-trial cooperation agreement. The author comes to the conclusion that both in terms of the form of implementation and in content, these institutions cannot be identified, but their combined use can be allowed.

Несмотря на более чем десятилетнюю историю в отечественном законодательстве, в силу использования законодателем новых правовых механизмов институт досудебного соглашения о сотрудничестве продолжает вызывать интерес в научной среде. Одним из вопросов, по которому до настоящего времени единого мнения не сложилось, является соотношение данного института с деятельным раскаянием.

Отметим, что указание в заголовке статьи на «общую» форму деятельного раскаяния связано с тем, что в нашем понимании ч. 1 ст. 75 УК РФ представляет собой ординарную (общую) форму деятельного раскаяния, в то время как ч. 2 ст. 75 УК РФ (примечания к статьям Особенной части УК РФ) – специальную форму [6, с. 34], которую мы при сравнении не учитываем.

Значение вопроса о соотношении досудебного соглашения с деятельным раскаянием, на наш взгляд, обусловлено поиском материально-правовой базы досудебного соглашения, ведь, как указывал Ю.К. Якимович, дифференциация процессуальной формы в качестве основного критерия должна иметь материально-правовую основу [10, с. 106]. Целый ряд авторов видят прямую взаимосвязь между рассматриваемыми институтами, указывая, что они совпадают по своему социально-правовому назначению [5, с. 15], что правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве ближе всего стоит к институту деятельного раскаяния [9, с. 24]. Встречается мнение, что досудебное соглашение можно отнести к форме (разновидности) деятельного раскаяния [4, с. 8], к его квалифицированному, расширенному варианту [3, с. 4].

Чтобы оценить приведенные мнения, необходимо соотнести ключевые признаки деятельного раскаяния и соглашения о сотрудничестве.

Общая форма деятельного раскаяния применяется только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, тогда как для досудебного соглашения подобных ограничений закон не содержит. Так, в 2019 г. соотношение категории преступлений и числа уголовных дел, по которым были заключены досудебные соглашения, выглядит следующим образом: особо тяжкие преступления – 1 117, тяжкие – 907, средней тяжести – 264, небольшой тяжести – 1 031. В 2018 г. данное соотношение выглядело примерно так же: особо тяжкие – 1 162, тяжкие – 1 056, средней тяжести – 444, небольшой тяжести – 1 339¹. Можно заметить, что количество досудебных соглашений, заключаемых по уголовным делам небольшой и средней тяжести, вполне сопоставимо с их числом по тяжким и особо тяжким составам. В связи с этим С.А. Касаткина считает, что при активном содействии в раскрытии и расследовании преступления небольшой или средней тяжести досудебные соглашения заключать неоправданно, в таких случаях должны применяться положения о деятельном раскаянии [7, с. 120].

¹ Официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.08.2021).

Такое мнение могло сформироваться из-за того, что, определяя содержание данных порядков, законодатель пользуется схожей терминологией или, как метко выразился Г.В. Абшилава, использует единое «понятийное ядро» [1, с. 258]. Так, в ч. 1 ст. 75 УК РФ в качестве альтернативных перечисляются следующие действия:

- явка с повинной;
- способствование раскрытию и расследованию этого преступления;
- возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного этим преступлением.

В нормах о досудебном соглашении содержание сотрудничества определяют следующие формулировки:

- содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления;
- изобличение и уголовное преследование других соучастников преступления;
- розыск имущества, добытого в результате преступления (ст. 317.1, 317.6, 317.7 УПК РФ).

Обращает на себя внимание отличие используемых терминов «содействие» и «способствование» расследованию. Существует мнение, что данные понятия синонимичны, что «активное содействие» не является указанием на иной вид позитивного посткриминального поведения и, следовательно, не отличается по содержанию от «активного способствования» [8, с. 23]. Каких-либо предметных исследований в этой части нам обнаружить не удалось, однако тот факт, что законодатель использует разные термины в разных правовых институтах указывает на то, что их содержание имеет отличия.

По нашему мнению, эти отличия состоят в следующем. Во-первых, в термине «способствование» законодатель не закладывает форму поведения, можно допустить способствование чему-либо путем бездействия, непротивления, отказа от противодействия.

Содействие, напротив, всегда реализуется в активной форме, подразумевает совершение действий, каких-либо манипуляций.

Во-вторых, способствование расследованию не подразумевает обязательного взаимодействия двух субъектов, может иметь односторонний характер, тогда как содействие указывает на некое присоединение к уже совершаемому действию, согласованность субъектов (как минимум двух) этой деятельности.

Положения УПК РФ подтверждают приведенные отличия. Так, помимо досудебного соглашения термин «содействие» использован законодателем для регламентации: действий органа дознания при исполнении поручений следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) и дознавателя (п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ); действий специалиста, участвующего при производстве процессуального действия (ч. 1 ст. 58 УПК РФ) и полномочий мирового судьи по собиранию доказательств, которые не могут быть реализованы сторонами самостоятельно (ч. 2 ст. 319 УПК

РФ). В УК РФ в интересующем нас контексте данный термин применяется лишь для описания пособничества как формы соучастия (ч. 5 ст. 33 УК РФ) и в ч. 1 ст. 64 УК РФ, в которой идет речь об активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления. Все эти формы содействия выражаются в согласованных действиях как минимум двух субъектов. С учетом указанного можно утверждать, что термин «содействие» в большей степени имеет уголовно-процессуальный характер, в нем заложено наличие сторон, их совместная деятельность.

Термин «способствование расследованию» в УПК РФ вообще не встречается, он использован законодателем в УК РФ (в нормах о деятельном раскаянии, в смягчающем обстоятельстве, предусмотренном п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в диспозиции некоторых составов преступлений, например ст. 204.1, 290 УК РФ и др.) и допускает самостоятельную, инициативную деятельность лица, совершившего преступление, без согласования с кем-либо. Так как в данном случае нет обязательного взаимодействия между сторонами обвинения и защиты, допускаются «односторонние» самостоятельные действия лица, полагаем, что термин «способствование расследованию» имеет, в первую очередь, уголовно-правовое содержание и значение.

Далее обратим внимание еще на один аспект соотношения содержательной стороны деятельного раскаяния и досудебного соглашения о сотрудничестве.

В ч. 1 ст. 75 УПК РФ говорится, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию и расследованию этого преступления. Для досудебного соглашения в гл. 40.1 УПК РФ используется формулировка «содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления» (без указания какого именно). Данное отличие является одним из ключевых и выражается в том, что в общей форме деятельного раскаяния сотрудничество ограничено преступлением (или несколькими), по поводу которого ведется производство по делу, а досудебное соглашение, напротив, предполагает «выход» за рамки расследуемого уголовного дела. Г.В. Абшилава по этому поводу пишет: «Если деятельное раскаяние направлено как бы вовнутрь предмета уголовно-правового спора, то досудебное соглашение направлено как вовнутрь, но еще более – за пределы того предмета уголовно-правового отношения, которое возникло между обвиняемым и государством после совершения преступления» [2, с. 34]. На это дополнительно указывают положения ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ, в которых прокурору предписывается прекратить действия соглашения в случае, если лицо сообщает сведения лишь о собственном участии в совершенном деянии.

Продолжая соотносить способствование раскрытию и расследованию преступления в деятельном раскаянии и досудебном соглашении о сотрудничестве, необходимо определить пределы (границы) такого содействия.

Отметим, что на другое преступление должны быть направлены содействие как его расследованию, так и раскрытию, поскольку обязательный статус подозреваемого (обвиняемого), с которым заключается досудебное соглашение, указывает на то, что первоначально совершенное им преступление уже раскрыто.

Далее стоит рассмотреть качественную сторону способствования расследованию. Здесь необходимо учитывать, во-первых, что деятельное раскаяние влечет прекращение уголовного преследования, а досудебное соглашение – лишь смягчение наказания, а во-вторых, что согласно положениям ч. 1 ст. 75 УК РФ базисом деятельного раскаяния является утрата общественной опасности лицом (в результате положительных посткриминальных действий), тогда как нормы о досудебном соглашении такого критерия не содержат.

По нашему мнению, утрата общественной опасности предполагает значительную степень содействия в раскрытии и расследовании преступления, лицо должно сделать все, от него зависящее, все, что в его силах. Досудебное соглашение, напротив, допускает «ограниченное содействие», выполнение четкого перечня согласованных сторонами действий.

Более того, при деятельном раскаянии подозреваемый (обвиняемый) действует по своей инициативе, в одностороннем порядке [2, с. 34] и можно допустить, что из благих побуждений (хотя судить об этом довольно сложно), в результате осознания последствий своего поступка и желания компенсировать их своим поведением, причем заранее он не знает, достаточны будут эти действия для прекращения уголовного преследования или нет (неурегулированное содействие). С этих позиций способствование расследованию в рамках деятельного раскаяния должно быть более «глубоким», охватывающим все возможные варианты.

При заключении досудебного соглашения пределы содействия обсуждаются сторонами заранее (урегулированное содействие), характер отношений уже совсем не напоминает «раскаяние», здесь скорее можно говорить об отношении «ты мне – я тебе», побуждающим мотивом является лишь смягчение потенциального наказания. Законодатель не требует утраты общественной опасности лицом, совершившим запрещенное законом деяние, соответственно, такое содействие может быть менее выраженным.

Можно констатировать, что границы содействия расследованию при досудебном соглашении (в сравнении с деятельным раскаянием) шире по предмету, но ограничены текстом соглашения по объему совершаемых действий.

Очевидно, что применить досудебное соглашение в порядке деятельного раскаяния (без предварительного согласования условий) невозможно, однако обратный порядок, на наш взгляд, вполне может быть реализован. Такую возможность демонстрирует и судебная практика; так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за период с 2013 по 2018 гг.

129 уголовных дел, поступивших в суд с досудебным соглашением о сотрудничестве, были прекращены в связи с деятельным раскаянием.

Конечно, в общем числе уголовных дел, по которым были заключены досудебные соглашения, эти цифры незначительны, однако данный факт позволяет говорить о том, что суды допускают «пересечение» рассматриваемых институтов, когда содействие при выполнении условий соглашения суд посчитал достаточным не просто для снижения наказания, а для освобождения лица от ответственности. Можно ли в подобных случаях в тексте досудебного соглашения предусмотреть перечень действий, которые следователь и прокурор считают достаточными для применения положений ст. 75 УК РФ? Полагаем, что правовые препятствия для этого отсутствуют.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что отождествлять институты деятельного раскаяния и досудебного соглашения о сотрудничестве нельзя, они имеют как существенные отличия (например, в части оценки общественной опасности лица), так и процедурные (в части предварительной оценки пределов содействия). Их направленность также кардинально отличается, поскольку деятельное раскаяние ориентировано на расследуемое преступление, а досудебное соглашение о сотрудничестве – на другое, «новое» преступление. Вместе с тем дальнейшее развитие согласительных процедур может допустить в том числе письменное согласование условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Библиографический список

1. Абшилава, Г.В. Деятельное раскаяние и явка с повинной, реализуемые в форме досудебного соглашения о сотрудничестве / Г.В. Абшилава // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4.
2. Абшилава, Г.В. Деятельное раскаяние как составная часть досудебного сотрудничества обвиняемого с органом следствия / Г.В. Абшилава / Вестник УЮрГУ. – 2011. – № 27.
3. Александров, А.С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в гл. 40.1 УПК РФ / А.С. Александров, И.А. Александрова // Уголовный процесс. – 2009. – № 8.
4. Дудина, Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2015.
5. Звечаровский, И. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве / И. Звечаровский // Законность. – 2009. – № 9.

6. Калугин, А.Г. Проблема процессуального механизма реализации специальных оснований освобождения от уголовной ответственности / А.Г. Калугин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2002. – № 2.

7. Касаткина, С.А. Признание обвиняемого : монография / С.А. Касаткина. – М. : Проспект, 2010.

8. Кашапов, Р.М. Уголовно-правовые последствия оказания виновным лицом содействия органам предварительного расследования / Р.М. Кашапов // Научный портал МВД России. – 2019. – № 3(47).

9. Попова, А.В. Дискреционные полномочия прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России и других стран СНГ / А.В. Попова // Законность. – 2017. – №8.

10. Якимович, Ю.К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенству / Ю.К. Якимович // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2(12).

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ
СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

**REFLECTIONS ON THE PROCEDURAL INSTITUTE
FOR THE PROMOTION OF JUSTICE IN THE INVESTIGATION
OF CRIMINAL CASES**

Латыпов Вадим Сагитьянович,
*профессор кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук, доцент*

Vadi-latypov@yandex.ru

Ключевые слова:

уголовный процесс, содействие правосудию, состязательность, равноправие, участники, эксперт, специалист, судопроизводство.

В статье анализу подвергнут институт содействия уголовному правосудию. В ходе проведенного исследования автор аргументированно приходит к выводу о том, что содействие правосудию является сложным межотраслевым правовым институтом. Предложено авторское определение понятия «содействие правосудию». Автор определил основные перспективные направления совершенствования и развития института содействия правосудию, представляющие как научный, так и практический интерес. В работе предложено изменение наименования главы 8 УПК РФ.

Keywords:

criminal procedure, promoting justice, competitiveness, equality, participants, expert, specialist, legal proceedings.

This article analyzes the institution of assistance to criminal justice. In the course of the study, the author reasonably comes to the conclusion that the promotion of justice is a complex intersectoral legal institution. The author's definition of the concept of assistance to justice is offered. The author identified the main promising areas of both scientific and practical interest, aimed at improving and developing the institution of promoting justice. The paper proposes to amend the title of Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

*«Опаснейший подводный камень
для правосудия – это предубеждение»
Жан Жак Руссо*

В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть отдельные процессуальные вопросы, возникающие в рамках уголовного судопроизводства в процессе вовлечения лиц, оказывающих содействие правосудию, определить понятие «содействие правосудию» и основные направления исследований данного процессуального института.

Итак, содействие правосудию как сложный и самостоятельный межотраслевой процессуальный институт в теории уголовного процесса не удостоен должного внимания. Безусловно, в доктрине неоднократно исследовались вопросы привлечения и участия отдельных лиц, оказывающих содействие правосудию, изучался их процессуальный статус, но вместе с тем следует отметить, что нам не известны современные научные исследования, направленные на изучение данного института.

Предвосхищая возможную критику оппонентов о том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство России не содержит легального определения понятия «содействие», как и не рассматривает его в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной функции, отметим, что это так лишь отчасти.

Для начала следует разграничить содействие, оказываемое в рамках уголовного судопроизводства участниками уголовного процесса, и содействие, оказываемое в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности лицами, перечисленными в ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В отличие от оперативно-розыскных способов борьбы с преступностью, которые могут сочетать как гласные, так и негласные методы, в том числе с «помощью секретных осведомителей (конфидентов, агентов), т.е. в результате тайной деятельности по борьбе с преступностью специально подготовленных для этого лиц» [3, с. 86], уголовно-процессуальные всегда публичны, а деятельность лиц, оказывающих содействие, всегда регламентирована нормами УПК РФ, они открыто принимают участие в уголовном процессе как на досудебных, так и на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Итак, определимся, что следует понимать под содействием правосудию. Само понятие правосудия дано в узкой трактовке в ст. 8 УПК РФ и предполагает его осуществление только судом, равно как это и было провозглашено в ст. 118 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем считаем возможным рассматривать осуществление правосудия в широком значении данного термина и допустить возможность его осуществления на досудебных этапах

расследования, когда должностные лица, государственные органы, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, проверяют информацию, собирают необходимые доказательства и формируют обвинение (либо принимают решение об отказе в возбуждении уголовного дела, его прекращении или приостановлении). Именно проводимое предварительное расследование в форме предварительного следствия или дознания позволяет суду осуществлять правосудие, исходя из анализа собранных по делу доказательств. Содействие означает помощь, поддержку [2]. Таким образом, под содействием правосудию следует понимать вспомогательную деятельность, направленную на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультативной, технической или иной помощи сторонам и суду, должностным лицам и государственным органам участниками процесса, не наделенными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ.

Перечень лиц, оказывающих содействие правосудию в уголовном судопроизводстве, не исчерпывается участниками, перечисленными законодателем в гл. 8 УПК РФ. На самом деле определение данного круга лиц является весьма дискуссионным вопросом, поскольку сложность представляет тот факт, что не все субъекты, оказывающие содействие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, являются самостоятельными участниками уголовного судопроизводства. Так, одни не имеют соответствующей правовой нормы, определяющей бы их права, обязанности и ответственность (например, врач, педагог, психолог, статист (процессуальный ассистент) и пр.), другие отнесены к общим условиям судебного разбирательства (например, помощник судьи, секретарь судебного заседания). Но всех их объединяет одно – они не преследуют в уголовном процессе личных процессуальных интересов, вовлекаются в процесс эпизодически и способствуют обеспечению производства по уголовным делам на законных, состязательных началах. Результатами деятельности лиц, оказывающих содействие правосудию, может быть формирование самостоятельных видов доказательств (показания, заключения), оказание консультативной помощи, обнаружение, фиксация и изъятие имеющих значения для уголовного судопроизводства предметов и документов, обеспечение законности при производстве следственных действий и судебного заседания и др.

Заявляя о содействии правосудию как о межотраслевом процессуальном институте, следует отметить, что ни одна процессуальная отрасль не способна обойтись без вовлечения лиц, оказывающих содействие правосудию. Так, в гражданском процессуальном законодательстве предусмотрено участие свидетеля, помощника судьи, секретаря судебного заседания, эксперта, специалиста, переводчика (ст. 19, 35, 58, 79-87, 95-97 ГПК РФ), практически аналогичный состав предусмотрен и в ст. 11, 23, 24, 54-58 АПК РФ. КАС РФ также содержит нор-

мы, регулирующие участие лиц, оказывающих содействие правосудию (например, ст. 48-53).

Более того, считаем необходимым отметить, что содействие правосудию как процессуальный институт известен отечественному законодателю достаточно давно. В качестве примера напомним, что согласно первому историческому писаному источнику права – Русской Правде (XI-XV вв.) в качестве самостоятельного, а иногда и единственного доказательства по разрешаемому спору выступали свидетельские показания. Сами же свидетели делились на послухов и видаков. Осуществлять правосудие в отношении или с участием иностранных граждан, не владевших языком, на котором велось производство, помогали толмачи – лица, обладающие специальными знаниями в области языка.

Проведение сравнительно-правового исследования с современным законодательством зарубежных стран также позволило определить, что содействие правосудию как самостоятельная процессуальная деятельность знакома процессуалистам практически всех моделей уголовного процесса, относящихся к различным системам права.

Возвращаясь к проблеме отсутствия современных монографических исследований, посвященных комплексному анализу института содействия правосудию, хотелось бы отметить, что с научной и практической точки зрения данное направление является достаточно перспективным. Полагаем, что самостоятельному разрешению подлежит целый комплекс вопросов и процессуальных проблем, возникающих в правоприменительной практике и не разрешенных в теории уголовного процесса.

В частности, на наш взгляд, исследованию подлежат следующие вопросы.

1. Определение круга лиц, относящихся к данной категории участников уголовного судопроизводства, с рассмотрением возможности его расширения и регламентации самостоятельного процессуального статуса в гл. 8 УПК РФ, которую, в свою очередь, следует переименовать. Полагаем, что законодателем нарушена логика систематизации участников уголовного судопроизводства, исходя из их функционального предназначения. Так, УПК РФ определяет, что судопроизводство строится на принципе состязательности сторон, и к основным уголовно-процессуальным функциям относит разрешение уголовного дела, обвинение и защиту. Участники уголовного процесса также сгруппированы в соответствии с реализуемым ими функциями: суд (гл. 5 УПК РФ), сторона обвинения (гл. 6 УПК РФ) и сторона защиты (гл. 7 УПК РФ) [1, с. 103-111]. Глава 8 УПК РФ именуется как «Иные участники уголовного судопроизводства», что, на наш взгляд, выглядит несколько недоработанным и нуждается в корректировке. Учитывая, что в данной главе размещены участники, реализующие функцию содействия правосудию, полагаем целесообразным данную

главу переименовать следующим образом: «Глава 8. Лица, оказывающие содействие правосудию».

2. Проведение сравнительно-правовых исследований компаративистского характера с целью изучения функционирования данного процессуального института в различных моделях уголовного процесса зарубежных стран.

3. Самостоятельный научный и практический интерес представляет проведение исследований существующих проблем нормативного закрепления и правоприменительной практики привлечения и участия лиц, оказывающих содействие правосудию, а также определение путей развития данного института.

4. Определение порядка и размеров возмещения расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, содействующих отправлению правосудия.

5. Безусловно, необходимо определить возможность внедрения в деятельность сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих вовлечение в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию современных информационных технологий, о которых говорил 3 марта 2021 г. на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации Президент России В.В. Путин¹, и др.

Решение обозначенных проблем позволит, с одной стороны, обеспечить реализацию прав и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений, а с другой – реализацию состязательности сторон путем вовлечения в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию, и позволит должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, и суду принимать законное, обоснованное, взвешенное и всестороннее процессуальное решение.

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 20.05.2021).

Библиографический список

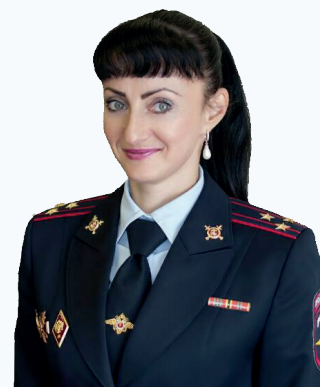
1. Латыпов, В.С. Размышления о законодательной классификации участников уголовного судопроизводства / В.С. Латыпов, Р.А. Исмагилов // *Lex Russica*. – 2021. – Т. 74. – № 5. – С. 103-111.
2. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. Яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
3. Халиков, А.Н. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / А.Н. Халиков. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 323 с.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ**

**ON SOME ASPECTS OF ENSURING THE RIGHTS AND FREEDOMS
OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS
WHEN USING OPERATIONAL-SEARCH INFORMATION
IN CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE**

Макогон Ирина Викторовна,

*доцент кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

irinamakogon@mail.ru

Ключевые слова:

оперативно-розыскная деятельность, доказывание, оперативно-розыскные мероприятия, права и свободы, участники уголовного судопроизводства, доказательства, преступление, гласные методы, негласные методы.

В статье рассматриваются некоторые аспекты обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства при использовании оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Уделяется внимание характерным ошибкам оперативных работников при проведении оперативно-розыскных мероприятий, оформлении результатов оперативно-розыскных действий и при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю и в суд. Предложены варианты внесения изменений в отдельные нормы, регулирующие отношения в сфере предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности, используемых в доказывании.

Keywords:

operational-search activity, proving, operational-search measures, rights and freedoms of participants in criminal

The article deals with some aspects of ensuring the rights and freedoms of participants in criminal proceedings when using operational-search information in criminal procedural evidence. Attention is paid to the characteristic mistakes of operational

proceedings, evidence, crime, public and secret methods.

workers when conducting operational-search activities, registering the results of operational-search actions and when presenting the results of operational-search activities to the body of inquiry, the investigator and the court. Options for making changes to certain rules governing relations in the field of providing the results of the ORDO used in evidence are proposed.

Как известно, в Конституции Российской Федерации закреплены права и свободы граждан. Разумеется, эти права детализируются в УПК РФ. Отсюда вытекает проблема, связанная с проведением оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), поскольку она может осуществляться как гласными, так и негласными методами, что может нарушать права лиц, в отношении которых данные мероприятия проводятся.

Не все научные деятели дают одинаковое понятие определению «результаты оперативно-розыскной деятельности». Так, Н.А. Громов, В.А. Пономаренко, А.Н. Гушин, Ю.В. Францифиров считают, что «результаты ОРД – это информация, собранная сотрудниками оперативных подразделений о проверяемых лицах и фактах, а также указывающая, где и как искать источники фактических данных (доказательств) процессуальным путем» [1, с. 156]. Следовательно, результаты ОРД и доказательства схожи своей направленностью на установление истинных фактов. За счет того, что данные понятия имеют одинаковую информационную природу, в законодательстве России намечается некое объединение ОРД и доказывания. К примеру, такие следственные действия, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), аналогичны оперативно-розыскным мероприятиям (далее – ОРМ). Нужно иметь в виду, что сращивание данных видов деятельности может повлечь за собой нарушения прав граждан, но при этом упрощенный порядок использования результатов ОРД в доказывании, несомненно, имеет положительные моменты.

В настоящее время за ОРД установлен судебный контроль. На проведение некоторых видов ОРМ необходимо разрешение суда. Отсюда складывается картина того, что государство через данный процесс заботится о правах своих граждан. При этом, как свидетельствует практика, решение суда зачастую может иметь формальный характер, поскольку большую часть ОРМ суд разрешает, что уже влечет в некотором роде нарушение прав участников.

Вопрос о соблюдении прав участников судопроизводства затрагивался Верховным Судом РФ. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» отмечено, что использование в

качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-розыскных мероприятий возможно только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных ст. 7 и 8 указанного Федерального закона.

При проведении различных оперативно-розыскных мероприятий могут возникать значительные проблемы. Например, при проведении проверочной закупки возникает проблема провокации. Отграничивая провокацию от законного осуществления ОРМ, Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) сформулировал ее определение, согласно которому «провокация со стороны полиции происходит в тех случаях, когда сотрудники правоохранительных органов или лица, действующие по их поручению, не ограничиваются расследованием преступной деятельности преимущественно пассивно, а оказывают такое влияние, что подстрекают к совершению преступления, которое иначе не было бы совершено, для того, чтобы раскрыть преступление, а именно получить доказательства его совершения и начать уголовное преследование».

На основе определения выделились критерии, которые ЕСПЧ использует при внесении ясности в различии между провокацией и правомерным ОРМ.

Детально вопрос о провокации при осуществлении ОРД был исследован Т.В. Трубниковой [2]. Анализируя решения ЕСПЧ, автор выделила критерии, основываясь на которых суды должны решать вопрос о том, совершено ли преступление без вмешательства властей или же имеет место провокация. Автор выделила следующие критерии: подозрения в задействовании лица в преступной деятельности или в том, что оно предрасположено к совершению преступления; оценка поведения правоохранительных органов, осуществляющих ОРМ, и выявление факторов, свидетельствующих о том, было ли оно чрезмерно пассивным или нет.

Европейский Суд по правам человека не первый год указывает на проблему необоснованности проведения ОРМ в нашей стране. К примеру, в постановлении ЕСПЧ по делу «Еремцов и другие против России» от 27 ноября 2014 г. суд установил, что «отсутствие в правовой системе Российской Федерации ясного и предсказуемого порядка санкционирования проверочных закупок по-прежнему является структурной проблемой, из-за которой заявители подвергаются произволу со стороны сотрудников органов внутренних дел, а внутригосударственные суды не могут осуществлять эффективную судебную проверку их жалоб на провокацию».

Следует иметь в виду, что законодательство Российской Федерации, регулирующее оперативно-розыскную деятельность, содержит недостаточно гарантий. Это затрагивалось не только ЕСПЧ, но и отечественными научными

деятелями. В связи с этим необходимо предусмотреть в уголовном судопроизводстве ряд гарантий, исключающих использование в доказывании по уголовному делу доказательств, полученных в результате провокации преступления.

Мы можем предложить комплекс мер, реализовывая которые можно будет установить гарантии, защищающие от провокации. К ним могут относиться:

- установление независимого контроля порядка проведения проверочной закупки и оперативного эксперимента;

- закрепление в УПК РФ нормы, устанавливающей правила, согласно которым доказательства, полученные в результате провокации, должны быть исключены из уголовного дела;

- обеспечение действия принципа состязательности при проверке судами заявлений о провокации;

- установление уголовной ответственности за все виды провокации (в настоящее время ст. 304 УК РФ закрепляет уголовную ответственность только за провокацию взятки или коммерческого подкупа).

Нужно понимать, что вопрос о возможности установления органами предварительного расследования и судом наличия/отсутствия провокационных действий при осуществлении ОРМ зависит от качества работы оперативных подразделений, осуществляющих ОРД. Оперативные сотрудники должны понимать, что на материалах оперативно-розыскной деятельности по определенным составам преступлений формируются ключевые доказательства в уголовном процессе. В настоящее время благодаря практике ЕСПЧ почти во всем мире использование провокации является нарушением права на справедливое судебное разбирательство.

Проводя анализ использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам, можно заметить, что стремление разрешить проблемную ситуацию, которая связана с допустимостью оперативной информации, отодвинуло на второй план вопросы гарантий прав и свобод человека.

Проблема в том, что органы предварительного расследования обладают небольшой процессуальной самостоятельностью и считаются субъектами со стороны обвинения. Если же решить эту проблему, то можно будет преодолеть обвинительный уклон в деятельности органов предварительного расследования и повысить его объективность [3, с. 33].

Для того чтобы между интересами личности и интересом в раскрытии преступления возник баланс, нужно придерживаться следующих предложенных нами условий:

- не допускать того, чтобы ОРД и доказывание слились в единое целое, при этом необходимо сохранить высокие гарантии, которые предусмотрены доказыванием. Если же смешать эти виды деятельности, может возникнуть проблема беспрепятственного использования результатов ОРМ, которые зачастую

могут быть получены без особого соблюдения прав участников уголовного процесса;

– усилить контроль и надзор за сведениями, попадающими в уголовный процесс с помощью ОРД, избавиться от формализма.

За последние годы использование следователями (дознавателями) в процессе расследования преступлений результатов оперативно-розыскной деятельности значительно возросло (см. диаграмму).

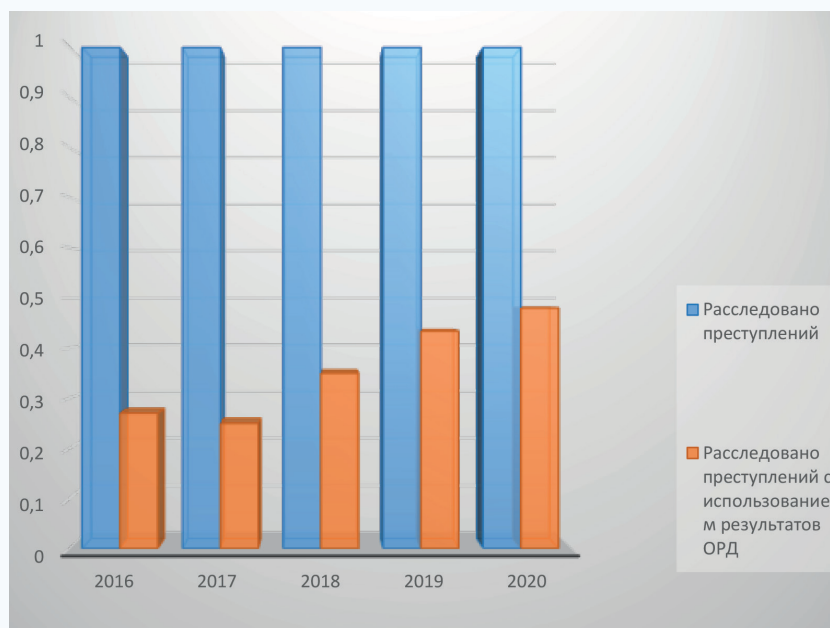

Диаграмма. Использование следователями (дознавателями) результатов оперативно-розыскной деятельности

Однако при этом следует понимать, что приобщение органами предварительного расследования оперативно-розыскной информации в доказывании по уголовным делам нужно осуществлять с учетом положений Конституции РФ и УПК РФ, в соответствии с которыми приоритетом является защита прав и свобод человека. А оперативным подразделениям необходимо учитывать, что от того, какие материалы они предоставят и как проведут ОРМ, может зависеть ход дела в уголовном процессе. Для обеспечения эффективности применения результатов ОРД в доказывании нужно, чтобы они содержали необходимый объем информации.

В силу вышеизложенных обстоятельств, по нашему мнению, целесообразно предложить варианты внесения изменений в отдельные нормы, регулирующие отношения в сфере предоставления результатов ОРД, используемых в доказывании.

1. Положение ч. 2 ст. 74 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень доказательств. Необходимо внести дополнение с целью прямого закрепления результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу, которые будут

соответствовать требованиям УПК РФ. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», УПК РФ, с одной стороны, предоставляют возможность использования результатов ОРД в доказывании, с другой – ограничивают их использование в качестве доказательств. Поэтому с целью четкого определения соотношения результатов ОРД и доказательств, а также определения механизма использования в доказательственной деятельности следователя сведений, полученных оперативно-розыскным путем, их надо добавить в перечень доказательств, то есть дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 7 следующего содержания: «результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные и предоставленные в порядке, установленном настоящим кодексом».

2. Статью 125 УПК РФ, а также ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предлагаем дополнить указанием на право заинтересованного лица обжаловать в уголовно-процессуальном порядке постановление судьи, разрешающее проведение оперативно-розыскного мероприятия, а также действия органа, который провел такое ОРМ, так как это непосредственно касается прав и свобод лица, в отношении которого было проведено ОРМ.

3. Предлагаем новое наименование ст. 89 УПК РФ: «Способы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». После чего положения ст. 89 УПК РФ следует дополнить частью 2, которая может быть изложена в следующей редакции: «Предметы и иные документы, орудия преступления, деньги, ценности, вещи и иное имущество, полученные по результатам оперативно-розыскной деятельности, осматриваются следователем, в случае необходимости проверяются и приобщаются к материалам уголовного дела мотивированным постановлением следователя в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств». Также дополнить данную статью частью 3, которая четко бы регламентировала порядок предоставления результатов ОРМ.

4. Необходимо дополнить ст. 38 УПК РФ, закрепив в ней полномочие следователя рассматривать информацию, выявленную оперативным путем, и принимать по ней соответствующее законное решение вплоть до придания статуса доказательства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам имеет некие трудности, связанные с тем, что некоторые ОРМ являются негласными и могут нести в себе сведения, составляющие государственную тайну, за счет чего их осуществление иногда может отходить от соблюдения прав личности. При всем несовершенстве законодательства существуют все-таки законные способы, позволяющие приобщать оперативную информацию к доказательствам.

Библиографический список

1. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / Н.А. Громов [и др.]. – М., 2016.
2. Трубникова, Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ / Т.В. Трубникова // Уголовный процесс. – 2016. – № 12.
3. Васильев, Д.В. Особенности организации взаимодействия следователя с оперативными подразделениями / Д.В. Васильев // Правовые и экономические аспекты обеспечения национальной безопасности : сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Москва, 24 июля 2020 г.). – 2020.

**НЕКОТОРЫЕ НОВАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
В СФЕРЕ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ И КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

**SOME INNOVATIONS OF CRIMES COMMITTED IN THE FIELD
OF TELECOMMUNICATIONS AND COMPUTER INFORMATION**

Алескеров Вагиф Исмаилович,

профессор кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Домодедово), кандидат юридических наук, доцент

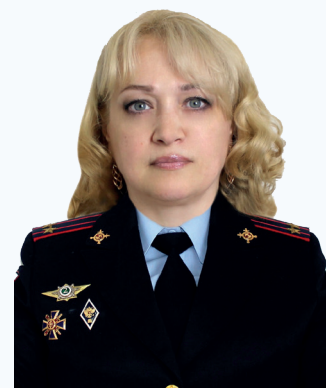
valeskerov@mvd.ru

Малыгина Ольга Валериевна,

доцент кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Домодедово), кандидат психологических наук

olia.vod@yandex.ru

Ключевые слова:

криминогенная обстановка, телекоммуникации, компьютерная информация, несанкционированное использование информации, субъективная особенность личности преступника.

В статье рассматриваются вопросы криминогенной обстановки, складывающейся в современных реалиях, а также некоторые статистические сведения о совершаемых преступлениях на территории Российской Федерации. Аргументируется потребность в урегулировании некоторых пробелов в действующем уголовном законодательстве и усилении ответственности в отношении вопроса несанкционированного использования информации, хранящейся на различных электронных носителях.

Keywords:

criminal situation, telecommunications, computer information, unauthorized use of information, subjective feature of the criminal's personality.

The article deals with the issues of the criminogenic situation, as well as some statistical information about the crimes committed on the territory of the Russian Federation, which is developing in modern realities. In this connection, there is a need to address some gaps in the current criminal legislation and strengthen responsibility in relation to the issue of unauthorized use of information stored on various electronic media.

В настоящее время анализ складывающейся криминогенной обстановки, а также имеющиеся статистические сведения о совершаемых преступлениях на территории Российской Федерации позволяют сделать вывод о том, что преступления, совершаемые в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, ежегодно имеют тенденцию к значительному росту (рис. 1).

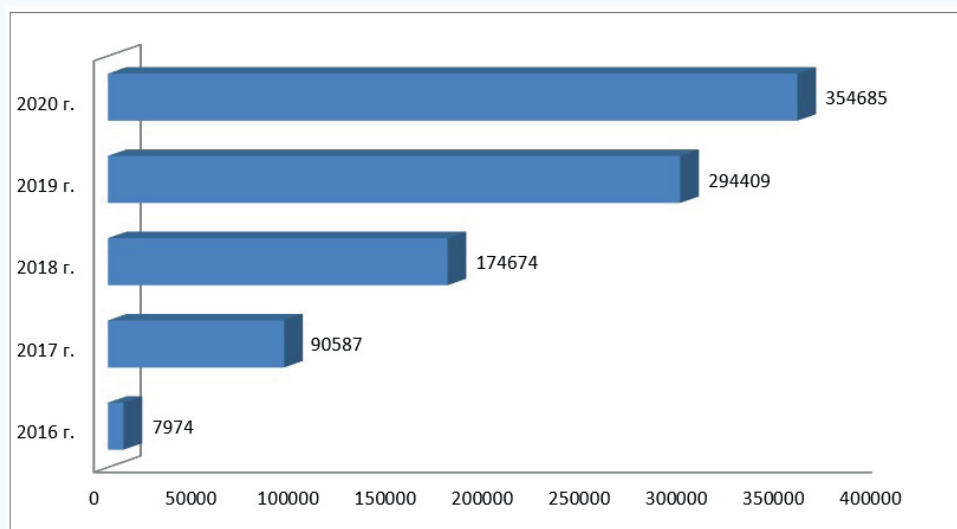

Рис. 1. Сведения о количестве зарегистрированных преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации

Рассматриваемый вид преступлений в отечественном уголовном законодательстве появился сравнительно недавно. Данные преступления в подавляющем большинстве совершаются изоциренно, носят многогранный и латентный характер, их совершение причиняет огромный вред современному обществу, в результате которого создаются порой непоправимые проблемы правообладателям информации разного рода во многих сферах деятельности.

На сегодняшний день участились случаи незаконного использования компьютерной информации, в связи с чем возникает потребность в урегулировании некоторых пробелов в действующем уголовном законодательстве и усилении ответственности в отношении лиц, совершающих несанкциониро-

ванное использование информации, хранящейся на различных электронных носителях.

Уголовные дела, возбужденные по преступлениям в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, имеющиеся в производстве и оконченные расследованием, переданные в суд для дальнейшего их рассмотрения и полного разрешения, позволяют сделать вывод, что в сложившейся ситуации во многих организациях, предприятиях, учреждениях и отраслях производства накопленная компьютерная информация остается наиболее уязвимой и создает лицам, склонным к совершению преступлений рассматриваемого вида, благоприятные условия для совершения противоправных деяний.

Оперативные сотрудники, наделенные правами раскрывать преступления в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, ранее не имели практических наработок и теоретических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений в этой сфере.

Компьютеризация всех слоев населения представляет собой социально значимое явление, ее достижения могут быть использованы не только в хороших, позитивных намерениях (познавательных целях, в целях реализации прав пользователей), но и в целях совершения преступлений компьютерной направленности. Компьютерные преступления носят специфичный характер, в настоящее время они являются новацией в системе уголовного права. Способы их совершения настолько разнообразны и изощренны, что порой сотрудникам управлений «К» при документировании и раскрытии данного вида преступлений приходится сталкиваться с определенными трудностями, в связи с чем разрабатываются и внедряются новые формы и методы оперативно-розыскной деятельности. Необходимо заметить, что одним из важнейших составляющих элементов криминалистической характеристики методики раскрытия преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации (компьютерных преступлений) является субъективная особенность личности преступника, которая на начальном этапе раскрытия преступлений характеризуется лишь скудной информацией, в связи с чем нельзя не согласиться с рядом мнений специалистов, проводивших исследования в данной области, которые предлагают учитывать такие составляющие, как пол, возраст, социальное происхождение, уровень образования, род занятий, наличие специальности, семейное положение, социальный статус, уровень материальной обеспеченности, место жительства, а также места проведения досуга и возможная принадлежность к определенной субкультуре [3, с. 5]. Иными словами, немаловажное значение в раскрытии любого вида компьютерного преступления играет характерологическая особенность психологии личности преступника. Именно детальная информация о личности преступника позволит при глубоком анализе определить и сузить круг подозреваемых лиц, установить мотив

и способ совершения преступления, а также выдвинуть версии, что верно ориентирует и приблизит оперативных сотрудников и следователей к проведению оперативно-розыскных (далее – ОРМ), специальных технических мероприятий (далее – СТМ) и следственных действий, способствующих раскрытию данного вида преступлений.

Понятие «компьютерная информация» является не менее многозначным, чем понятие «информация». Ее место в системе правоотношений, возникающих в информационной сфере, до сих пор является предметом научных дискуссий, которые пока не завершились формированием общепризнанного научного и законодательного определения, поскольку многообразие его толкования отображает весьма сложный характер реального мира.

Проблемы в правоприменительной практике связаны с тем, что, несмотря на важность точного формализованного представления о сущности и свойствах компьютерной информации (как предмета преступления), на законодательном уровне определение «компьютерная информация» появилось относительно недавно. Однако в специальной и учебной литературе предложено множество определений рассматриваемого термина.

Мы попытались дать определения понятиям «компьютерная информация» и «телекоммуникационная сеть» с позиции науки криминалистики. Так, по нашему видению, компьютерная информация как предмет преступления является организационно-упорядоченными сведениями (сообщениями, данными), зафиксированными на машинном носителе или находящимися в оперативной памяти компьютера либо в информационно-телекоммуникационной сети, с реквизитами, позволяющими их идентифицировать, имеющими собственника либо иного законного владельца. Телекоммуникационные сети нами представляются как технические средства (механизмы, оборудование) и устройства информационного обмена, а также программные средства, при помощи которых субъекты информационного права могут обмениваться информацией и обращать информацию в пространстве и времени через технические каналы связи (электросвязи, светоканалы, радиоканалы), представляющие собой технологические системы с различными видами передач (аналоговое и цифровое телевидение, различные виды работы в Интернете, факсимильная, телеграфная, телефонная и др., включая обмен информацией между электронными устройствами и другие виды документальных сообщений) (рис. 2).

Таким образом, уголовно-правовой защите подлежит любая информация, неправомерное обращение с которой может нанести ущерб ее собственнику (владельцу, пользователю). Закрепление предложенных определений в базовом для этой сферы законодательстве, например в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о за-

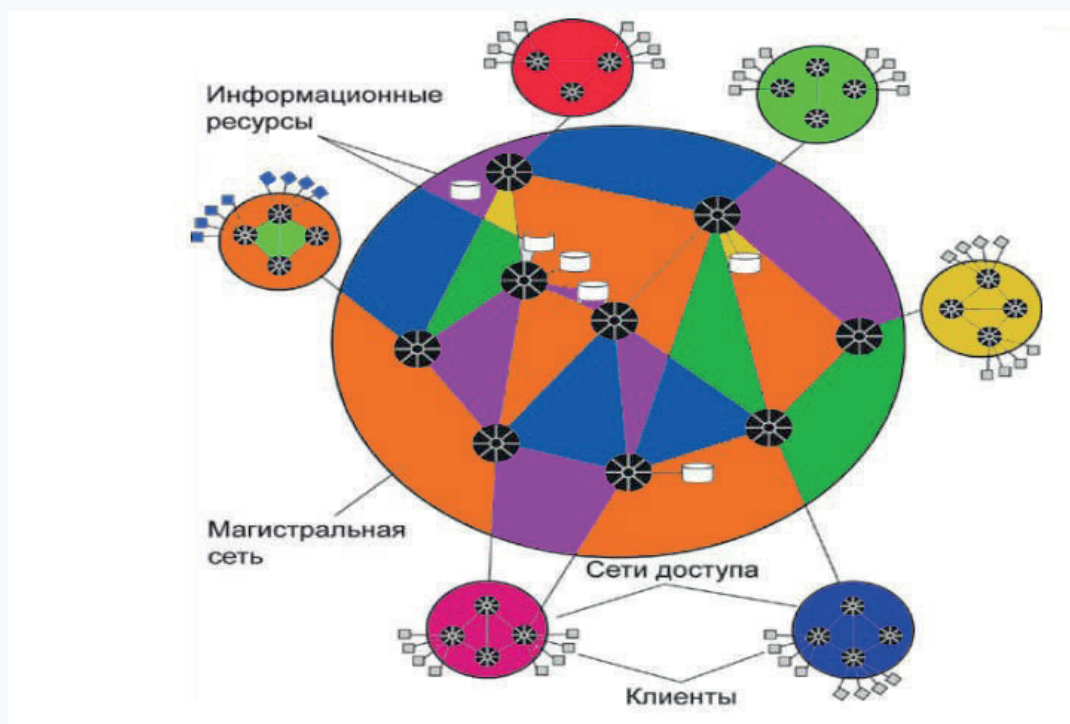

Рис. 2. Телекоммуникационная сеть

щите информации», позволит, на наш взгляд, существенно сократить ошибки в правовом применении рассматриваемых уголовно-правовых норм [1, с. 32].

В настоящее время одними из современных видов совершаемых преступлений являются преступления в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации.

Телекоммуникационные системы и компьютерная информация внедряются во все сферы жизнедеятельности человека, представляют собой сеть развитых технических средств по сбору, передаче, обработке и хранению информации, поэтому они наиболее часто подвержены пристальному вниманию со стороны преступников.

Преступления, совершаемые в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, являются одной из разновидностей преступлений, входящих в гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», а некоторые из них могут тесно взаимодействовать с иными видами преступлений, которые входят в другие главы УК РФ (например, ст. 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ст. 242.2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов», которые входят в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»).

Следует отметить, что сотрудниками Бюро специальных технических мероприятий МВД России постоянно проводятся комплексы мероприятий, направ-

ленных на осуществление как оперативно-поисковых, оперативно-розыскных мер, так и на выявление, пресечение и раскрытие преступлений, предусмотренных ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера», ст. 135 УК РФ «Развратные действия», ст. 242.2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов».

Рассматриваемые виды преступлений обладают следующими криминалистическими особенностями.

1. Компьютерная информация достаточно просто и быстро преобразуется из одной объектной формы в другую, копируется (размножается) на различные виды машинных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств телекоммуникационных сетей.

2. При изъятии (копировании) информации, зафиксированной в телекоммуникационных сетях, а также любого вида компьютерной информации (в отличие от изъятия материального предмета) она может сохраниться в первоисточнике.

3. В большинстве случаев информация, в том числе и телекоммуникационная, становится продуктом общественных отношений, имеет определенную цену и является предметом купли-продажи [2, с. 69].

Такого рода общественные отношения закреплены в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В связи с этим новые информационные технологии не только дали толчок в плане прогресса общества, но и стимулировали возникновение и развитие новых форм преступности. Прогресс в области компьютерной техники и телекоммуникационной среде предоставил злоумышленникам широкие возможности неправомерного доступа к новым техническим средствам и дальнейшему их использованию в противоправных целях.

Как нам известно, виды преступлений в сфере компьютерной информации представлены в гл. 28 УК РФ, а именно:

- ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации»;
- ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»;
- ст. 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей»;
- ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

В связи с тем, что преступления, совершаемые в телекоммуникационных сетях, являются новой разновидностью сферы компьютерных преступлений, законодатель ввел новые нормы неизвестных ранее составов преступлений, что

вызвало необходимость установления уголовной ответственности за причинение вреда в связи с использованием той или иной информации во многих сферах деятельности.

В свое время И.Г. Чекунов говорил о том, что все большее количество государств ставит перед собой в качестве приоритетной цели создание информационного общества на основе широкого внедрения телекоммуникационных технологий. Одной из определяющих задач на этом пути является формирование комплексной инфраструктуры для оказания электронных услуг населению. Постановка этой задачи в России вполне оправданна, поскольку сегодня компьютеры, мобильные средства связи, программное обеспечение, телекоммуникационные системы охватывают практически все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства [4, с. 9]. Однако выстроенные глобальные информационные сети, востребованные современным цивилизованным обществом, все чаще используются и лицами, склонными к совершению различного рода преступлений, и, к нашему сожалению, статистические данные говорят, что такое незаконное использование сферы телекоммуникаций и компьютерной информации из года в год растет (рис. 3) [4, с. 10].

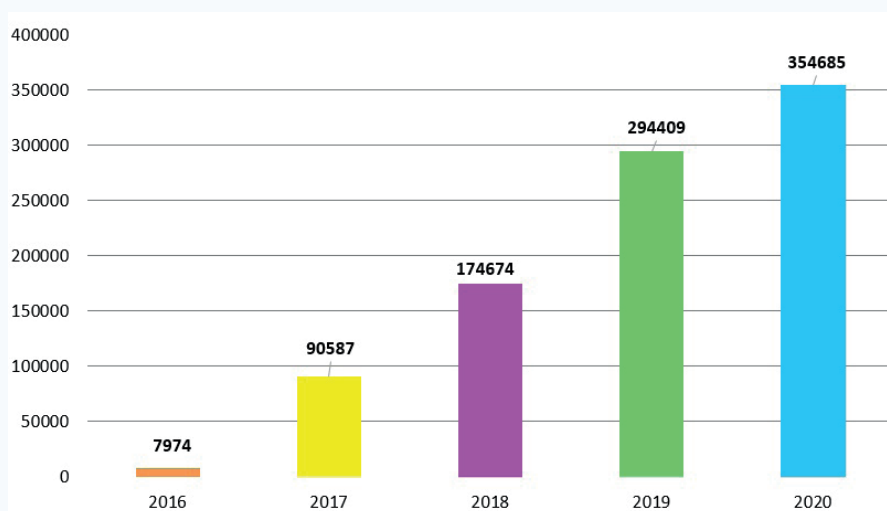

Рис. 3. Сведения о количестве зарегистрированных преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации

Существенно то, что предметом данных преступлений является информация, находящаяся в телекоммуникационных сетях. По данным компании «Лаборатория Касперского», ежедневно злоумышленники создают и используют новые способы заражения компьютерными вирусами и обходят установленные, не отвечающие современным требованиям, способы защиты информации, хранящейся на ПЭВМ. Известно, что количество созданных вредоносных программ ежедневно составляет от 250 до 300 тысяч.

Кроме того, предметом компьютерных преступлений является и оборудование, обеспечивающее информационно-телекоммуникационные процессы.

Непосредственным объектом данных преступных деяний является безопасность информационно-телекоммуникационных систем, базирующихся на использовании ИТКС.

Объективная сторона компьютерных преступлений, и в частности преступлений, совершаемых в телекоммуникационных сетях, характеризуется как действием, так и бездействием. Действие (бездействие) сопряжено с нарушением прав и интересов по поводу пользования информацией, находящейся в телекоммуникационной сети.

Компьютерные преступления имеют материальные составы. Действие (бездействие) должно причинить значительный вред правам и интересам личности, общества или государства (исключением является преступление с формальным составом, предусмотренное ч. 1 ст. 273 УК РФ «Создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации»). Преступные последствия конкретизируются в законе применительно к конкретным видам компьютерных преступлений. Между деянием и последствиями обязательно должна быть установлена причинная связь, относящаяся к элементам криминалистически значимой информации.

Субъективная сторона компьютерных преступлений, а также преступлений, совершаемых в телекоммуникационных сетях, характеризуется умышленной виной. Деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только тогда, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Неосторожная форма вины названа в Особенной части лишь применительно к квалифицированным видам компьютерных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 273 УК РФ и ч. 2 ст. 274 УК РФ.

Субъект компьютерного преступления общий – лицо, достигшее 16 лет. В ст. 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» и ч. 2 ст. 272 УК РФ формулируются признаки специального субъекта – лицо, имеющее доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети.

Однако необходимо заметить, что перечисленные статьи гл. 28 УК РФ в зависимости от создаваемой криминогенной обстановки и появления новых способов совершения преступлений иногда требуют существенных исследований и новых дополнений.

Предлагаем рассмотреть некоторые виды преступлений, совершаемых с использованием ЭВМ (преступления, в которых компьютер является средством достижения цели):

- разработка сложных математических моделей, которые в последующем будут использованы при осуществлении преступного замысла злоумышленника;
- создание «логических бомб» – программ, которые срабатывают при выполнении определенных условий и частично или полностью выводят из строя программное обеспечение компьютерной системы;
- ввод в программное обеспечение «логических бомб»;
- совершение преступления с общим названием «воздушный змей».

Рассмотрим пример данного вида преступления. Злоумышленники в нескольких банках открывают небольшие счета, и деньги «перегоняются» из одного банка в другой и обратно с естественной процентной надбавкой. Цель данной финансовой махинации направлена на то, чтобы информация о сумме перевода в первый банк доставлялась быстрее, чем поступающее платежное поручение из другого банка, до того, как будет обнаружено, что перевод не обеспечен необходимой денежной суммой. Данные денежные манипуляции осуществляются неоднократно, с каждым разом увеличивая конечную сумму, пока процентная ставка денежных переводов не будет устраивать мошенников и их преступный замысел не будет удовлетворен. В результате достижения преступной цели деньги с конечного счета присваиваются преступниками, которые впоследствии скрываются. В данной афере чем больше банков задействовано, тем больше и быстрее накапливается желаемая денежная сумма. Такой вид совершения преступления возможен при осуществлении операций при помощи компьютера.

Библиографический список

1. Алескеров, В.И. Информация как основной элемент, характеризующий преступления в телекоммуникационной сети / В.И. Алескеров, Ф.А. Куц // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – Домодедово : ВИПК МВД России. – 2013. – № 2(26). – С. 32-37.
2. Алескеров, В.И. К вопросу о преступлениях, совершаемых в телекоммуникационных сетях / В.И. Алескеров, Ф.А. Куц // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – Домодедово : ВИПК МВД России. – 2012. – № 3(23). – С. 67-69.
3. Ворошилова, Т.В. Социальная и психологическая характеристика личности компьютерного преступника / Т.В. Ворошилова. – М., 2009.
4. Чекунов, И.Г. Современные киберугрозы. Уголовно-правовая и криминологическая классификация и квалификация киберпреступлений / И.Г. Чекунов // Право и кибербезопасность. – 2012. – № 1. – С. 9-10.

**ПОНЯТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ
КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**THE CONCEPT AND PUBLIC DANGER OF CORRUPTION-
RELATED CRIME IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Мальков Сергей Михайлович,
*начальник кафедры уголовного права
и криминологии Сибирского юридического
института МВД России (г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент*

serqeymalkov@mail.ru

Ключевые слова:

коррупция, органы внутренних дел, признаки коррупционной преступности, личность коррупционного преступника, коррупционные преступления, общественная опасность.

Keywords:

corruption, internal affairs bodies, signs of corruption crime, the identity of a corruption criminal, corruption crimes, public danger.

В статье на основе анализа теоретических положений и действующего законодательства раскрывается понятие и формулируются признаки коррупционной преступности в органах внутренних дел. Обращено внимание на основные и иные преступления, входящие в структуру коррупционной преступности, а также на коррупциогенную личность преступника – сотрудника органа внутренних дел, склонного к совершению коррупционных преступлений. Анализируется общественная опасность коррупционной преступности в органах внутренних дел через рассмотрение политического, организационного, социального, экономического и психологического аспектов.

Based on the analysis of theoretical provisions and current legislation, the article reveals the concept and formulates the signs of corruption crime in the internal affairs bodies. Attention is drawn to the main and other crimes included in the structure of corruption crime, as well as to the corrupt personality of the criminal – employees of the internal affairs body who are prone to committing corruption crimes. The article analyzes the public danger of corruption crime in the internal affairs bodies through the consideration of political, organizational, social, economic and psychological aspects.

Коррупционная преступность в органах внутренних дел, являясь наиболее опасным видом преступности в правоохранительных органах, нуждается в четком и конкретном анализе ее признаков. Рассмотрим эти признаки.

Первым признаком коррупционной преступности в органах внутренних дел выступает коррупционное преступление. Совокупность данных преступлений представляет коррупционную деятельность, ядро которой представлено должностными преступлениями [4, с. 87]. Следует уточнить, что преступная деятельность определяется допреступными и посткриминальными общественно опасными деяниями с единым мотивом [9, с. 21].

Роль коррупционной преступной деятельности в органах внутренних дел состоит в интеграции всех признаков коррупционной преступности, характеризует личность преступника и обладает важнейшим сущностным признаком для любой преступности – общественной опасностью [11, с. 14-15].

Основным коррупционным преступлением является взяточничество [10, с. 13]. Вместе с тем коррупционная преступность в органах внутренних дел включает и иные преступления, которым присущи следующие признаки:

– специальные субъекты, то есть должностные лица; лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201, 285 УК РФ;

– необходимая объективная связь между преступным поведением и должностным или служебным положением;

– корыстная мотивация субъекта преступления и совершение данного преступления с прямым, заранее обдуманым и определенным умыслом.

Вторым признаком коррупционной преступности в органах внутренних дел выступает коррупциогенная личность преступника – лицо с высокой склонностью к коррупционному поведению и низким антикоррупционным потенциалом [6, с. 25].

Личностный смысл коррупционной преступности в органах внутренних дел состоит в том, что сотрудники или федеральные государственные гражданские служащие МВД России, совершая коррупционные преступления, стремятся удовлетворить личные и корпоративные интересы, связанные с материальной потребностью. Целью таких преступлений является извлечение различных выгод и преимуществ имущественного характера для себя или других лиц [2, с. 261]. Именно поэтому коррупционная преступная деятельность рассматривается как источник повышения материального благосостояния и становится обязательным атрибутом коррупционного преступника [3, с. 46].

Отрицательная характеристика сотрудников и государственных гражданских служащих, совершающих коррупционные преступления в органах внутренних дел, заключается в возможности совершения нового коррупционного преступления и продолжения коррупционной преступной деятельности. Кроме того, отметим, что опасность лица, совершившего коррупционное преступление, является не только потенциальной, но и уже существующей [5, с. 74]. При этом уже в самой личности сотрудника органов внутренних дел формируется стойкая установка в приспособлении к существующему социуму через коррупционное поведение и существенное изменение личного отношения к социальным ценностям. Именно это и определяет реальную возможность совершения нового преступления.

Третий признак заключается в наличии и использовании должностного или служебного положения. Лицо совершает действия, входящие в круг должностных или служебных обязанностей, использует авторитет занимаемой должности, возможности, предоставляемые служебным положением [8]. В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» под служебными полномочиями следует понимать такие действия (бездействие) должностного лица, которые оно имеет право и (или) обязано совершить в пределах его служебной компетенции (например, сокращение установленных законом сроков рассмотрения обращения взяткодателя, ускорение принятия должностным лицом соответствующего решения, выбор должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для взяткодателя или представляемых им лиц решения).

Обратимся к общественной опасности коррупционной преступности в органах внутренних дел.

Общественную опасность коррупционной преступности в органах внутренних дел можно определить, во-первых, через содержание юридических признаков, входящих в состав преступления, во-вторых, через ряд факторов, лежащих за пределами законодательной модели преступления, в частности через вредоносность и прецедентность [12, с. 20-21].

Вредоносность состоит в негативных и существенных последствиях, причиняемых всей системе государственной власти Российской Федерации, интересам государственной, муниципальной и негосударственной службы, а также деятельности лиц, наделенных полномочиями в соответствии с действующим законодательством.

Вредоносность коррупционной преступности в органах внутренних дел можно рассмотреть через пять аспектов: политический, организационный, социальный, экономический и психологический.

Политический аспект вредоносности заключается в искажении существующей государственной идеологии, которое подрывает нормальную реализацию органами власти и их представителями действующего законодательства и иных нормативных документов, стратегий и концепций, федеральных, региональных и муниципальных проектов и программ.

Следует указать, что коррупционная преступность в органах внутренних дел существенно препятствует проведению необходимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий в целях предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений, привлечению к ответственности за совершение административных правонарушений и их предупреждению, согласованному взаимодействию всех субъектов по предупреждению преступности между собой. Необходимо отметить, что коррупционная преступность существенно подрывает авторитет органов внутренних дел, а также отрицательно сказывается на способности эффективно противостоять преступности и иным современным вызовам, например наркоугрозе, терроризму, экстремизму. Все это негативно сказывается и на деятельности государства в качестве гаранта безопасности общества, предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышении эффективности защиты прав и законных интересов граждан.

Организационный аспект вредоносности состоит в нарушении эффективно-го функционирования органов внутренних дел, невозможности выполнения задач, стоящих перед ними, в выполнении несвойственных для органов внутренних дел мероприятий, в существенном упущении кадровой политики ведомства, порождении бюрократии и др.

Социальный аспект вредоносности коррупционной преступности в органах внутренних дел заключается в самых разнообразных последствиях, которые наступают для общества. В частности, в развитии толерантности (отсутствии сопротивления) граждан к коррупционной преступности. На фоне терпимости граждан к коррупции повышается социальный пессимизм в отношении возможностей эффективной борьбы с коррупцией государственных служащих, которым антикоррупционная деятельность прямо или косвенно вменена в служебные обязанности [7].

Экономический аспект вредоносности коррупционной преступности в органах внутренних дел проявляется в сращивании ее с экономической преступностью [1, с. 8] и свидетельствует о создании благоприятных условий для криминальной экономической деятельности, которая оказалась чрезвычайно рентабельной по сравнению с законной деятельностью.

Коррупционная деятельность сотрудников органов внутренних дел не позволяет предпринять реальные шаги по подрыву экономической основы организованной преступности, усилить контроль со стороны ведомства за кредит-

но-финансовой сферой, которая является наиболее удобной для легализации криминального капитала. Как следствие, это способствует легализации преступных капиталов, распространению новых видов общественно опасной экономической деятельности, а также проникновению в отечественную экономику иностранных криминальных группировок, в том числе тех, которые использовали обычную экономическую деятельность как прикрытие для криминального бизнеса.

Психологические последствия коррупционной преступности в органах внутренних дел заключаются в негативном воздействии на общество при осуществлении служебной деятельности. Коррупционная деятельность оказывает ощутимое негативное морально-психологическое воздействие на граждан, порождает беспокойство за свою жизнь и жизнь близких, вселяет чувство неуверенности в будущем и незащищенности, появляется неверие людей в способность органов внутренних дел защитить их от преступности.

Существование коррупции в органах внутренних дел способствует отрицанию как населением, так и самим сотрудниками правоохранительных органов необходимости существования правовых антикоррупционных норм, а следовательно, низкому уровню их правосознания и правовой культуры, минимальному уровню солидарности с уголовно-правовыми запретами. Именно недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм граждан выступают сегодня серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права. Поэтому некоторые факты коррупционного поведения оправдываются, признаются социально допустимыми и даже одобряемыми.

Библиографический список

1. Алимбиев, С.А. Причины и условия правонарушений коррупционной направленности : научно-практическое пособие / С.А. Алимбиев. – Екатеринбург, 2010.
2. Волженкин, Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б.В. Волженкин. – СПб., 2005.
3. Гуров, А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А.И. Гуров. – М., 1990.
4. Зелинский, А.Ф. Криминальная психология / А.Ф. Зелинский. – Киев, 1999.
5. Касперович, Ю.Г. Особенности личности сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности / Ю.Г. Касперович [и др.]. – М., 2013.

6. Кобзарь, Е.В. Коррупция как социальное явление и одна из системных угроз безопасности Российской Федерации : учебное пособие / Е.В. Кобзарь. – Ногинск, 2013.
7. Кулыгин, В.В. Правовой нигилизм и коррупционная психология: грех от закона / В.В. Кулыгин // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова. – Хабаровск, 2013.
8. Незнамова, З.А. Понятие коррупции и коррупционных преступлений / З.А. Незнамова. – URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1226500>.
9. Петелина, Л.В. Изучение и предупреждение коррупции в правоохранительных органах : дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Петелина. – Омск. 1998.
10. Ступина, С.А. Коррупционная преступность в России и Сибирском федеральном округе / С.А. Ступина, Р.С. Савенков // Актуальные проблемы профилактики коррупции в России на современном этапе : сборник материалов методологического семинара (г. Красноярск, 18-19 февраля 2010 г.) / отв. ред. Д.Д. Невирко. – Красноярск, 2010.
11. Шеслер, А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А.В. Шеслер. – Саратов, 2006.
12. Шеслер, А.В. Уголовно-правовая политика и ее реализация / А.В. Шеслер. – Красноярск, 2002.

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ**

**PATTERNS OF TRACE FORMATION AS THE BASIS
OF THE FORENSIC ACTIVITY OF THE INVESTIGATOR**

Самойлов Александр Юрьевич,

доцент кафедры криминалистики

Уфимского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

Som78@yandex.ru

Ключевые слова:

следы преступлений, расследование преступлений, сбор доказательств.

В статье рассматриваются особенности закономерностей появления, сбора, исследования, оценки и использования доказательств, которые служат основой для разработки и внедрения криминалистических средств и способов судебного исследования и предотвращения преступлений. Кроме того, в статье определяются как фактические, так и юридические основания, условия, правила и порядок производства осмотра места происшествия с целью определения механизма слепообразования.

Keywords:

the traces of the crimes, investigation of crimes, collection of evidence.

The article discusses the features of the laws of the appearance, collection, research, evaluation and use of evidence, which serve as the basis for the development and implementation of forensic tools and methods of judicial research and crime prevention. In addition, the article defines both the actual and legal grounds, conditions, rules and procedure for conducting an inspection of the scene of an accident in order to determine the mechanism of trace formation.

Ученые в своих дискуссиях, касающихся проблем производства следственных действий, начинают с рассмотрения вопроса о проведении осмотра места происшествия, так как без проведения указанного следственного действия невозможно представить досудебное производство по уголовному делу любых категорий преступлений. Определение механизма образования следов очень сложно переоценить, так как без него трудно проанализировать весь механизм имевшего место преступного события. Подчеркну, что только качественный и своевременный осмотр места происшествия позволит следователю установить сущность произошедшего преступного события, получить информацию о механизме образования следов, способе совершения преступных действий, личностях потерпевшего и преступника, мотивах и целях совершения преступления, других обстоятельствах, способствующих раскрытию и расследованию преступления. Для максимально эффективного определения механизма слеодообразования необходимо четко знать как фактические, так и юридические основания, условия, правила и порядок производства осмотра места происшествия. Знание таковых поможет соотнести свои действия с требованием закона и получить в результате производства рассматриваемого следственного действия допустимое доказательство. Данными знаниями о требованиях, определенных уголовно-процессуальным законодательством, предъявляемых к производству осмотра места происшествия, должны обладать и лица, в чьих помещениях он будет проводиться, что позволит соблюдать принцип законности, и в этом случае сомнения по поводу юридической силы будут отсутствовать.

Задача построения справедливого социума, удачно решаемая российским народом и его государством, просит предстоящего укрепления законности как базы совершенствования работы всех звеньев муниципального аппарата и неуклонного роста демократии. Правоохранительная система присваивает особенное значение обеспечению жесткого соблюдения российских законов, искоренению нарушений правопорядка, ликвидации преступности и обстоятельств, ее порождающих [4, с. 280]. Укрепление законности – это задача не только муниципального аппарата. Общественные организации, профсоюзы должны сделать все, чтоб обеспечить строжайшее соблюдение законов, сделать лучше правовое воспитание граждан. Почтение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это в первую очередь относится к работе должностных лиц.

В решении данной задачи значительную помощь полиции, следователям, судам и прокуратуре оказывает наука, которая изучает и обобщает опыт борьбы с преступностью, разрабатывает современные методы расследования преступлений, изучает предпосылки преступности в нашей стране, изыскивает пути устранения причин, способствующих совершению преступлений.

Важную роль в исследовании и разработке методов борьбы с преступностью играет криминалистика.

Всякое преступление совершается в критериях настоящей реальности и в силу общего закона диалектики о связи и взаимообусловленности всех предметов, фактов, явлений вещественного мира определенным образом соединено с окружающей средой [4, с. 38].

Образование следов преступной деятельности, то есть их различных «отображений» в окружающей среде, становится вероятным и неизбежным из-за такой универсальной характеристики материи, как свойство отражения.

Такой процесс подчиняется определенным законам, которые отличаются не только качеством отражаемых и отражающих объектов, но и критериями для отражения. Это событие по-разному отображается в памяти и окружающей обстановке.

Применительно к механизму преступления можно обозначить три группы закономерностей: возникновения и развития связей и отношений внутри механизма преступления (связь между действием и результатом, повторяемость действий в сходных ситуациях, стереотипы поведения субъекта преступления и т.п.); преступления, формирования и реализации способа совершения и сокрытия преступления, связь способа с личностью преступника, зависимость способа от конкретных обстоятельств совершения преступления и т.п.; возникновения и течения явлений, связанных с преступлением (как до, так и после его совершения), имеющих значение для расследования; скрытность подготовки к совершению преступления, выбор средств, рекогносцировка обстановки, изучение предмета преступного посягательства и др. [2, с. 56].

Исследование доказательств представляет собой знание лицом, ведущим расследование, их содержания, проверку достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательств, установление согласуемости этого подтверждения со всеми остальными доказательствами.

Оценка доказательств – логический процесс установления допустимости и относимости доказательств, наличия связей меж ними, определения значения и путей использования доказательств для обнаружения правды. [3, с. 76]

Чтобы работа лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств была целеустремленной и действенной, она обязана опираться на крепкие научные базы. Это значит, что средства, приемы и методики работы с подтверждениями обязаны быть не результатом случайного фуроора либо эмпирических советов, а разработаны исходя из познания и учета закономерностей появления доказательств и закономерностей их собирания, исследования, оценки и использования, должны вытекать из содержания сиих закономерностей и тех явлений,

в каких сии закономерности появляются. Советы криминалистики должны отвечать современным задачам борьбы с преступностью [3, с. 76].

Вся система средств, приемов и методик расследования и предотвращения преступлений является одной из частей предмета криминалистической науки, его «наружной» частью, так как конкретно она создана для использования в практике борьбы с преступностью, то есть вне науки.

Знание законов, регулирующих внешний вид, сбор, исследование, оценку и использование доказательств, служит основой для разработки и применения методов расследования и предупреждения преступности. Криминалистические методики отличаются по своему назначению, расположению и содержанию. Группируя их в соответствии с общими для них характеристиками, их официальной ролью и содержанием, можно систематизировать их и определить содержание других частей криминалистики.

Суть средств, приемов и методов криминалистики состоит в том, что они по собственному содержанию являются данными технических и естественных наук, специально применяемыми для борьбы с преступностью. Естественнаучная основа таких средств и приемов присваивает термину «техника» в известной степени условное значение [1, с. 48].

Можно с полным правом считать криминалистику одним из главных каналов, по которым данные остальных наук, в особенности естественных и технических, внедряются в реальную работу органов полиции, следствия, суда и экспертных учреждений.

Разработка и улучшение имеющихся средств, приемов и методов борьбы с преступностью невообразимы без исследования практики данной борьбы. Потому криминалистика изучает следственную и судебную практику, практику экспертного исследования доказательств, выявляет все передовое, разбирает допускаемые ошибки и недочеты. Подобное всестороннее исследование практики позволяет давать реальным работникам советы по совершенствованию способов их работы. Развитие криминалистики невообразимо в отрыве от практики, ибо сама криминалистика существует для практики, порождена практикой и призвана ее обслуживать. В этом заключается ее основная служебная функция. Система специальных методов криминалистики постоянно изменяется и расширяется. Их разработка ведется по разным направлениям. Они характеризуются тем, что новые методы возникают на базе существующих методов криминалистики или методов других наук, творчески используемых криминалистикой. В первом случае существующие методы криминалистики совершенствуются до такой степени, что возникают новые. Так, появление силиконовых паст привело к возникновению новых методов получения слепков со следов. Во втором случае на базе существующих методов возникают новые

(например, на базе математических методов возник метод количественной характеристики признаков почерка).

Длительное время криминалисты считали, что сфера внедрения их науки ограничивается предварительным расследованием. Криминалистику называли даже наукой о предварительном следствии. Но практика показала, что суд при проведении судебного следствия также применяет бессчетные криминалистические средства и приемы работы с доказательствами, при всем этом специфичность судебного следствия такая, что она диктует необходимость специальной разработки вопросов использования данных криминалистики. Мировоззрение о том, что сферой внедрения криминалистики является не только лишь предварительное, но и судебное следствие на данный момент стало признанным. Очень действенным представляется внедрение данных криминалистики и в гражданском судопроизводстве, где криминалистические методы употребляются при допросах в судебном заседании, осмотре, экспертном исследовании документов и т.д.

В организационном плане определение закономерностей механизма следообразования предоставляет возможность без искажения получить объективную информацию о произошедшем событии, зафиксировать данную информацию и использовать ее при расследовании и раскрытии преступления. В данном случае, проводя осмотр, необходимо лично, решить вопрос о важности именно тех следов, которые будут играть решающее значение при доказывании по уголовному делу. Большое доказательственное значение приобретают все предметы, которые в последующем будут являться вещественными доказательствами и способствовать эффективному раскрытию и расследованию преступлений. Процедура фиксации и изъятия обозначенных предметов должна быть выполнена безупречно как с процессуальной, так и с тактической стороны.

Библиографический список

1. Винберг, А.И. Криминалистика и доказывание / А.И. Винберг. – М., 2006.
2. Егоров, Н.Н. Криминалистическая методика : учебное пособие для вузов / Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко. – М. : Юрайт, 2021.
3. Матусовский, Г.А. Криминалистика в системе научных знаний / Г.А. Матусовский. – Харьков, 2006.
4. Пантелеев, И.Ф. Методика расследования преступлений / И.Ф. Пантелеев. – М., 2013.

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА
ПО ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА,
ПОСТУПИВШЕГО С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ**

**FEATURES OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY
ON THE STUDY OF THE MATERIALS
OF THE CRIMINAL CASE RECEIVED WITH THE INDICTMENT**

Трифонова Кристина Алексеевна,
*доцент кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

trifonova1102@mail.ru

Ключевые слова:

прокурор, дознание в сокращенной форме, надзор, обвинительное постановление, дополнительное расследование.

В статье анализируется надзорная деятельность прокурора при производстве дознания в сокращенной форме. Автором выделены основные компоненты, своеобразные маркеры качества деятельности дознавателя. Обозначен вывод, что решение прокурора, инициирующее смену формы расследования, свидетельствует о некачественно проведенном расследовании и по существу выполняемых в дальнейшем действий дознавателя имеет схожие черты с дополнительным расследованием в узком смысле, т.е. продолжением обвинительной деятельности.

Keywords:

prosecutor, inquiry in abbreviated form, supervision, indictment, additional investigation.

The article analyzes the supervisory activity of the prosecutor during the investigation in an abbreviated form. The author identifies the main components, the original «markers» of the quality of the investigator's activity. The conclusion is drawn that the prosecutor's decision initiating a change in the form of the investigation indicates a poorly conducted investigation and the nature of the investigator's actions performed in the future has similar features to an additional investigation in the narrow sense, i.e., the continuation of prosecutorial activities.

Контрольно-надзорная деятельность властных субъектов в сфере уголовного судопроизводства составляет одно из основных направлений в целях обеспечения качества предварительного расследования. В настоящее время функционирует «многоступенчатый контрольно-надзорный механизм» управления деятельностью органов предварительного расследования. Тем не менее Президент РФ В.В. Путин на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ по подведению итогов работы ведомства за 2020 г. отметил, что важнейшей задачей органов прокуратуры остается борьба с преступностью. И для ее решения органы прокуратуры должны делать все необходимое для «повышения» раскрываемости преступлений, в том числе требовать более качественной работы от органов дознания и предварительного следствия. В свою очередь, Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов подчеркнул, что прокурорский надзор на всех стадиях должен быть своевременным и эффективным¹.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ, в частности приказом Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», прокурор осуществляет надзор на каждом этапе расследования преступления независимо от формы расследования. Прокурорский надзор за производством по уголовному делу в порядке гл. 32.1 УПК РФ направлен на пресечение искусственного создания условий для осуществления дознания в сокращенной форме. В предмет надзора включена не только деятельность дознавателя по проверке сообщения о преступлении, но и заключительный этап расследования, вплоть до утверждения обвинительного постановления и направления уголовного дела в суд. В то же время полномочия прокурора не ограничены лишь надзорными функциями. Уголовно-процессуальное законодательство обеспечивает реализацию прокурором функции уголовного преследования. Прокурор продлевает срок проверки сообщения о преступлении, дает согласие дознавателю на производство следственных и процессуальных действий, ограничивающих конституционные права граждан, продлевает срок дознания в сокращенной форме и др. Такие обширные полномочия прокурора обоснованы, так как упрощение расследования создает благоприятную почву для нарушений законности.

Надзорная деятельность прокурора за сокращенной формой дознания многоуровневая и состоит из специфических компонентов, несколько отличающих эту деятельность от производства надзора за дознанием, осуществляемым в общем порядке. Можно выделить своеобразные маркеры качества проведенного расследования, соблюдение которых проверяется прокурором на протя-

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65165>.

жении всего расследования преступления в сокращенной форме в зависимости от его этапов и в конечном итоге повторно проверяется при поступлении уголовного дела с обвинительным постановлением.

На первоначальном этапе проверяется своевременность выполнения дознавателем требований ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ, т.е. по принятию решения в связи с поступившим ходатайством подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, а также соблюдение дознавателем установленных процессуальных сроков. Прокурор проверяет факт разъяснения права ходатайствовать в двухсуточный срок о производстве дознания в сокращенной форме, порядка и правовых последствий в случае применения положений гл. 32.1 УПК РФ до начала первого допроса подозреваемого, а также наличие отметки об этом в протоколе допроса подозреваемого, подписей самого подозреваемого и его защитника.

Одним из направлений деятельности прокурора является предотвращение искусственного затягивания сроков расследования. Ситуация несвоевременного допроса подозреваемого (в течение длительного времени после возбуждения дела в отношении лица с целью «отсрочки» разъяснения права на сокращенный порядок дознания и получения таким образом возможности провести как можно больше следственных и процессуальных действий в этот срок) возникает в силу отсутствия в УПК РФ четко установленного времени допроса подозреваемого, когда такой процессуальный статус определяется моментом возбуждения уголовного дела. Сжатые сроки первого допроса подозреваемого по существу подозрения установлены только при задержании лица (ст. 91 УПК РФ) и при вручении лицу уведомления о подозрении (ст. 223.1 УПК РФ). Действия прокурора должны быть также направлены на предотвращение указанной негативной ситуации и принятие мер прокурорского реагирования с целью реализации участниками судопроизводства права на доступ к правосудию в разумный срок.

Проверке подлежит также соблюдение срока рассмотрения ходатайства подозреваемого о выборе сокращенной формы дознания (не более 24 часов), результат его рассмотрения дознавателем, а также письменное уведомление потерпевшего о принятом решении. Тщательной проверке подлежит ключевое постановление дознавателя – постановление о производстве дознания в сокращенной форме через призму правильности квалификации содеянного с целью исключения ее необоснованного занижения, а также достаточности оснований для производства дознания в сокращенной форме. Фактически к данному моменту должны быть установлены обстоятельства совершенного преступления, отраженные в материале процессуальной проверки, так как требование п. 2 ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ формулирует правило о неизменности правовой оценки, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела. В связи с

этим отдельные исследователи предлагают предусмотреть возможность изменять (уточнять) и представлять окончательную квалификацию содеянного в обвинительном постановлении, которую подозреваемый также не может оспаривать [1, с. 16-17].

Законность и обоснованность постановления о производстве дознания в сокращенной форме следует оценивать с учетом срока вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству и правила о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица. Отметим, что данное обстоятельство существенно сдерживает применение рассматриваемой формы расследования.

Хотелось бы отметить, что оценить соблюдение дознавателем рассмотренных выше требований закона в совокупности не представляет сложности, когда уголовное дело поступило в прокуратуру для итоговой проверки. Между тем перед прокурором стоит задача предотвратить нарушение указанных норм еще на начальном этапе принятия решения о сокращенной форме дознания, поэтому важен предварительный надзор. В ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ указано, что прокурору направляется только уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме.

Приказ Генеральной прокуратуры от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» более детально регламентирует действия прокурора по организации проверки законности решений дознавателя, а именно: соблюдение срока уведомления, проверка отказа удовлетворения ходатайства, правильность квалификации, проверка срока разъяснения прав подозреваемому и т.д., вплоть до проверки подписи защитника на ходатайстве. В связи с этим представляется целесообразным предусмотреть в ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ направление прокурору не уведомления, а копии ходатайства подозреваемого и постановления об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме либо постановления об отказе в удовлетворении ходатайства.

Второй этап надзорной деятельности прокурора связан непосредственно с проверкой процедуры расследования уголовного дела в сокращенной форме. Безусловно, в ходе текущего надзора прокурор вправе давать дознавателю указания о направлении расследования и производстве необходимых процессуальных действий. Проверая уголовное дело, поступившее с обвинительным постановлением, прокурору следует проанализировать обоснованность принятых дознавателем решений, например о выделении материалов уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемого, совершившего преступление в соучастии и заявившего ходатайство о сокращенной форме дознания, если в отношении других подозреваемых или обвиняемых производство осуществляется в общем порядке. Сложности при принятии такого

решения могут возникать, если вину признает только подозреваемый, заявивший ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме. Полагаем, что в этом случае законность выделения уголовного дела требует тщательной оценки прокурором при осуществлении надзора, так как решение дознавателя может повлиять на всесторонность и объективность расследования. Решение о соединении уголовных дел (ч. 3 ст. 154 УПК РФ) также следует оценивать на предмет своевременности.

Надзор за соблюдением сокращенных процессуальных сроков составляет основу проверочной деятельности прокурора как в ходе расследования, так и в дальнейшем при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным постановлением. Ключевым моментом является проверка обоснованности продления срока дознания в случаях удовлетворения ходатайства обвиняемого, его защитника, потерпевшего или его представителя при ознакомлении с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела.

Меры прокурорского реагирования касаются не только случая удовлетворения ходатайства, но и незаконного или необоснованного отказа в удовлетворении. Указанное решение влечет отмену постановления о производстве дознания в сокращенной форме и производство расследования в общем порядке.

В случае отмены прокурором необоснованного или незаконного постановления дознавателя об отказе в удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме производство по делу может продолжаться, если не истекли процессуальные сроки для этой формы расследования. Если сроки истекли, то прокурор должен отказать в удовлетворении жалобы.

На завершающем этапе надзора прокурор изучает все материалы уголовного дела в совокупности с поступившим с обвинительным постановлением. Полномочия прокурора на данном уровне регламентированы положениями ст. 226.8 УПК РФ. Большинство из них направлены на пресечение дальнейшего нарушения законности.

Прокурор изучает поступившие материалы уголовного дела с учетом специфики доказательственной деятельности сокращенной формы дознания, ее минимального объема. Особое внимание следует уделять собранным материалам процессуальной проверки, которые надлежит оценить с точки зрения их использования в качестве доказательств, если они не проверялись путем производства следственных действий.

Законодатель дифференцированно подошел к установлению срока изучения уголовного дела на данном уровне. При сокращенной форме дознания он увеличен до 3 суток, что связано с необходимостью более тщательной проверки уголовного дела в виду специфики формы расследования и доказательственной деятельности. Обязательной проверке подлежит соблюдение дознавателем требований уголовно-процессуального закона на окончательном этапе

расследования (ст. 226.7 УПК РФ): соблюдение десятисуточного срока составления итогового обвинительного документа со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме и ознакомление обвиняемого и его защитника не позднее 3 суток со дня вынесения постановления с итоговым документом и уголовным делом. Аналогичное правило установлено для потерпевшего и его представителя при наличии ходатайства. Если указанные сроки не соблюдены, то надлежит проверить законность решения о переходе к дознанию в общем порядке.

Принимаемые решения прокурора влияют на дальнейшее движение уголовного дела: либо обеспечивают переход на судебную стадию, либо препятствуют этому. С целью устранения недостатков, допущенных при составлении обвинительного постановления, прокурор может возвратить уголовное дело дознавателю. Аналогичное полномочие имеется у прокурора при проверке уголовного дела, поступившего с обвинительным актом. При этом требования к итоговому документу фактически идентичны, поскольку требования к обвинительному постановлению и обвинительному акту регламентированы ст. 225 УПК РФ. При проверке уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением, прокурор соотносит данные, указанные в обвинительном постановлении, с требованиями пп. 1-8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, несмотря, как было указано ранее, на усеченные предмет и пределы доказывания. Поэтому возвращение уголовного дела дознавателю по данному основанию может свидетельствовать не только о формальных нарушениях, допущенных при составлении итогового документа, но и о неполноте проведенного расследования.

Направление уголовного дела для производства дознания в общем порядке по своей сути близко к дополнительному расследованию, так как для устранения препятствий (п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ) дознаватель будет производить различные по характеру следственные и процессуальные действия. Причинами, послужившими переходу производства в общий порядок, могут являться: неполное выяснение данных о субъекте преступления; выяснение новых данных о характере преступной деятельности; наличие иных данных, не влияющих на объем доказательственной информации. Последняя причина обусловлена слишком широкими полномочиями потерпевшего, который, возражая против производства дознания в сокращенной форме, фактически безосновательно видоизменяет форму дознания. Справедливо замечание в этом контексте А.В. Спирина и Н.М. Журавлевой, что такое изменение может происходить даже под воздействием эмоционального порыва [2, с. 90]. Зависимость формы расследования от мнения участников, имеющих самостоятельный интерес в уголовном деле, способствует злоупотреблению данным правом, в том числе и со стороны подсудимого, который в любой момент может отказаться от признания вины.

Дознаватель, устраняя эти препятствия, фактически осуществляет дополнительное расследование. Складывающиеся ситуации при сокращенной форме дознания могут быть достаточно разнообразны и влечь за собой продолжение обвинительной деятельности при принятии прокурором решения в порядке п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ, например самооговор обвиняемого, недостаточность доказательств, необходимых для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного вреда, виновности лица, неустановление дознавателем данных о субъекте преступления, признание доказательства недопустимым, что влечет «пробельность» в доказательственной базе. Каждый раз речь идет о некачественно проведенном дознании.

Как видим, количество возможных нарушений, допускаемых дознавателем, велико, что может сказаться на формулировке обвинительного тезиса, в связи с этим интересным представляется предложение А.В. Спирина о возложении на прокурора обязанности составлять обвинительное постановление, что повысило бы требовательность прокурорского надзора и подготовило бы прокурора к поддержанию государственного обвинения [3, с. 48].

Подводя итог, отметим, что предмет надзорной деятельности прокурора за сокращенной формой дознания широк, в связи с чем расширение полномочий прокурора обосновано не только надзором, но и осуществлением уголовного преследования. От качества процессуальных действий дознавателя на начальном этапе зависит дальнейшее расследование, поэтому прокурор должен обладать правом истребования материалов процессуальной проверки, чтобы оценить правильность ключевого постановления дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме.

Библиографический список

1. Журавлева, Н.М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.М. Журавлева. – Омск, 2020. – 27 с.
2. Спирин, А.В. Особенности прокурорского надзора за дознанием в сокращенной форме / А.В. Спирин, Н.М. Журавлев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1(43). – С. 88-96.
3. Спирин, А.В. Особенности формулирования обвинения при производстве дознания в сокращенной форме / А.В. Спирин // Российский следователь. – 2018. – № 3. – С. 44-48.

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ
МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ**

**FEATURES OF THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION
OF FRAUD IN THE FIELD OF INSURANCE**

Трубчанинов Алексей Викторович,
*старший преподаватель кафедры
предварительного расследования учебно-научного
комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России*

trav34rus@mail.ru

Ключевые слова:

мошенничество, преступление, страхование, имущество, следообразование, личность преступника, личность жертвы, собственность, оперативно-розыскная деятельность.

В статье рассматриваются некоторые аспекты общественных отношений, возникающих в сфере раскрытия мошенничеств, которые совершаются на базе страхового рынка. Уделяется внимание криминалистической характеристике преступлений данной категории. Рассмотрены закономерности, обуславливающие механизм выявления и расследования мошенничеств в сфере страхования. Представлены результаты анализа личности преступника и потерпевших. Рассмотрен механизм следообразования как средство совершения мошенничества.

Keywords:

fraud, crime, insurance, property, investigation, identity of the criminal, identity of the victim, property, operational and investigative activities.

The article examines some aspects of public relations that are used in the field of disclosure of frauds that are committed on the basis of the insurance market. Attention is paid to the forensic characteristics of this category of crimes. Regularities are considered that determine the mechanisms of investigation and investigation of fraud in the insurance industry. The analysis of the personality of the perpetrator and the victims is carried out. The mechanism of trace formation is considered as a means of committing fraud.

Современное российское государство за последние годы активно развивается в различных сферах общества, стала прослеживаться прогрессирующая тенденция развития сферы страхования, что является благоприятной средой для совершения преступлений. Основную часть составляют преступления против собственности, среди которых мошенничество выходит на первый план.

Российское уголовное законодательство четко раскрывает понятие «мошенничество в сфере страхования». Это есть умышленное хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая и размера страхового возмещения, подлежащего выплате.

Российский страховой рынок характеризуется высокими темпами развития. На данном рынке заключаются всевозможные виды страховых сделок, а оборот денежных средств в этом сегменте экономики уже давно исчисляется многомиллиардными суммами. Но данный прогресс сопровождается не только появлением на экономическом рынке современных условий страхования, развитием договорных отношений, но и возрастанием преступных посягательств, связанных напрямую со страхованием.

Страховое мошенничество обусловлено высокой латентностью, поэтому изучение криминалистической характеристики данного преступления, типичных следственных ситуаций, тактики проведения отдельных следственных действий поможет в выявлении и раскрытии таких преступлений.

Уголовно-правовое законодательство рассматривает состав преступления как конструкцию, состоящую из четырех обязательных элементов, которые характеризуют деяние как определенное преступление. В состав конструкции входят: объект и субъект преступления, объективная и субъективная стороны преступления.

Объект преступления как одна из важнейших составляющих состава преступления раскрывает общественную опасность совершенного деяния, что позволяет правильно классифицировать деятельность субъекта.

В категории рассматриваемого преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, субъектом выступает физическое лицо, которое осознавало характер совершаемых им действий.

Рассматривая такой вид преступления, как мошенничество в сфере страхования, стоит отметить, что помимо непосредственного объекта законодатель выделяет дополнительный объект – общественные отношения в сфере законного страхования, что не предусмотрено в общей норме ст. 159 УК РФ.

Переходя непосредственно к раскрытию криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования, стоит отметить, что мошенничество в страховой сфере посягает на собственность как на категорию, которая

состоит из таких элементов, как экономика и право. В гражданско-правовом смысле понятие «собственность» содержит экономический аспект, так как собственность в гражданском законодательстве относима к вещным, имущественным правам, а правовое содержание будет составлять правоспособность собственника (право владения, пользования и распоряжения имуществом).

Страховое мошенничество состоит из нескольких направлений, таких как:

- хищение чужого имущества, приобретение на него прав в сфере заключения или исполнения договора об обязательном страховании, которое совершено при помощи обмана или злоупотребления доверия, что привело к причинению ущерба собственнику;

- хищение денежных средств (страховых выплат, страховых взносов, страховых премий), которые получают мошенники как в виде взноса или страховых выплат, так и в виде страховой премии.

Одним из важных признаков, которым обладает мошенничество в сфере страхования, является признак противоправности, то есть совершение преступления с корыстной целью, с целью причинить ущерб собственнику или законному владельцу определенного имущества, которое может быть обращено как в свою пользу, так и в пользу других лиц.

При изучении структуры криминалистической характеристики мошенничеств в сфере страхования необходимо сделать вывод, что существует масса теорий и различных мнений об элементах, входящих в структуру криминалистической характеристики данного вида преступления. Большинство авторов сходятся во мнении, что криминалистическая характеристика преступлений в сфере страхования основывается на правовых, экономических, финансовых, организационных и других аспектах системы правоотношений в сфере страхования [2, с. 7].

Также к числу элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере страхования необходимо отнести такие, как:

- обстановка, благоприятствующая совершению преступления. Данный элемент можно характеризовать с помощью места совершения преступления, времени, отличительных признаков поведения различных лиц;

- предмет мошенничества;

- типичные способы (механизмы) совершения преступления;

- личность типичного преступника, совершающего мошеннические действия в сфере страхования;

- личность жертвы, которая играет немаловажную роль при расследовании данной категории дел.

Мошенничество можно разграничить по следующим основаниям.

1. В зависимости от степени организации:

- простое мошенничество – деяние, совершаемое физическими лицами, ко-

торые планируют извлечь денежные средства из наступившего страхового случая преступным путем;

– заранее подготовленное и четко спланированное мошенничество, характеризующееся достаточно высокой степенью организации (привлечение сотрудников различных государственных и правоохранительных органов, работников здравоохранения и нотариальных контор) и четким разделением между ними преступных ролей, когда каждое лицо действует согласно утвержденному плану и выполняет все возложенные на него функции по реализации своего преступного умысла.

2. В зависимости от статуса лиц, совершающих мошенничество в сфере страхования (например, когда мошенничество совершается страховщиком в отношении страхователя).

Категория мошенничества, совершаемая в сфере страхования жизни и здоровья, может совершаться такими способами, как:

- убийство или инсценировка убийства лица, которое является застрахованным, с целью получения страховой выплаты за его жизнь;
- подлог документов, использование трупа человека, максимально схожего с застрахованным лицом, с целью получения выплат;
- нанесение тяжких телесных повреждений страхователю.

Механизм слеодообразования – это следы, оставшиеся у жертвы, как средства совершения мошенничества. К следам можно отнести расписки, фиктивные документы, поддельные бумаги, отражающие действия преступников, договоры и счета, различные протоколы, в которых четко прослеживается намерение о совершении мошенничества. Действия мошенников, принимаемые к сокрытию следов, выражаются в изменении документов, ликвидации фиктивных коммерческих и банковских структур.

Еще одним наиболее важным элементом криминалистической характеристики является личность мошенника: преступления по данной категории дел наиболее часто совершаются лицами, которые имеют широкий кругозор, изворотливый ум, это высокоинтеллектуальные личности, обладающие хорошими коммуникативными свойствами. Обычно создается впечатление солидного человека, умеющего «себя подать». Чаще всего такие преступления совершаются лицами в возрасте от 20 до 45 лет. В большинстве случаев преступления данной категории совершают мужчины женатые, также данные преступления могут быть совершены и замужними женщинами, данные лица могут иметь как одно, так и несколько высших образований. Лица, совершающие такие преступления, материально обеспечены, могут иметь дорогие авто и элитное жилье. Около четверти мошенничеств совершаются группой лиц.

Такая характеристика личности мошенников очень сильно привлекает страховые компании в качестве страхователей, так как такой человек кажется надежным и грамотным в сфере страхования.

В отличие от мужчин женщины в большинстве случаев стараются действовать без создания преступной группы, в одиночку. Для мошенниц характерно совершение многоэпизодных преступлений. Они действуют по месту своей работы или по месту жительства потерпевших лиц, а иногда даже в отношении своих знакомых или близких родственников, так как это не вызывает подозрений.

Преступники имеют знания и хорошо выработанный навык, который позволяет ввести в заблуждение потерпевшее лицо относительно проведения процедуры страхования, заключения договоров.

Большинство мошенничеств в сфере страхования совершаются местными жителями, которые могут привлекать для осуществления своего преступного умысла иностранных граждан. Это напрямую указывает на преступные действия организованных групп, носящих как региональный, так и международный характер. При подготовке к совершению преступления мошенники подготавливают ряд схем и планов, позволяющих ознакомиться с условиями, в которых будет совершаться преступление, подбирают необходимые предметы (бланки документов, приобретают униформу). Также преступники изучают специфику деятельности организации, подбирают пособников, могут арендовать помещения.

Мошенничество совершается двумя способами:

- путем злоупотребления доверием – это возможно в случае наличия между преступником и жертвой доверительных отношений;
- путем обмана – искажение или сокрытие истины с целью ввода в заблуждение жертвы, в ведении которого находится имущество или с которым планируется совершение сделки.

Важным элементом криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования является личность жертвы [3, с. 7]. Зачастую это наивные и глупые люди, люди, обладающие чувством сострадания. Лица, ставшие жертвой преступления вследствие желания обойти установленные правила противозаконным путем.

При расследовании мошенничеств в сфере страхования важно обратить внимание на социально-демографические признаки личности потерпевшего, а именно: его отношение к преступнику, необходимо установить причины, которые повлекли к совершению преступления данной категории, какой ущерб был нанесен мошенническими действиями.

Многие потерпевшие не подают заявления о совершившемся в отношении них преступлении. На первоначальном этапе расследования главной задачей

является установление личности преступников и установление всех особенностей способа совершения мошенничества.

Огромное значение в расследовании мошенничества в сфере страхования имеет первоначальный этап расследования. На данном этапе должностному лицу необходимо изучить все особенности совершенного преступления, которые были выявлены в результате анализа поступившего заявления о совершенном преступлении рассматриваемой категории мошенничества, необходимо отграничить его от других видов преступлений, в том числе и других видов мошенничеств.

На первоначальном этапе одной из главных задач является выявление особенностей, установление предмета доказывания и избрание тактики предварительного расследования. Также обязательным является определение следственных действий, которые возможно провести без нанесения ущерба расследованию.

Сотрудники органов внутренних дел, осуществляя деятельность на первоначальном и последующих этапах расследования, которую они осуществляют в связи с поступившим заявлением о совершенном преступлении, обязаны придерживаться принципов. Главным принципом, которым должен руководствоваться сотрудник, является принцип неотвратимости наказания.

Гарантией успешного хода расследования является своевременное принятие решения о возбуждении уголовного дела. Несвоевременная реакция на поступившее заявление или сообщение о готовящихся или совершенных в сфере страхования мошеннических действий, оставление таких действий безнаказанными влекут повторение совершения преступления в условиях латентности, а лица, совершающие преступления, могут не осознавать характер своих преступных действий [1, с. 38].

Следователь, проводя проверку сообщения о преступлении данной категории, руководствуясь уголовно-процессуальным законом, вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать предметы и документы, имеющие значение для хода расследования, изымать их в порядке, установленном законодательством, назначать судебные экспертизы, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Также следователь вправе производить осмотр места происшествия, осмотр документов, предметов, трупов, освидетельствование, назначать ревизии, привлекать специалистов, если в этом есть необходимость.

На этапе расследования мошенничеств в сфере страхования следователь вправе использовать результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые могут стать основанием для возбуждения уголовного дела. Результаты оперативно-розыскной деятельности несут доказательственную базу. Оперативно-розыскная деятельность имеет определенную специфику, ко-

торая проявляется в применении негласных сил и средств, позволяющих выявить и установить лицо, которое подготавливало или совершило преступление.

Оперативно-розыскная деятельность раскрывается:

1) при получении первичной оперативной информации и проведении первичных оперативно-розыскных мероприятий, при наличии заявления о мошенничестве либо возбужденного уголовного;

2) при проведении последующих ОРМ, которые проводятся для установления и розыска преступников.

Не менее важным следственным действием при расследовании преступлений в сфере страхования является осмотр. Осмотр имеет свои особенности на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере страхования. Его сущность заключается в обнаружении и непосредственном исследовании найденных объектов, изучении их свойств, определении их состояния.

К общим тактическим приемам можно отнести подготовительный этап, обеспечивающий все условия для проведения осмотра, решение о применении технических средств, а также фиксацию хода и результатов проведенного осмотра, анализ и оценку следственного действия. Одним из немаловажных тактических приемов является участие специалиста-криминалиста, если возникает острая необходимость, то и участие потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и иных лиц.

На завершающем этапе осмотра следователь фиксирует его ход и результаты производства. Эта стадия заключается в письменном отражении и закреплении хода и результатов проведения осмотра.

При заполнении протокола осмотра следователь анализирует и дает оценку выявленным обстоятельствам, ходу и полученным результатам всего следственного действия.

Одним из основных этапов является предупреждение преступности. Предупреждение преступности направлено на выявление и устранение всевозможных причин и условий, которые поспособствовали совершению преступлений. Следователю необходимо разрабатывать мероприятия, которые направлены на борьбу с мошенничеством. Разработанные меры должны быть направлены на понижение уровня рисков мошенничеств, которые включают: превенцию мошенничества, выражающуюся в усилении проведения достраховых экспертиз, оценку их результатов, выбор компаний-партнеров, которые принимают участие в возмещении ущерба.

Рассмотрим одни из основных способов предотвращения мошенничеств в сфере страхования.

1. Обнаружение фактов совершения страхового мошенничества и создание системы, которая позволит быстро выявлять совершение мошеннических действий в делах по страховым выплатам. Если системой обнаружено мошен-

ничество, специалисты незамедлительно должны провести проверку и оценить возможно причиненный ущерб. Если факт совершения мошенничества подтвердился, то застрахованное лицо получает отказ в выплате, после чего материалы попадают в правоохранительные органы для проведения процессуальной проверки и принятия дальнейшего решения.

2. Разбирательство состоит из разработки процедуры выявления, также включает в себя систему сбора доказательств, регулирования выявленных инцидентов мошенничества в рассматриваемой сфере.

3. Идеальное решение – формирование единообразной базы страховщиков, вызывающих некое подозрение, доступ к которой имеют компании – страховщики.

Автоматизированная система выявления страхового мошенничества базируется на принципах моделирования прогноза. Данный метод используется с внедрением искусственного интеллекта, позволяющего анализировать информацию и автоматически принимать решения по противодействию мошенничествам в сфере страхования.

Сами же меры предупреждения мошенничеств в страховой сфере напрямую зависят от вида страховки, так как это влияет на специфику наступления страхового случая и особенности проведения выплат.

Библиографический список

1. Аверьянова, Т.В. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. – М. : НОРМА, 2001.
2. Гамза, В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: сущность, структура и содержание / В.А. Гамза // Сборник научных трудов. – Вып. 2. – М., 2001. – С. 3-16.
3. Лесных, Е.А. Некоторые элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования / Е.А. Лесных // Научный журнал КубГАУ. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2017/07/pdf/54.pdf>.

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 239 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**SPECIFIC FEATURES OF USE OF SPECIAL MEANS IN INVESTIGATING
CRIMES PROVIDED BY ST.239 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Шавкарова Елена Евгеньевна,

*старший преподаватель кафедры
предварительного расследования учебно-научного
комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России*

alena300876@rambler.ru

Ключевые слова:

экспертиза, некоммерческая организация, права и свободы граждан, деструктивные организации, доказательства.

В статье рассматриваются некоторые аспекты использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с созданием некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, и вовлечением в ее деятельность граждан. Рассматривается ряд экспертиз, при назначении которых возникают наибольшие трудности в практической деятельности. Предложены варианты вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертами и рассмотрены объекты, представляемые в экспертное учреждение.

Keywords:

expertise, non-profit organization, rights and freedoms of citizens, destructive organizations, evidence.

The article examines some aspects of the use of special knowledge in the investigation of crimes related to the creation of a non-profit organization that infringes upon the personality and rights of citizens and the involvement of citizens in its participation. A number of examinations are considered, in the appointment of which the greatest difficulties arise in practice. Variants of questions are proposed that can be posed to experts and objects presented to an expert institution are considered.

В Российской Федерации каждому человеку в соответствии со ст. 28 Конституции РФ «гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними», кроме этого в ст. 30 Конституции РФ закреплено право граждан на объединение, при этом никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Однако, как показывает практика, происходит злоупотребление данными правами, и объединения создаются для реализации преступных замыслов. В связи с этим законодатель предусмотрел уголовную ответственность за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан.

Создание такого рода организаций сопряжено с применением насилия к гражданам, причинением вреда их здоровью, а также с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению противоправных действий. Зачастую на граждан оказывается психологическое воздействие, используются психотехнологии с изменением сознания, внушение, гипноз, способные нанести вред здоровью. Особая опасность этого преступления заключается в том, что человек, как правило, не осознает воздействия на свою психику, что в итоге приводит к психическим заболеваниям, а в деятельность вовлекается большое количество граждан.

Деятельность таких организаций носит явный антисоциальный и преступный характер, в них пропагандируются идеи отказа от институтов общества, государства, семьи, обучения в школе, отрицаются общепризнанные нормы морали и нравственности.

Правоохранительные органы не всегда своевременно справляются с проблемой функционирования организаций, посягающих на личность и права граждан, так как либо организация указывает разрешенные законом основания для регистрации, либо их деятельность носит конспиративный характер. То есть преступления данной категории имеют латентный характер, что создает трудности в их выявлении и расследовании, в том числе при квалификации, определении предмета доказывания и при производстве отдельных следственных действий.

При расследовании создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, большое значение имеют результаты судебных экспертиз. Необходимо отметить, что в действиях лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 239 УК РФ, одновременно усматривают признаки преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»¹. Это становится воз-

1 URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/508742> (дата обращения: 19.03.2021).

возможным благодаря назначению соответствующих экспертиз и правильной постановке вопросов, подлежащих разрешению. Рассмотрим наиболее характерные судебные экспертизы, назначаемые по данной категории дел.

Судебно-медицинская экспертиза назначается в отношении лиц, которым преступными действиями причинен физический вред. Порядок организации и производство судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации утвержден приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346-н. Судебно-медицинские экспертизы (далее по тексту – СМЭ) проводятся в государственных судебно-экспертных учреждениях, экспертных подразделениях системы здравоохранения, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности по соответствующим работам (услугам).

Как уже говорилось ранее, лица, вовлеченные в деятельность деструктивных организаций, крайне редко обращаются в правоохранительные органы после получения телесных повреждений в ходе каких-либо обрядов, собраний и т.д., в связи с чем бывает затруднительно установить характер и степень вреда, причиненного их здоровью. Как правило, назначение СМЭ возможно в тех случаях, когда потерпевший обращался в медицинские учреждения. Следовательно необходимо на основании судебного решения провести выемку медицинской документации, включая рентгеновские снимки, после чего вынести постановление о назначении СМЭ. Вопросы, которые ставятся на разрешение эксперта, являются стандартными для данного вида экспертизы.

Судебно-психиатрическая экспертиза проводится в отношении обвиняемого для установления наличия или отсутствия у него психического заболевания, влияющего на возможность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими. Хотелось бы отметить, что в ходе расследования создания некоммерческой организации, посягающей на права граждан, в отношении большинства обвиняемых проводились судебно-психиатрические экспертизы (далее по тексту – СПЭ).

Порядок производства данной экспертизы утвержден приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н, она проводится в государственных судебно-психиатрических экспертных учреждениях либо специализированных судебно-психиатрических экспертных подразделениях, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности по соответствующим работам (услугам).

Специалистами ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России предложены формулировки наиболее часто встречающихся в современной следственной практике вопросов, которые ставятся перед экспертами-психиатрами при экспертизе обвиняемого².

2 URL: <https://serbsky.ru/2018/06/06/sudebno-psihiatricheskaja-jekspertiza-v-ugolovnom-processe/> (дата обращения: 19.03.2021).

Для производства СПЭ предоставляются материалы уголовного дела, а также медицинская документация из психоневрологического диспансера по месту жительства обвиняемого (при наличии).

Так, согласно определению Верховного Суда РФ от 30 марта 2004 г. по делу № 4-004-37 Д. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 208 УК РФ, ч. 1 ст. 239 УК РФ, ч. 3 ст. 127 УК РФ, пп. «а», «г», «е» ч. 2 ст. 117 УК РФ, с применением принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа. Согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы Д. страдает хроническим психическим расстройством в форме шизофрении, поэтому в период, относящийся к совершению им инкриминируемых деяний, он не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими³.

Психолого-лингвистическая экспертиза назначается при изъятии в ходе расследования текстовых документов, листовок, аудио- и видеозаписей с лекциями, службами и т.д. для установления наличия в данных материалах психологического воздействия на сознание членов деструктивных организаций, побуждении их к действиям (например, отказу от исполнения гражданских обязанностей, совершению иных противоправных деяний).

Тексты, изъятые в электронном виде, необходимо распечатать на бумаге. Кроме этого, предоставляемые тексты должны быть надлежащего качества, в случае выполнения светокопий или фотографирования текст должен быть разборчивым. Текст, размещенный в сети Интернет, необходимо предоставлять в виде распечатанных скриншотов. При предоставлении голосовых текстов в виде аудио- или видеозаписей необходимо обозначать границы исследуемого текста. Аналогично нужно поступать и при предоставлении объемного текста [2, с. 142-143].

Перед назначением данной экспертизы рекомендуется провести консультирование с экспертами по поводу формулировки вопросов, которые необходимо поставить для разрешения, так как они будут зависеть от обстоятельств совершенного преступления, доктрины деструктивной группы и конкретных записей, имеющих в распоряжении следователя.

На разрешение экспертов возможна постановка следующих вопросов.

1. Имеются ли в тексте, представленном на исследование, признаки маскировки его содержательных элементов? Если да, то можно ли определить значения скрытых элементов текста либо их характеристики?

2. Имеются ли в представленном тексте признаки вербальной агрессии в форме угрозы?

³ URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_30148.htm (дата обращения: 19.03.2021).

3. Может ли текстовый материал, представленный на экспертизу, оказать побудительное воздействие на сознание, волю и поведение человека?

4. Имеются ли в представленном тексте признаки побуждения к каким-либо действиям? Если да, то каковы роли и функции собеседников в представленной на фонограмме речевой ситуации и о каких действиях и их субъектах, событиях и их участниках, а также обстоятельствах действий или событий идет речь?

5. Содержит ли представленный материал признаки, указывающие на психологическое давление, психологическое воздействие, манипулирование в процессе взаимодействия?

6. В каком психологическом состоянии находятся участники коммуникации?

7. Находятся ли участники коммуникации в состоянии стресса или ином состоянии, которое могло бы снизить уровень сознательного контроля за своими действиями и ограничить свободу волеизъявления?

8. Содержат ли использованные в данном материале словесные (изобразительные) средства унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной, социальной группы (какой именно) или отдельных лиц как ее представителей?

9. Содержится ли в данном материале информация, обосновывающая необходимость применения насилия в отношении представителей каких-либо этнических, расовых или религиозных групп (каких именно) или отдельных лиц как ее представителей?

10. Используются ли в данном материале специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против каких-либо этнических, расовых или религиозных групп (каких именно) или отдельных лиц как их представителей?

В данном перечне содержатся вопросы для текстовых документов, для аудио- или видеоматериалов, а также вопросы, устанавливающие наличие или отсутствие признаков возбуждения ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ). Данную экспертизу возможно провести в Федеральном бюджетном учреждении «Лаборатория судебных экспертиз Министерства юстиции Российской Федерации», которые имеются в каждом регионе России.

Религиоведческая экспертиза проводится по делам о преступлениях, совершаемых по мотивам религиозной ненависти и вражды; по делам об экстремизме (как самостоятельно, так и в составе комплексных исследований: религиоведческо-лингвистических, религиоведческо-психологических, психолого-религиоведческо-лингвистических и др.); по делам, связанным с созданием религиозных объединений.

На данную экспертизу предоставляются следующие материалы: устав религиозной организации; предметы религиозного культа; религиозная продукция (лекции, проповеди и т.д.); аудио- или видеозаписи служб, собраний и т.д.

В рамках проведения данной экспертизы могут быть разрешены следующие вопросы.

1. Соответствуют ли положения, содержащиеся в представленных материалах, религиозному учению? Если да, то какому именно (какому его направлению)?

2. Какова доктрина данного религиозного учения, его принципы, определяющие отношения верующих со светской властью, представителями других конфессий?

3. Могут ли положения, содержащиеся в представленных материалах, служить мировоззренческой основой для формирования радикальных религиозных взглядов (каких именно) и (или) противоправных действий (каких именно)?

4. Не носят ли представленные материалы характер, оскорбляющий религиозные чувства и достоинство верующих (какой религии или конфессии)?

Это не исчерпывающий перечень вопросов, перед назначением религиозно-экспертной экспертизы необходимо провести консультацию со специалистами в данной области знания.

Проведение такой экспертизы возможно в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, расположенном в г. Москве.

Медико-психолого-психиатрическая экспертиза потерпевших проводится в отношении потерпевших с целью установления наличия психических заболеваний, которые могли возникнуть в результате психологического воздействия во время посещения деструктивной организации.

При производстве данной экспертизы обязательному анализу должны подвергаться последствия культового насилия над сознанием, в том числе с момента выхода человека из-под влияния [1].

Для производства экспертизы предоставляются материалы уголовного дела, в которых должны содержаться сведения о психологическом состоянии и поведении потерпевшего до вступления его в деструктивную организацию, а также во время нахождения в ней; данные о взаимоотношениях потерпевшего с руководителем и активными участниками организации, а также сведения о полученных потерпевшим телесных повреждениях.

При производстве данной экспертизы необходимо устанавливать наличие психических заболеваний у потерпевшего, а также причинно-следственную связь между данным заболеванием и вовлечением его в деятельность деструктивной организации, а также возможность правильно воспринимать обстоятельства и давать по ним правдивые показания.

Данную экспертизу необходимо назначать специалистам государственного судебно-психиатрического экспертного учреждения либо специализированного судебно-психиатрического экспертного подразделения, имеющего лицензию на осуществление медицинской деятельности по соответствующим работам (услугам) с привлечением в комиссию экспертов-психологов и медиков.

Так, согласно приговору Ленинского районного суда г. Уфы № 1-83/2018 от 8 июня 2018 г. по делу № 1-83/2018 одним из доказательств виновности Ф. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ, являлось заключение амбулаторной комплексной медико-психолого-психиатрической судебной экспертизы <...>, согласно которому потерпевшая № 1 каким-либо хроническим психическим расстройством или слабоумием не страдает, обнаруживает признаки органического эмоционально лабильного расстройства. Об этом свидетельствуют данные анамнеза, медицинской документации, копии медицинской документации и настоящего психиатрического освидетельствования о наличии соматического заболевания (неспецифический язвенный колит), перенесенной в <...> под общим наркозом хирургической операции, присоединении дисциркуляторной энцефалопатии с появлением жалоб на головные боли, головокружение, общую слабость, утомляемость, шум в ушах, тревожность, колебания настроения, нарушения сна, ранимость; легкое снижение памяти, некоторая инертность мышления, эмоциональная лабильность в сочетании с органической неврологической микросимптоматикой. Посещение потерпевшей № 1 религиозного объединения <...> повлияло на ее психиатрическое состояние, причинило тяжкий вред ее здоровью, оказав на нее деструктивное влияние, вызвав у нее декомпенсацию имеющихся у нее изменений психики, проявляющуюся в форме расстройства по типу зависимой личности (F 60.72), о чем свидетельствуют материалы уголовного дела и выявленное при психиатрическом освидетельствовании наличие зависимого поведения, с подчинением руководителю религиозного объединения <...>, подчиненностью групповому модусу поведения в этом объединении, необходимостью в поддержке со стороны значимого для нее окружения, снижением собственной инициативы и самостоятельности, групповой социальной изоляцией, сужением круга общения, перекладыванием решений своих проблем на руководителя <...>, ограничением интересов деятельностью этого объединения, стойким характером сформированных установок, парциальной внушаемостью, не критичностью к учению объединения <...>. С учетом указанных изменений психики у потерпевшей № 1 с наличием зависимости от руководителя и членов объединения <...>, не критичностью в оценке учения объединения (то есть в период совершения в отношении нее противоправных действий со стороны объединения <...>), она могла, а также может в настоящее время правильно воспринимать лишь внешнюю, фактическую сторону обстоятельств, имеющих значение

для уголовного дела, могла ранее в период следствия, а также может в настоящее время давать о них показания⁴.

По данной категории уголовных дел возможно назначение фоноскопической экспертизы по аудиозаписям, изъятым в ходе расследования и содержащим основные положения доктрины деструктивной организации, а также другие сведения, подтверждающие преступный характер действий организатора, руководителя и активных участников. Данную экспертизу целесообразно назначать до производства психолого-лингвистической экспертизы.

По изъятой компьютерной технике возможно назначение компьютерной экспертизы с целью установления наличия на жестком диске файлов, содержащих сведения о деятельности деструктивной организации, для дальнейших их исследований в ходе предварительного следствия.

4 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MAS5QYqCOMlN/> (дата обращения: 19.03.2021).

Библиографический список

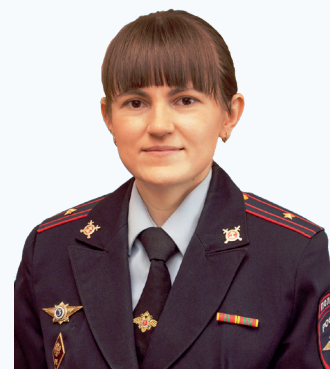
1. Полянская, В.А. Обзор по вопросам назначения судебно-психологической экспертизы психологических воздействий / В.А. Полянская // Юридическая клиника Юридического института ИГУ. – URL: <http://clinic.lawinstitut.ru/ru/practice/11/5.html> (дата обращения: 19.03.2021).

2. Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации : справочное пособие / под ред. П.Л. Гришина. – М. : ЭКЦ МВД России, 2016. – С. 142-143.

**ПРИЗНАНИЕ НЕДОПУСТИМЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**RECOGNITION OF INADMISSIBLE EVIDENCE AS A GUARANTEE
OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY
AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Шамшина Ольга Сергеевна,
*преподаватель кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России*

olgashos2014@yandex.ru

Ключевые слова:

доказательства, законность, принцип законности, допустимость доказательств, недопустимые доказательства.

В статье рассматривается признание доказательств недопустимыми как элемент системы гарантий реализации принципа законности уголовного судопроизводства. Анализируются правила, несоблюдение которых ведет к признанию доказательств недопустимыми.

Keywords:

evidence, legality, principle of legality, admissibility of evidence, inadmissible evidence.

The article considers the recognition of evidence as inadmissible as an element of the system of guarantees for the implementation of the principle of legality of criminal proceedings. The article analyzes the rules, non-compliance with which leads to the recognition of evidence as inadmissible.

Принцип законности при производстве по уголовному делу, получивший закрепление в ст. 7 УПК РФ, предполагает точное и неуклонное соблюдение Конституции РФ и законов всеми государственными органами, должностными лицами, гражданами и организациями, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. Данное положение уголовно-процессуального закона

конкретизирует конституционное требование, зафиксированное в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ. Кроме того, в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ закреплён принцип недопустимости использования в судопроизводстве доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Состояние законности в изучаемой сфере вызывает обеспокоенность не только у правоприменителей, но и у научного сообщества. Периодически выявляются случаи противоречия между некоторыми нормативными правовыми актами и предписаниями уголовно-процессуального законодательства, а также факты произвола, фальсификации, прямого подлога, на что неоднократно обращал внимание Президент России В.В. Путин, требуя «предельно жестко пресекать подобную деятельность и решительно избавляться от такого рода сотрудников, преступающих закон»¹.

Более того, согласно данным статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2019 г. были выявлены около 5,13 млн нарушений закона на досудебной стадии уголовного судопроизводства, в том числе при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, а также при производстве следствия и дознания, в 2020 г. – уже 5,08 млн².

Остаются стабильно высокими показатели количества поступивших в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб на неправомерность действий должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (в 2017 г. рассмотрены 121 828 жалоб, в 2018 г. – 121 845, в 2019 г. – 119 775, в 2020 г. – 107 472)³.

Также заместитель председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдов указывал, что нарушения закона, допускаемые следователями, «не только снижают качество расследования дел, но и существенно влияют на сроки расследования, а в дальнейшем на результаты рассмотрения дел и материалов в судах»⁴.

Поэтому видится актуальным дать оценку процедуре признания доказательств недопустимыми в качестве гарантии реализации принципа законности на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

В ст. 75 УПК РФ законодатель называет недопустимыми такие доказательства, которые добыты с нарушением требований УПК РФ. К примеру, допустимым доказательством не могут считаться показания свидетеля, которые базируются на догадках, показания подследственных, которые получены без участия защитника (в случаях, когда сам подозреваемый, обвиняемый от него не отказывался), вещи, изъятые у адвоката по делам его доверителей, и другие. При этом перечень недопустимых доказательств не является исчерпывающим, поскольку в п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ законодатель прямо говорит о наличии иных доказательств, которые добыты с нарушением закона.

1 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860>.

2 URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=58866781>.

3 URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

4 URL: <https://www.interfax.ru/russia/650450>.

По мнению Г.П. Падвы, невозможно составить перечень всех возможных встречающихся нарушений УПК РФ, которые могут служить основанием для признания доказательства недопустимым [4, с. 22]. Решение о допустимости доказательства должно быть принято в каждом конкретном случае с учетом требований закона и позиции Пленума Верховного Суда РФ.

Более того, сопоставление положения Конституции РФ и УПК РФ демонстрирует некоторое расхождение в том, какое же нарушение повлечет недопустимость доказательства: только ли процессуального порядка, установленного УПК РФ, или любого федерального закона, как это сказано в тексте Конституции РФ. Большинство исследователей данного вопроса едины во мнении, что недопустимость доказательства последует за нарушением любого федерального закона, поскольку юридическая сила Конституции РФ превосходит силу УПК РФ.

Но любое ли нарушение УПК РФ или другого закона повлечет за собой недопустимость того или иного доказательства? Здесь ученые и правоприменители не имеют единой точки зрения, продолжая дискуссии. Так, А.М. Лютынский обосновывает вывод о том, что лишь грубые нарушения должны влиять на решение о недопустимости доказательства, поскольку соблюсти абсолютную законность на досудебной стадии уголовного судопроизводства невозможно [3, с. 232]. Е.С. Березина и вовсе настаивает на выделении в законе четких критериев существенных нарушений уголовно-процессуального порядка, наличие в деле которых влечет невозможность использования данных доказательств при принятии решений по уголовному делу [1, с. 10].

В качестве положительного примера ряд ученых предлагают законодательство Латвии, в уголовно-процессуальном законе которой прямо перечислены такие нарушения, которые безоговорочно делают доказательства недопустимыми, а также те нарушения, которые хоть и допущены, но не влияют на достоверность полученных сведений⁵. Следствием таких нарушений не станет признание доказательств недопустимыми.

Мы хоть и разделяем позицию о высокой степени сложности собирания доказательств в строгом соответствии с законом, однако не считаем возможным законодательно закреплять саму возможность допущения нарушений на досудебной стадии уголовного судопроизводства, особенно принимая во внимание то количество нарушений на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которые фиксируются в наши дни.

При этом, говоря о последствиях признания доказательства недопустимым, нельзя сделать однозначного вывода. С точки зрения закона, доказательство должно быть исключено из материалов уголовного дела, а суд в дальнейшем

5 URL: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html/.

не сможет опираться на него при принятии решения. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что в случае острой необходимости доказательство хоть и косвенно, но может сыграть свою роль. Например, в случае, когда обыск вопреки требованиям УПК РФ произведен с участием только одного понятого, суд, не принимая во внимание протокол такого действия, может допросить понятого и принять его показания о предметах, которые он увидел, в качестве письменного доказательства. Некоторые исследователи и правоприменители настаивают на том, что в случае нарушений при обыске не только протокол следственного действия нужно исключить из поля зрения, но и действие его участников целиком. Другими словами, недопустимым должен быть и допрос понятого, показания которого могут лечь в основу принятого судом решения.

В данном случае вопрос стоит действительно остро, поскольку при решении вопроса о недопустимости доказательства необходимо соблюсти баланс интересов. Доказательство, хоть и добытое с некоторыми нарушениями закона, может быть необходимо потерпевшим для защиты своих нарушенных прав, а также для воспрепятствования продолжению преступной деятельности в отношении других лиц.

Доктор юридических наук М.С. Колосович, изучая концептуальные основы процессуальных средств обеспечения гласности в уголовном судопроизводстве, упоминает о недостаточном обеспечении законности уголовно-процессуальной деятельности следователей, что выражается в неизменно высоком количестве жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, а также жалоб в Европейский Суд по правам человека. При этом М.С. Колосович характеризует гласность как одну из гарантий законности в уголовном судопроизводстве [2].

Анализ норм действующего УПК РФ демонстрирует, что гарантами законности на досудебной стадии уголовного судопроизводства выступают суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель. Кроме того, с позиции защиты подследственных, соблюдение законности призван обеспечить адвокат. При этом вопрос о допустимости доказательства представляется важнейшим аспектом, гарантирующим законность на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Так, нарушение принципа законности может быть совершено на стадии досудебного производства по уголовному делу, которое может быть выявлено в ходе судебного разбирательства. Стоит привести пример, когда следователем окончено производство по уголовному делу, прокурору г. П. направлено обвинительное заключение, которое им утверждено, и уголовное дело направлено в суд г. П. для рассмотрения по существу. По результатам рассмотрения судом вынесен обвинительный приговор, который был обжалован осужденным К. и его защитником в апелляционном порядке. Областным судом при рассмо-

тении апелляционной жалобы установлено, что на стадии досудебного судопроизводства было нарушено право обвиняемого на защиту, так как обвиняемый К. не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ, а предъявление ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого и допрос его в качестве обвиняемого были проведены без участия защитника. Вышеуказанные обстоятельства свидетельствовали о нарушении гарантированного законом права обвиняемого на защиту и о допущенном в ходе предварительного расследования нарушении уголовно-процессуального закона, что повлекло в том числе признание протокола допроса обвиняемого К. недопустимым доказательством, а также отмену приговора и возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования.

Приведем еще один пример. Так, по результатам производства предварительного расследования, в прокуратуру г. Г. для утверждения обвинительного заключения направлено уголовное дело. По результатам изучения указанного уголовного дела заместителем прокурора г. Г. вынесено постановление о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия и устранения выявленных недостатков, связанных с нарушением требований ст. 164, 166, 189, 191 УПК РФ. Данные нарушения выразились в том, что несовершеннолетний свидетель С. допрошен по делу с участием представителя П., являющегося потерпевшим по данному уголовному делу, что прямо противоречит интересам С. как свидетеля по делу, поскольку П. в рассматриваемом преступлении причинен имущественный ущерб, вследствие чего П. является заинтересованным лицом по делу и может влиять на беспристрастность показаний С. в качестве свидетеля, что может повлечь нарушение принципа состязательности в ходе расследования уголовного дела.

Кроме того, следователем проведен допрос несовершеннолетнего свидетеля Д., не достигшего возраста 16 лет, с участием ведущего специалиста отдела образования администрации г. Г., который имеет образование по специальности «социальная работа», но не имеет образования по специальности педагог или психолог. Учитывая данные факты, заместителем прокурора г. Г. показания несовершеннолетних свидетелей С. и А. были признаны недопустимыми доказательствами.

Широкий круг лиц, наделенных обязанностью по реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве, свидетельствует об острой необходимости в обобщении практики признания доказательств недопустимыми в целях минимизации числа нарушений, а также для соблюдения конституционных прав лиц, являющихся участниками такого судопроизводства.

Признание доказательств недопустимыми вследствие нарушений УПК РФ при их получении призвано обеспечить законность в российском уголовном

судопроизводстве и гарантировать, чтобы принимаемые решения по уголовным делам основывались лишь на доказательствах, юридическая сила которых бесспорна и действительна.

Библиографический список

1. Березина, Е.С. Проблемные вопросы исключения недопустимых доказательств в досудебном производстве / Е.С. Березина // Российский следователь. – 2013. – № 5. – С. 9-12.
2. Колосович, М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.С. Колосович. – Волгоград, 2019. – 59 с.
3. Лютынский, А.М. О процедуре признания доказательства недопустимым в российском уголовном судопроизводстве / А.М. Лютынский // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 7. – С. 225-234.
4. Падва, Г.П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству : практическое пособие / Г.П. Падва, Ю.В. Корневский. – М., 2004.

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Приглашаем ученых, сотрудников правоохранительных органов, соискателей и аспирантов юридических вузов и факультетов опубликовать свои научные статьи в научно-практическом сетевом издании «Научный компонент».

В журнале могут быть опубликованы статьи на темы:

- профилактика немедицинского употребления психоактивных веществ, противодействие незаконному обороту наркотиков;
- теория и практика раскрытия и расследования преступлений;
- правовые и гуманитарные проблемы правоохранительной деятельности;
- социально-экономическая направленность;
- специальная, оперативно-боевая, физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов;
- совершенствование образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего профессионального образования;
- кадровая и воспитательная работа.

По решению редакционной коллегии в журнале могут быть опубликованы научные и информационные материалы, не предусмотренные тематикой журнала.

Редакция организует рецензирование каждой представленной рукописи.

Материалы публикуются на безгонорарной основе.

Рукописи и диски как опубликованных, так и неопубликованных материалов не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Сетевое издание размещается в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте <https://sibli.ru/>, журнал включен в РИНЦ и размещается в научных электронных библиотеках (<http://www.elibrary.ru>, <https://cyberleninka.ru/>).

Каждой статье выпусков присваивается цифровой идентификатор объекта (DOI).

Требования к статьям

1. Статья предоставляется в редакцию журнала в электронной версии.
2. Вместе со статьей автор предоставляет заполненный и подписанный лицензионный договор (бланк договора доступен на сайте журнала).
3. К статье прилагается заключение комиссии об отсутствии сведений ограниченного распространения.
4. Для адъюнкта (аспиранта) прилагается отзыв научного руководителя.
5. Статья обязательно сопровождается письмом, в котором указываются контактные данные авторов (адрес, телефоны, адрес электронной почты).
6. К письму отдельным файлом прикладывается фотография автора в цифровом варианте в формате *.jpg, *.jpeg, *.tif, *.tiff с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).
7. Элементы издательского оформления материалов включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках, ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), наименование страны (для иностранных авторов);
 - заглавие публикуемого материала на русском и английском языках;
 - индекс УДК (Универсальной десятичной классификации);
 - аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках. Аннотация должна соответствовать ГОСТ 7.9-95 (ИСО 214-76) (в среднем 500 знаков);
 - пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии ГОСТ 7.0.100 – 2018, **в алфавитном порядке** (не допускается включение нормативных правовых актов в библиографический список, их надлежит указывать непосредственно в тексте статьи!).
8. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word (*.doc, *.docx);
 - шрифт Times New Roman, обычный, кегль 14 пунктов;
 - абзацный отступ – 1,25 см, выравнивание по ширине (не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел!»), межстрочный интервал полуторный;
 - объем статьи 8-16 страниц;
 - сноски на литературу оформляются отсылками к пристатейному библиографическому списку (в квадратных скобках). Список составляется в алфавитном порядке;
 - графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические иллюстрации должны быть выполнены с использованием штриховой заливки, пронумерованы и представлены отдельными файлами в формате *.tif, *.tiff, *.jpg, *.jpeg в черно-белом или цветном изображении с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм); подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект;
 - файл именуется по фамилии автора (авторов): «Иванов»; графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т.п.: «Рисунок 1.jpg», «Таблица 3.doc».
9. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не рассматриваются.

Ждем Ваши материалы по адресу:

660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20
E-mail: onrio@yandex.ru
Телефоны: (391) 222-41-30, 222-41-31

Над номером работали

редакторы: Е.В. Василевская, Ю.В. Леонтьева, О.В. Сергиенко
дизайн и верстка: Е.В. Василевская

Подписано в печать 30.09.2021
Программное обеспечение Adobe InDesign CS6
Объем издания 50,6 Мб

Адрес редакции и издательства:

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20